

В. Бобров

**САМЫЙ
ИНТЕРЕСНЫЙ
МАТЧ**



Всеволод Бобров



Самый
интересный
матч

«Физкультура и Спорт» - 1963

РС
Б72

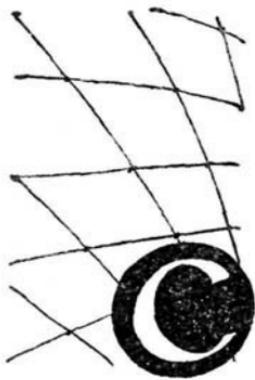
Книга заслуженного мастера спорта В. Боброва «Самый интересный матч» — мемуары одного из самых выдающихся советских спортсменов—футболиста и хоккеиста.

В. Бобров много лет входил в сборные команды страны по футболу и хоккею, участвовал в крупнейших международных встречах.

В своей книге Бобров перелистывает славные страницы истории наиболее популярных в нашей стране видов спорта, вспоминает о своих товарищах—выдающихся футболистах и хоккеистах.

В. Бобров отнюдь не ограничивается лишь изложением истории, он делает интересные выводы, обобщения, дает меткие характеристики, которые в устах такого замечательного мастера приобретают особую ценность.

Литературная запись
ЛЕОНИДА ГОРЯНОВА



ПОЧЕМУ

Так называю я главу, которая должна была бы завершать книгу, но с которой мне хочется ее начать.

порт,— пожалуй, одно из самых постоянных человеческих увлечений. Тот, кто хоть раз по-настоящему полюбил спорт, понял его романтику, его поэзию, тот до конца дней своих сохранит большое трепетное чувство ко всему, что происходит на зеленом поле стадиона, беговых и водных дорожках, на игровых площадках и в гимнастических залах... Азарт сражения, опьяняющая радость победы, неповторимое ощущение силы, ловкости, здоровья — все эти чувства, заражающие нас с детства, не проходят никогда. И как бы ни устали мы в сегодняшнем поединке, каким бы разочаровывающим ни был для нас его результат — завтра при звуке судейской сирены вновь учащенно, взволнованно, радостно забьется сердце.

Однако время, конечно, берет свое. Придя на очередной матч, мы вдруг обнаруживаем, что в составе близкой нашему сердцу команды нет самого любимого спортсмена: сначала он отсутствует на одном состязании, самом незначительном, потом пропускает два-три выступления подряд и вдруг исчезает совсем. Мастер, при одном виде которого еще вчера неистовствовали трибуны, сегодня сам приходит на трибуны — как болельщик, как педагог, как тренер. Ничего не поделаешь, во всем этом своя железная закономерность, своя неумолимая логика.

Уже нет сил вести борьбу на равных с молодежью, нет ее здоровья и свежести, ее неиссякаемой энергии. Но есть нечто такое, что по праву можно назвать бесценным капиталом. Это опыт, приобретенный за долгие

годы. Нельзя таить его в себе. Хочется передать его молодым, тем, кто пришел и придет еще на смену «старой гвардии», чтобы продолжить начатое ею. Хочется еще раз, отойдя от сыгранных матчей на дистанцию времени, вспомнить все интересное, все наиболее яркое, происшедшее с нами на футбольных и хоккейных полях. Ведь в каждом отгремевшем сражении можно найти не только повод для волнующего рассказа, но и наблюдения, которые помогут юным избежать нынешние ошибки и сделать правильный шаг там, где мы искали почву и спотыкались.

Вот почему я берусь за перо. Мысль убегает на десятки лет назад, в далекое детство. В уме рождаются первые строчки — строчки, посвященные сладким воспоминаниям. И вдруг тишину комнаты нарушает пронзительная трель телефонного звонка.

— Алло,— слышу я в трубке голос одного из своих старых друзей по спорту,— ты уже, конечно, знаешь, что наши проиграли сборной Чили?

— Знаю...

— А как ты думаешь — почему? Почему наши ребята никак не могут пробиться хотя бы в полуфинал?

— Видишь ли, на этот вопрос сразу не ответишь. Приходи — потолкуем...

Кладу трубку. Но о детстве уже не думается. Я начинаю подбирать слова, фразы, положения, которые выскажу товарищу. В этот самый момент снова звенит телефон. И снова — тот же самый вопрос. Его повторяли на службе. Его я слышал в троллейбусах, в поездах электрички, на трибунах стадионов. Сотни, тысячи «почему?» волновали тогда и волнуют сейчас нашу спортивную общественность. Волновали тех, кто защищал честь советского футбола в далекой Арике, и тех, кто жадно следил за каждым их шагом. Волновали в те памятные, тронутые горечью поражения летние дни 1962 года и волнуют сегодня, сейчас, будут волновать завтра и послезавтра.

Будут! Ибо мы хотим — и это желание совершенно естественно,— чтобы наши мастера кожаного мяча были достойны славы советского спорта, были самыми лучшими в мире. Мы хотим, чтобы отечественный футбол поднялся на невиданную высоту, чтобы он имел своих Куцов и Брумелей, Тер-Ованесянов и Власовых... Мы

хотим! И мы непрестанно думаем о том, что же еще нужно сделать, чтобы достигнуть этой желанной цели. Мы думаем о том, что нам мешает на пути к ней.

На мой взгляд, это прежде всего острый недостаток серьезного опыта международных встреч. Я уже вижу иронические улыбки на лицах некоторых товарищей. Но не спешите с опровержениями, пожалуйста.

Когда более десяти лет тому назад мы впервые вышли на арену официальных международных соревнований и пробовали свои силы в олимпийском турнире, нам не хватало опыта вообще, для нас каждый матч с иностранцами был тогда чрезвычайным, из ряда вон выходящим событием. Теперь это время далеко позади. Наши мастера — не только класса «А», но и класса «Б» — ежегодно выступают на стадионах всех частей земного шара и принимают гостей из самых различных стран мира. Это хорошо, очень хорошо.

И если я все же поставил на первый план именно отсутствие опыта, то прошу понять меня: речь идет о серьезном турнирном опыте, об опыте участия в крупных международных состязаниях. В самом деле, каждый спортсмен очень хорошо знает, что товарищеское состязание никогда не может сравниться с выступлением, в котором оспаривается высокое звание чемпиона, кубок или какой-либо другой почетный трофей. Только здесь проверяются и взвешиваются подлинные силы сторон, оттачивается оружие стратегии и тактики, происходит необходимая морально-волевая закалка, без которой сегодня немислимо достижение какой бы то ни было победы.

Вот почему, по моему твердому убеждению, нужно почитать за благо участие в каждом состязании высокого класса. Мы же отказываемся от этого. В самом деле, возьмем такой популярный на континенте турнир, как розыгрыш Кубка европейских чемпионов. В сезоне 1962/63 г. в нем участвовало рекордное количество команд. Здесь «Дукла» из Праги, будапештский «Вашаш», бухарестское «Динамо», чемпион ГДР «Форвертс», софийская ЦДНА. Здесь лучшие команды Англии, Австрии, Бельгии, Италии, Франции... И только чемпион Европы среди сборных команд не был представлен в этом авторитетном турнире. Нет нашей команды и среди участников розыгрыша Кубка обладателей кубков.

После чилийских баталий футбольный мир заговорил о главной сенсации чемпионата — замечательном, достойном самой высокой похвалы успехе наших чешских друзей. В связи с этим я бы хотел напомнить, что спортсмены Чехословакии уже неоднократно участвуют в состязаниях, о которых говорилось выше, а также и во многих других. Не является ли опыт, приобретенный ими в этих состязаниях, одним из объяснений их большого взлета? Лично я утвердительно отвечаю на этот вопрос.

Сравнительно мало и, что особенно плохо, неравномерно участвует в международных состязаниях наша национальная сборная. Ее начинают, как правило, сколачивать в преддверии какого-либо крупного состязания и незадолго до его начала пропускать через горнило контрольных матчей. Такая система, я знаю по себе, отрицательно влияет на психику, на моральное состояние футболиста. Игрок в это время мучительно думает о том, останется ли он в сборной или нет, слишком старается, а, как говорится, «все, что слишком, всегда плохо». К тому же за период сборов, пусть даже самых длительных, трудно наладить творческие взаимосвязи в линиях и между линиями, трудно добиться того физического и духовного единства, которое превращает одиннадцать различных игроков в единый, сплоченный коллектив.

Где же выход? Мне думается, что национальная сборная в двух или трех составах должна быть постоянным, ежегодно утверждаемым коллективом — со своими тренерами, своим расписанием тренировок, занятий, со своим четко продуманным годовым циклом, существующим вне зависимости от того, ожидаются ли какие-нибудь крупные соревнования или нет. Как каждый клубный коллектив, сборная может и, естественно, будет обновляться, но при такой постановке дела у нее всегда останется сыгранный, боевой костяк.

Наша сборная, по-моему, должна значительно расширить план и географию своих международных встреч. Еще много лет назад Илья Ильф и Евгений Петров в корреспонденции из Киева писали в газете «Правда»: «Представляется совершенно несомненным, что советским футболистам надо встречаться с командами, занимающими первые пять мест в мире. Путь к мировому первенству не будет усыпан розами. Как видно, пред-

стоят и огорчения. Но уж если браться за дело, то браться всерьез...».

Актуальность этого утверждения, сделанного еще в 1935 году, неизмеримо возросла. В самом деле, почему в период между крупными соревнованиями мы не встречаемся с лучшими из лучших? Разве нельзя было в течение четырех лет, отделявших шведский чемпионат от чилийского, организовать матч с теперь уже двукратным чемпионом мира — Бразилией? Несмотря на несколько неудачное выступление, несомненно, командой больших возможностей и высокой техники является сборная Италии. Да разве мало еще таких же сильных команд! Почему наши парни не играют с ними? Пусть мы проиграем сегодня, но завтра мы будем сильнее, во много раз сильнее. Разве жизнь не дает этому подтверждение? Разве даже в нашем недалеком прошлом мы не видим ярких примеров этого?

Вспомните морозную, снежную зиму 1948 года. Мы только-только еще начинали играть в хоккей с шайбой, были зелеными новичками — не больше. И вот принимается смелое решение — пригласить чехословацких хоккеистов, чемпионов мира 1947 года, призеров только что закончившегося тогда в Сан-Морице олимпийского турнира. Да, мы проиграли тогда второй матч (3:5) и с большим трудом свели вничью третий. Да, мы увидели, что по ряду пунктов еще отстаем от наших товарищей в спорте. Но именно эти встречи помогли нашему бурному росту, который так блестяще завершился в 1954 году завоеванием мировой хоккейной короны.

Нет, нельзя забывать ни на минуту неписанный закон спорта: кто боится проигрывать, тот никогда не научится побеждать!

За последнее время в нашей печати много и резко критиковалась существовавшая система розыгрыша первенства страны, делавшая многие матчи попросту ненужными и поэтому, естественно, неинтересными. Сейчас уже дело, к счастью, исправлено, хотя лично мне избранный вариант тоже не кажется блестящим. Во всяком случае, считаю, что игровое напряжение во второй группе класса «А» поддерживать будет довольно трудно. Но, как говорится, поживем — увидим.

Однако об одной теневой стороне календаря — и старого и нового — я хочу поговорить в связи вот с чем.

После окончания чемпионата мира в Чили у меня в гостях побывали несколько игроков нашей сборной. Мы беседовали, естественно, о том, что волновало больше всего — о том, что произошло в Чили. Один из мастеров вдруг сказал смущенно:

— Мы очень устали под конец турнира. Не успевали отдохнуть от матча к матчу.

Я посмотрел на остальных. Они кивали головой в знак согласия.

В чем же дело, задумался я, ведь в те годы, когда играл я, мир поражался прежде всего именно выносливостью, физической подготовленности, неутомимости советских футболистов. А теперь они так быстро устают. Кто виноват? В большой мере — несовершенство футбольного календаря. Он не приучает наших спортсменов к большому напряжению, к интенсивной работе. Он предоставляет им куда более льготные условия, чем те, которыми располагали мы.

Я беру свой старый футбольный дневник и раскрываю на первой попавшейся странице. Лето 1949 года. Ну-ка, посмотрим, что тут записано. 7 июня мы встречались с куйбышевской командой «Крылья Советов»; 11 июня, т. е. всего через три дня, играли со столичным «Локомотивом»; 16-го матч ЦДКА — «Торпедо»; 21-го ЦДКА — ВВС; 25-го в Киеве с местными динамовцами, а 29-го с их одноклубниками в Минске. И это при значительном, хуже, чем теперь, работавшем транспорте. Не лишним будет напомнить и то, что большинство игроков нашей команды зимой проводили напряженнейший хоккейный сезон.

А теперь взглянем на расписание игр этой же самой команды в июне 1962 года. 6-го играли ЦСКА — «Даугава»; следующее состязание — 12 июня против «Шахтера»; потом перерыв до 23 июня и, наконец, последняя игра — 28-го. Шесть матчей команды 1949 года против четырех состязаний команды 1962 года. Нет, не приучает такая система к умению переносить большое напряжение турнирных битв. Говорят, что подобные интервалы предусмотрены медициной. Но опыт нашего поколения, к слову сказать сохраняющего отменное здоровье, тоже чего-нибудь да стоит!

Нелюбовь к большим нагрузкам приводит еще к одной очень опасной и совершенно непонятной для меня

болезни наших футболистов. Я говорю о появившемся у некоторых команд удивительном равнодушии к розыгрышу такого замечательного и всегда горячо любимого мною соревнования, как Кубок Советского Союза. В сезоне 1962 года я прочел в газете о том, что команда кутаисского «Торпедо» выставила на кубковый матч с тбилисскими динамовцами дублирующий состав. Это ли не пример недостойного отношения к такому ответственному, интересному соревнованию! И, что особенно страшно, подобную холодную расчетливость проявил молодой и, несомненно, способный коллектив. Ему бы за честь считать участие в борьбе за столь почетный трофей, предпринять все, чтобы достойно сразиться с грозным соперником. И вдруг он, по существу, сдастся без боя.

Не могу я лично принять как сенсацию и выступление в Кубке 1961 года своей родной команды ЦСКА, уступившей право продолжать борьбу ленинградскому «Спартаку», а в сезоне 1962 года проигрыш киевского «Динамо». Конечно, в спорте вообще, а в играх на Кубок особенно возможны случайности, срывы, поражения фаворитов от аутсайдеров. Но когда команда выходит на кубковый матч заведомо ослабленной, когда она ведет состязание нарочно вяло, безразлично, — это уже явно становится заранее спланированным поражением, а не сенсацией. Такая холодная расчетливость мне непонятна, она чужда духу и смыслу нашего спорта. Неужели же прошла у нас пора отчаянной борьбы за высшее достижение в футболе — дубль? Нет, не прошла — я верю в это. Я верю, что творческое вдохновение, здоровый азарт, искренняя страсть будут по-прежнему главными и определяющими линиями поведения наших команд на зеленых полях.

Иногда на трибунах, особенно если события на поле разворачиваются неинтересно (а это, к сожалению, случается), зрители затевают старый, извечный спор на тему: когда играли лучше — раньше или теперь? Спор этот в основе своей бессмысленный. Ибо каждому не предвзято мыслящему человеку ясно, что, в общем, сегодня футбол значительно ушел вперед. Повысилась скорость ведения игры, выросло тактическое мышление... Да разве все перескажешь!

Но при всем этом, когда спорщики, отстаивающие старое, бросают свою последнюю карту, свой излюблен-

ный козырь: «Ну хорошо, а где, покажи мне, браток, сегодня человек, который играл бы, как Бутусов, как Селин, как Дементьев?» — я неизменно задумываюсь.

В самом деле, где у нас люди, которых народная любовь поставила бы рядом с этими? Конечно, я далек от мысли считать этих знаменитых мастеров прошлого — далекого и недалекого — непревзойденными. Но их слава, их сила, их неувыдаемая популярность заключены в ярко выраженной индивидуальности, в неподражаемой манере ведения игры, в непохожести ни на кого другого.

Именно наличия таких ярко выраженных, талантов явно не хватает сегодня нашему футболу. Ибо спорт не может существовать без них, как не может существовать опера без солистов, балет без премьеры, симфонический оркестр без первых скрипок. Но почему же их нет? Или, вернее, почему их так мало? Об этом я скажу подробнее дальше. Сейчас же отмечу, что наша общая задача — всех, кто любит футбол и связан с футболом, — всегда замечать среди тех, кто приходит в эту игру, яркие индивидуальности, помогать их росту, поддерживать в каждом юноше, в каждом молодом спортсмене развитие специфических черт, присущих ему.

Назвав великолепных футболистов прошлого, чьи имена неразрывно связаны с историей и взлетом любимой игры у нас, я задумался над тем, что лежит в основе их большой, заслуженной славы. Ответ на этот вопрос я бы сформулировал так: высокое и разнообразное мастерство, постоянная надежность игры.

Пожалуй, последние два качества особенно важны, и я бы хотел заострить внимание на них. Прежде всего — разнообразие, то есть обилие приемов и средств, применяемых тем или иным мастером в игровой обстановке. Оно всегда ставит перед защищающимся десятки сложных задач, десятки неразгаданных вопросов. «Как играть против Григория Федотова?» — каждый раз спрашивали себя самые лучшие защитники страны. Потому что они знали: знаменитый форвард никогда не похож в сегодняшнем матче на вчерашний. Не идет у него игра в пас — он проявит высокое искусство обводки; закрыли ему центровую зону — найдет новый тактический ход, сместится на край, уйдет за мячом в глубину... Чем острее, чаще сопротивление противника, тем сильнее были воля и настойчивость Федотова. В борьбе за победу он

обладал в одинаковой степени любовью к многоходовым комбинациям и мгновенному рывку, к пасу и финту, к штурму и длительной осаде... Вот почему почти никогда не уходил он с поля «сухим».

Разнообразие — одно из самых необходимых качеств большого мастера. Оно добывается только большим тренировочным трудом. Оно дается тяжело, но тот, кто владеет им, всегда может рассчитывать на успех. И, наоборот, однообразие приемов, пусть самых изощренных, может ставить футболистов в трудное положение.

Приведу пример. Левый крайний нападающий тбилисского «Динамо» Михаил Месхи — одна из самых колоритных фигур в нашем футболе сегодня. Его искусство дриблинга вызывает искреннее восхищение. И чем лучше финты удаются левому краю в начале матча, тем все сильнее, все острее играет Михаил. Тогда стремительные проходы его, острые, как кинжал, передачи держат в постоянном напряжении и соперника и весь стадион.

Но стоит защитнику соперников сыграть удачно, не поддаться на каскад финтов, воспрепятствовать высокой индивидуальной игре крайнего нападающего — и Месхи моментально скиасет, прекращает борьбу, очень часто становится фактически сторонним наблюдателем происходящего на поле. Так, тактическое однообразие, ограниченность приемов ведения атаки снижают ударную силу этого бесспорно талантливое спортсмена.

Еще ценнее для спортсмена такое качество, как надежность игры, или игровое постоянство. Обладать им — значит играть всегда хорошо, всегда более или менее одинаково. Это качество великолепно проявляется в играх таких мастеров, как И. Нетто, В. Лобановский, В. Короленков и некоторых других.

И все же спортсменов и команд в целом, показывающих стабильную игру, пока еще сравнительно мало. Очень часто игрок, мастерством которого мы вчера откровенно восхищались, сегодня действует вяло и беспомощно. Подобная скачкообразность — следствие непрочности технических и тактических навыков, недостаточной психологической выдержки, слабых волевых качеств.

Одной из главных и тяжелых бед нашего футбола остается слабая результативность многих нападающих, недостаточно хорошо, а иногда и откровенно плохо по-

ставленный удар по воротам. Избавиться от этой болезни может позволить нам только труд — упорный, систематический, хорошо продуманный. Снайперами футбола не рождаются, они воспитываются на тренировках, в условиях, максимально приближенных к боевым.

Разговор о недостатках и слабостях, присущих нам, разговор, начатый в начале книги, ни в коем случае не может и не должен породить мысль, что автор все отрицает и, дескать, не видит тех огромных сдвигов, которые произошли за последнее время в нашем футболе, тех успехов, которые одержаны им. Нет, эти успехи я вижу, признаю и горжусь ими. Но я говорю больше о недостатках потому, что всем сердцем желаю, чтобы их не было, потому что меня вместе с миллионами советских болельщиков искренне волнуют дальнейшие судьбы нашего футбола.

Я говорю о недостатках, о путях их исправления потому, что непоколебимо верю: настанет день, когда советские мастера кожаного мяча докажут, что они являются сильнейшими в мире. Если это не произошло в Сант-Яго — это может произойти в Лондоне 1966 года или в какой-нибудь другой из столиц. Я верю, что наш футбол будет неизменно двигаться вперед, мужать и крепнуть из года в год, черпая свои силы в невиданной массовости, в прочных и славных традициях прошлого.

Прошлое... Вот и опять вернулся я к нему. В неумолчной суете будней, в волнениях и заботах сегодняшнего дня иногда думаешь: стоит ли, в самом деле, возвращаться назад, воскрешать угасшие страсти, повторять ход за ходом давно сыгранные матчи? И голос в глубине сердца отвечает: стоит! Пусть узнает молодежь о пройденном нами пути, о славе первых крупных побед и горечи первых поражений.

Прошлое... Оно не только приносит воспоминания. Оно помогает лучше видеть сегодняшний день и тверже шагать в будущее!



МАЛЬЧИШКИ

Это глава о детстве. О детстве далеко, как сон.

детство ушло, но оно никогда не изгладится из памяти — золотая, солнечная, яркая пора жизни!

Я родился в 1922 году в старинном русском городе Моршанске, но вскоре вся наша семья переехала в Сестрорецк, под Ленинградом. Здесь я и прожил со своей семьей до самой войны. Это один из живописнейших уголков нашей земли, с его знаменитыми дубками, посаженными еще Петром I, с огромным парком и тенистыми садами.

Семья у нас была большая и дружная. Отец Михаил Андреевич — старый, потомственный рабочий. До 1917 года работал на знаменитом ныне Кировском заводе, в годы революции сражался за Советскую власть в рядах боевой дружины Путиловского завода. Часто долгими зимними вечерами, помню, собирал он в кружок меня, брата Володю, сестренку Тоню и начинал свои волнующие, всегда увлекательные рассказы о героических октябрьских боях, о незабываемом штурме Зимнего, о бесстрашных революционерах, членах ленинской партии. Мы любили эти вечера, эти полные романтики, волновавшие и зажигавшие наши детские сердца рассказы.

Вернувшись в Сестрорецк в 1922 году, отец стал работать инженером-инструментальщиком, а затем преподавателем школы ФЗУ при заводе имени Воскова. Он был очень хорошим специалистом, большим знатоком производства, человеком, беспредельно влюбленным в свое дело. Не было в Сестрорецке буквально ни одного, человека, который бы не знал Михаила Боброва.

Эта известность во многом объяснялась спортивной биографией отца. Выполняя свои служебные обязанности, обучая молодых рабочих сложному искусству инструментальщиков, Михаил Андреевич на протяжении многих лет выступал в сборной завода по футболу и особенно хоккею. Хоккей он любил самозабвенно, был бесмен-

ным капитаном первой команды и, по общему признанию, одним из самых надежных и техничных игроков. Выступал он все время на месте правого защитника.

День официальных игр, а им почти всегда являлось воскресенье, становился для всей нашей семьи большим и радостным праздником. С утра мать аккуратно, точно священнодействуя, утюжила форму, а отец прилаживал клюшку, точил коньки, складывал хоккейное обмундирование. Потом всей семьей мы шли на стадион. Отец уходил в раздевалку, а мы выбирали себе места поудобнее на трибунах.

После матча, как правило, отец приглашал к себе в гости самых отличившихся во время матча спортсменов. Это было своеобразной традицией, и игроки команды очень дорожили ею. Мать готовила вкусный обед, пили чай с вареньем и пирогами, слушали патефон. Спиртного отец не признавал. После угощения отец с товарищами начинали разговор о прошедшей игре, еще и еще раз разбирали удачные комбинации и допущенные ошибки, спорили о будущем хоккея.

— Быстрее нужно играть,— как сейчас помню, часто повторял отец.— Скорость, она, брат, всегда в таком деле мать победы.

Каждый раз с наступлением зимы папа заливал во дворе нашего небольшого, уютного дворика семейный каток. Здесь по вечерам он катался вместе с нами, учил технике бега. В одном из углов катка устанавливались непременно хоккейные ворота. Хотя отец и был в команде защитником, но очень упорно, систематически изучал, отрабатывал нападающие удары. И не случайно, по-видимому, в играх он часто бывал автором забитых голов.

Первый раз я стал на коньки, когда мне было лет пять, а может быть, и того меньше. Как сейчас помню, это были очень старые, доставшиеся мне в наследство от старшего брата Володи, «снегурочки». У него и у сестры Тони к тому времени уже были клепаные «гаги», а я еще три-четыре года прикреплял свои к валенкам при помощи шпагата и карандашей. Карандаши я доставал в ученических ранцах брата и сестры.

Научившись как следует бегать, я тут же «заболел» хоккеем. Мы играли по вечерам: два брата и сестра против отца. Сначала он нас побеждал легко, потом за-

брал себе для усиления Тоню. Сражения шли азартные, долгие. Только когда мать выйдет на крыльцо, прикрикнет: «Да будете вы сегодня спать укладываться?» — мы нехотя возвращались в комнаты, сбрасывали коньки и аккуратнейшим образом протирали их, складывали мячи и клюшки.

Кстати, о клюшках. Делали мы их с братом тогда сами. Выпиливали из фанеры крючки и скрепляли их мелкими гвоздиками. Потом эти крючки приклеивали к палкам и плотно обматывали сыромятным ремнем. Получались, правда, у каждого своеобразные, сделанные стро-го по индивидуальному вкусу, но, в общем, совсем как настоящие.

В 1935 году мы переехали из маленького деревянного домика в новый — четырехэтажный, кирпичный. Рядом с ним, всего метрах в двадцати, была чудесная травяная площадка, а за нею начиналось маленькое болотистое озеро, которое все мы почему-то называли «бочагой». Площадка служила нам прекрасным летним стадионом, а «бочага» — зимним. Помню, лед еще совсем некрепкий, трещит даже под нашим ребячьим весом, а мы уже носимся по озерку со своими самодельными клюшками.

Здесь каждый день возникали жаркие, принципиальные спортивные битвы. Играли, как правило, подъезд на подъезд, улица на улицу, двор на двор.

В этих «свободных», не связанных никакими официальными играх как нельзя лучше крепли, развивались индивидуальные качества и наклонности каждого. Хорошо помню, уже с самых первых своих шагов в хоккее я почувствовал непреодолимую страсть к скорости, к обводке, к стремительным проходам. Когда они мне удавались, ребята говорили:

— Здорово, Севка!

В 1935 году Сестрорецк выставил свою команду на первенство Ленинградской области среди школьников. Началось первое в моей жизни официальное состязание. В команду города Сестрорецка я вошел, когда мне едва исполнилось двенадцать лет. На два года старше был мой брат Володя. Должен сказать, что он и в футбол и в хоккей играл намного лучше меня. Он отличался точными ударами по воротам, комбинационным талантом. Он «выдавал» такие мячи, что не забивать их было просто невозможно. Я не сомневаюсь, что при удачно сло-

жившихся обстоятельствах он стал бы яркой звездой в нашем спорте.

Помешала война. В 1942 году Володя окончил Ленинградское училище зенитной артиллерии и отправился на фронт. В одном из тяжелых боев с прорвавшимися танками противника, командуя огневым взводом, он получил тяжелое ранение, навсегда отрезавшее ему пути к спорту. Я пишу эти строки и думаю о том, сколько ярких, самобытных талантов погубила война, погубила, так и не дав им раскрыться...

Война. Я заговорил о ней, и сразу вспомнился один из самых любимых товарищей тех лет, тоже партнер по сборной Сестрорецка среди школьников, Федя Чистяков. О нем хочется обязательно рассказать подробнее.

Я уже писал, что в тридцатых годах наша семья въехала во вновь отстроенный четырехэтажный дом. В этом же доме поселилась семья Чистяковых. Тогда и началась моя дружба с Федей, которая с каждым годом становилась все крепче и крепче.

То, что наши отцы были потомственными пролетариями, то, что они долгие, долгие годы работали на одном заводе, наконец то, что мы очень увлекались спортом, сближало нас. Летом и зимой мы были вместе — на футбольных и хоккейных полях, в школе и дома.

С Федей никогда не бывало скучно. Затеи его всегда были неожиданными, интересными. Даже то, что многие считали простым озорством, оказывалось закалкой воли и смелости.

Однажды летом, например, Федя потихоньку взял из дому корыто, в котором его мать обычно стирала белье, и отправился в плавание по «бочаге». Плыл он стоя в корыте и отталкиваясь шестом. Мы, сестрорецкие мальчишки, стали соревноваться с ним, но ни у кого ничего не получалось. Плоскодонное, крайне неустойчивое «судно» немедленно переворачивалось, и мы оказывались под корытом в холодной воде. Федя же управлял им виртуозно, стоя как изваяние и делая всевозможные повороты и пируэты. Как-то он поплыл на корыте даже по Финскому заливу, страшно напугав свою мать.

Вообще Федя чувствовал себя на воде не менее уверенно, чем на суше. Он прекрасно плавал, любил нырять с вышки и мог долго продержаться под водой.

В хоккее Федя выступал полевым игроком, а летом.

на футбольном поле, защищал ворота. Скажу без прикрас, он был необыкновенно отважным вратарем, не боявшимся никаких мячей. Он стоял, что называется, насмерть и доставал такие мячи, которым могли бы позавидовать нынче многие игроки классных команд. Отлично играл он и в хоккей. Для меня несомненно, что, если бы Федя продолжал заниматься спортом, из него вырос бы первоклассный, замечательный спортсмен.

Но и в его судьбу вмешалась война. Федя ушел на фронт. Он стал бойцом особого лыжного батальона и, по словам однополчан, всегда был примером отваги, выносливости, бодрости. 6 июня 1942 года бригада, в которую входил батальон, подверглась невиданно ожесточенным атакам фашистов, пытавшихся прорваться из демьянской группировки к Холмскому шоссе. Противник превосходил обороняющихся в пятнадцать-двадцать раз и был поддержан мощной артиллерией и авиацией. В этом бою Федя Чистяков уничтожил из пулемета, кстати сказать собранного им лично из остатков старого оружия, более 120 гитлеровцев, помог своему батальону, несмотря ни на что, удержать обороняемые позиции. Он совершил подвиг, который ставит его в один ряд с самыми прославленными героями Великой Отечественной войны. Он дрался до последней капли крови и погиб на боевом посту.

Тяжело думать, что нет с нами сегодня верного друга, что он ушел из жизни так рано. До сих пор остра боль утраты. Но все мы — сестрорецкие, заводские — горды тем, что наш Федя сражался в самых первых рядах защитников Родины.

В сборной команде школьников города Сестрорецка по хоккею играл с нами человек, которого сотни тысяч любителей футбола видели не раз. Звали тогда этого человека Аликом, фамилия его — Белаковский. Алик был у нас вратарем, играл очень точно и красиво.

Прошли годы, Алик Белаковский закончил военно-медицинскую академию, стал офицером Советской Армии, но свою давнишнюю любовь и привязанность к спорту не забыл. Эта привязанность и привела его в ряды футбольной команды мастеров ЦСКА, где он работает врачом вот уже пятнадцать лет. И если вы увидите теперь на стадионе за воротами армейской команды человека в белом халате, с ящичком-аптечкой в руках —

знайте, что это наш, сестрорецкий, Алик Белаковский — человек, который является не только хорошим врачом, но и хорошим футболистом.

Вот какие ребята были в нашей команде в тот памятный год, когда мы начали свое первое официальное состязание на первенство Ленинградской области.

Сыграли мы неожиданно хорошо, вышли в финал. Финал игрался на стадионе имени В. И. Ленина — самом большим и красивом тогда в Ленинграде. Трудно даже передать словами, какую мы испытывали радость и гордость. А тут еще победа, первое место — и нам в качестве приза вручают настоящие клюшки. Мы просто не верили своему счастью. Приехал я домой, отец, только что вернувшийся со смены, спрашивает:

— Ну как, победили?

— Победили, отец,— ответили мы с братом хором.

— А зрителей много было?

Мы замолчали. Зрителей было совсем немного: наша мама Лидия Дмитриевна, сестренка Тоня и еще несколько увязавшихся за ними мальчишек.

— Вот это жаль! — посетовал отец.— И почему у нас так безразлично к детскому спорту относятся? Взяли бы и провели этот матч перед началом крупного состязания. И ребят подбодрили бы, и взрослых бы заставили серьезней смотреть на них.

Бесконечно благодарен я своим родителям за то, что бережно поддерживали они в нас, своих детях, любовь к спорту, не отпугивали от него. Вообще мама и папа очень заботились о нас. Правда, как и все родители, они иногда делали ошибки, пытаясь сотворить из нас то, к чему мы никоим образом не были приспособлены.

Маме, например, страшно хотелось сделать из нас музыкантов. Накопив необходимую сумму денег, семья приобрела пианино. И вот всех нас троих — Володю, Тоню и меня — представили приглашенному отцом педагогу.

Начались занятия. Для нас с Володей они были сущей пыткой. Во-первых, очень скоро мы поняли, что не обладаем достаточными способностями. А во-вторых, что было ужаснее всего, стоило только начаться уроку, как во дворе, словно назло, раздавался звон мяча, завязывались жаркие схватки. Мы крепились десять-пятнадцать минут, а затем под разными предлогами покидали ком-

нату и, конечно, уже не возвращались к месту нашей пытки. Мама сначала очень сердилась, но потом поняла, вероятно, что насильно музыке учить нельзя. «Искусствоведческий фронт» в нашей семье поредел. В «строю» осталась только Тоня. А нас с Володей звала, манила стихия спортивной борьбы.

Если каждый из нас, взрослых людей, обратит свою память в далекое детство, то непременно вспомнится, что был у нас тогда среди взрослых какой-то человек, который, не ведая того, являлся для нас кумиром, которому хотелось подражать, с которого во всем брал пример и говорил самому себе: «Хочу быть таким!».

Был, конечно, и у меня свой «старший» — рабочий завода имени Воскова Геннадий Худяков. Он играл в хоккей за первую заводскую команду, а потом даже вошел в сборную Ленинграда, где выступал рядом с самыми известными мастерами. Но и среди них он выделялся непревзойденной обводкой, стремительным рывком, удивительным по красоте катанием. Во время воскресных матчей я часами наблюдал за ним, учился у этого замечательного спортсмена хоккейному почерку.

В 1937 году, окончив семилетку, я поступил в школу ФЗУ при заводе Воскова. Окончил ее, получив специальность слесаря-инструментальщика 4-го разряда. Работал и параллельно продолжал учиться в вечерней школе молодежи.

Годы, проведенные на заводе, в рабочей семье, навсегда останутся в моем сердце как самые замечательные, самые яркие. Старшие товарищи учили нас не только своему удивительному мастерству, но и воспитывали трудолюбивыми, скромными, честными людьми. Здесь, у станка, из уст старого производственника, чудесного воспитателя и спортсмена Ивана Христофоровича Первухина услышал я замечательные слова о рабочей чести:

— Это, брат Сева, — говорил Христофорович, — знаешь ли, превыше всего. Ведь мы теперь кто? Хозяева страны. Мы за все, что делается у нас на земле, в ответе. Так что давай всегда и во всем показывать другим, как жить надо. Честно. Ясно. Прежде всего для людей. А потом уж и для себя. Так ведь Ильич нас учил?

Пора моей юности, рабочая пора, оказалась и прекрасной школой спортивной закалки. Мы, ребята, все; время были рядом с игроками старших команд. Мы иг-

рали в одни и те же дни, а часто даже и тренировались вместе. Причем инициаторами этих совместных тренировок были взрослые.

Играли мы обычно перед началом встреч старших команд. Их игроки уже в это время всегда были на стадионе и помогали нам добрыми советами. Но, конечно, самой лучшей учебой было для нас наблюдение за игрой. Ведь в составе заводских команд было очень много талантливых футболистов и хоккеистов.

Я уже писал о нападающем Геннадии Худякове.. Когда я пришел на завод, то с радостью узнал, что и он работает здесь, рядом. Худяков на заводе до сих пор; он стал инженером, начальником большого цеха.

Из других своих учителей очень хорошо помню замечательные рабочие семьи: братьев Комаровых — Володю и Ивана, — братьев Шавыкиных — Георгия и Василия. Эти имена мы произносили с гордостью, потому что люди, носившие их, были для нас образцом в труде и спорте.

Очень хорошо помню большую и дружную семью Викторových. Отец и четыре брата — Семен, Павел, Володя, Анатолий — всегда за десять минут до первого гудка степенно, спокойно проходили на завод мимо нашего дома. Завидя их, отец откладывал свежую газету, брал в руки кепку и говорил:

— Викторovy проследовали. Значит, и мне пора трогаться.

Отец Викторových пользовался в нашем городке всеобщей любовью. Он был токарем высшей квалификации, человеком, о котором даже самые лихие, самые старые рабочие говорили:

— Мы ему не чета. Золотые руки у человека!

С ним каждый почитал за радость поздороваться, поговорить. К нему шли за советами, он был добровольно избираемым арбитром во многих спорах. Он был для нас живым воплощением истинной рабочей чести, всеобщего искреннего уважения, завоеванного трудом, только трудом.

И сыновей своих он воспитывал в глубокой любви к труду. Они были отменными производственниками, а свободное время посвящали спорту. Все, кроме Семена. Но и он, страдая физическим недостатком, не пропускал ни одного соревнования, в выходной день приходил с ран-

него утра на стадион, когда начинали играть новички, и уходил поздно вечером.

Павел и Владимир были игроками первой сборной завода и в футбол и в хоккей. Об их мастерстве ходили легенды среди мальчишек. Два брата и сейчас трудятся на заводе, с которым связана вся их жизнь. Играть они уже бросили, но и теперь их часто можно увидеть на зеленом или ледяном поле: они учат молодежь, судят заводские соревнования.

Иначе сложилась судьба Анатолия. Самый младший в семье, он вырос в большого мастера футбола и хоккея, не один год до войны и после нее выступал за сборную города и за команду ленинградского «Динамо». Сейчас Анатолий ушел на тренерскую работу — готовит хоккейную команду ленинградского «Авангарда». Но фамилия Викторovich и сегодня громко звучит в нашем спорте. Дочь Анатолия — Лариса — стала чемпионкой и рекордсменкой страны по плаванию.

Среди старых моих знакомых был и мастер отдела технического контроля ленинградского завода «Прогресс», левый защитник сборной команды этого завода Петр Белов. Я часто восхищался его удивительно точными, продуманными действиями на поле, его силами, всегда целенаправленными — что для защитников тогда было редкостью — ударами. Многие из нынешних почитателей футбола знают Белова в другом качестве: он судья всесоюзной категории, авторитетнейший футбольный рефери.

Еще в детстве, играя с братом за хоккейную команду ребят завода «Электрик», куда временно в 1936 году перешел работать отец, я встретился с веселым шустрым коренастым пареньком. Звали его Леня Иванов, Он играл у нас вратарем. И стоял так надежно, что уже тогда усиленно поговаривали о том, чтобы взять его во взрослый коллектив.

В ту зиму мы играли особенно здорово и почти до самого последнего тура шли без поражений. Но вот назначена очередная игра с оптико-механическим заводом, кстати славившимся всегда своими богатыми спортивными традициями.

Помню в тот день, только раздался свисток судьи на начало игры, повалил крупный снег. Он уже не прекращался до конца матча. Несмотря на то, что каждые пят-

надцать минут устраивался перерыв для расчистки площадки, играть было очень трудно. Порой мяч после удара застревал тут же, возле тебя; о точности передач нечего было и думать. Вот в такой обстановке соперникам удалось забить нам до перерыва единственный гол. Вратарь в нем абсолютно не был виноват. Но, когда мы пришли в раздевалку, Леня Иванов отчаянно заплакал. Мы все бросились успокаивать его.

— Ничего, Леня, не волнуйся. Мы сквитаем счет.

Он замолчал и недоверчиво посмотрел на нас.

— А вдруг не сквитаете?

— Сквитаем! — грянули мы хором.

Ну уж и старались все мы во втором тайме. А гомзовцы, как на зло, сопротивлялись отчаянно и сами все время переходили в контратаки. Но Леняка наш играл виртуозно и отчаянно. Он взял несколько немыслимых мячей. И чем лучше он играл, тем страшней становилось нам, игрокам линии нападения. Ведь Иванов держал свое слово, а мы рисковали оказаться пустозвонами. К счастью, за две минуты до конца Володя в падении достал поданный с края мяч и послал его в сетку. 1:1! Ну и радовались мы все.

Через два года мы уже видели нашего Леню в воротах футбольной команды мастеров завода и очень гордились этим. Потом Леня начал играть за «Красную зарю», за «Зенит», стал вратарем сборной Ленинграда и Советского Союза. Мы еще не раз встречались с ним на футбольных полях и как соперники и как игроки одного коллектива. Но об этом речь впереди.

В 1939 году в моей спортивной биографии произошло очень радостное событие: меня включили в состав первой команды завода имени Воскова. Это уже был настоящий, большой хоккей. Мы встречались в официальных матчах с самыми лучшими, самыми сильными командами Ленинграда: «Динамо», «Красная заря», Кировского завода и другими. В их составах было много игроков, имена которых гремели на всю страну. В «Динамо», например, играли знаменитые братья Федоровы — Валентин и Виктор, — в воротах стоял Паша Забелин, в линии защиты играл Паша Сычев, которого за исключительную храбрость и самоотверженность на поле товарищи называли «отчаянным». Он и в самом деле оказался отчаянным, сражаясь в отрядах противовоздушной

обороны Ленинграда в суровые, страшные годы блокады. Самые опасные, самые трудные участки выбирал себе Паша Сычев. В один из вражеских налетов он погиб на боевом посту, сраженный прямым попаданием бомбы.

Команда нашего завода, в которую в тот год влилось немало молодых, вроде меня, игроков, выступала не очень удачно. Случалось, мы даже проигрывали с очень крупным счетом. Например, хоккеисты Кировского сыграли с нами 11:1. Ну и счет, не правда ли?! До сих пор сердце холодеет.

Но умели мы и хорошо играть. Как сейчас помню, очередной матч с ленинградским «Динамо» проводили на своем поле, в Сестрорецке. Зрителей собралось тогда очень много. Еще бы, всем хотелось посмотреть на знаменитых Федоровых, на чудо-вратарей Финка и Башкирова, на игру Александра Шарко и других динамовцев.

Перед началом матча в раздевалку к нам вошел отец.

— Волнуешься, Сева? — спросил он как-то особенно мягко.

— Волнуюсь, папаня.

— И зря. Играй, дружок, как обычно. Не бойся никого и не старайся делать то, чего не можешь, не рисуйся. Одним словом, держи себя просто — и все будет в порядке.

Эти обычные, по существу ничего не открывшие нового слова, как это ни странно, подействовали на меня удивительно успокаивающе. И когда мы вышли на лед, когда попали под перекрестный обстрел нескольких десятков тысяч болельщиков, я уже был готов играть «как обычно».

Вероятно, этим неожиданно нагрянувшим спокойствием и объясняется тот факт, что сыграл я, по общему признанию, сильно. В первом тайме мне удалось забить нашим грозным соперникам два «сухих» мяча. После этого динамовцы, надеявшиеся на легкую победу, расшевелились, стали играть очень остро. Но и мы уже почувствовали запах победы и не хотели ее отдавать. Завязался упорнейший поединок. Отлично сыграл в тот раз наш вратарь Алик Белаковский. Все же за семь минут до конца счет стал 3:2 в пользу гостей. Но мы не сдавались. Вот прорвался по краю Федя Чистяков. Видя, что мы проигрываем матч, он отчаянно бросился вперед, об-

вел одного защитника, перепрыгнул через другого, бросившегося ему под ноги, предварительно успев послать вперед мяч, и перед самыми воротами, когда еще два защитника бросились ему наперерез, отдал пас мне. Так и сравняли мы счет. А тут и финальный свисток. Мы прямо запрыгали от радости. Еще бы, сыграть вничью с ленинградским «Динамо» тогда было не шуткой!

После этого матча Анатолия Викторова и меня утвердили кандидатами в сборную Ленинграда, которая тогда упорно готовилась к традиционному матчу с Москвой. Прислали открытку, а в ней — число и время очередной тренировки.

Нужно ли говорить о том, какая это была для меня высокая честь. Собрал свой нехитрый инвентарь и поехал в город. Но чем ближе я подходил к стадиону, тем все больше и больше мною овладевали робость и смущение. Я не знал, как войти, что сказать, не знал, как меня встретят. В нерешительности сел на запорошенную снегом лавку, смотрю. Мимо меня один за другим проходят игроки сборной. У всех в руках красивые и, как мне казалось, только что купленные чемоданчики. Красивые ключки в специально сшитых сумках. А у меня... Посмотрел я на сверток, в который мать уложила коньки и лыжный костюм, на старую, повидавшую виды клюшку и... пошел к выходу.

У самых ворот чуть не столкнулся с Валентином Васильевичем Федоровым. В то время это был прямо, можно сказать, великолепный мастер обводки и в футбол и в хоккей, игрок большого диапазона. Слава его гремела по всей стране, а Валентин Васильевич оставался для всех, кто его знал, кто находился рядом с ним, удивительно простым, душевным, предельно скромным человеком. Он страстно любил детей и детский спорт и в свободное время по собственной инициативе безвозмездно занимался с юношеской сборной города. Там-то впервые мы и познакомились. Увидев меня и, видимо, с первого взгляда поняв мое состояние, Федоров подошел, молча обнял меня:

— Пойдем на тренировку, Сева,— сказал он как ни в чем не бывало. Сказал так, как будто мы уже с ним играем вместе лет десять.

В раздевалке он помог мне найти удобное место, познакомил с товарищами, рассказал, как выходить на по-

ле, какой установлен в сборной порядок. С ним я сразу почувствовал себя иначе. Да, как важно, чтобы на пути молодежи, на пути тех, кто делает свои первые шаги в спорте, нашелся умный, тактичный, добрый старший товарищ. Таким оказался для меня Валентин Васильевич Федоров. Кстати, сейчас он ведет очень интересную работу, тренируя футболистов ленинградского «Спартака». Это та самая команда, которая в сезоне 1961 года выбила мастеров ЦСКА из розыгрыша Кубка СССР по футболу.

Итак, я начал тренироваться со сборной. Это была большая честь и большая школа. Я внимательно присматривался к каждому игроку, следил за каждым новым приемом, стараясь как можно быстрее освоить его.

Через год я был принят в хоккейную команду мастеров ленинградского «Динамо». Даже не верилось, что я выезжаю на поле в одном строю с людьми, которых я еще два-три года назад мечтал просто увидеть близко. Но, если разобраться, ничего в происшедшем со мной нет удивительного. Я любил спорт, я все детские годы не жалел ни времени, ни труда для того, чтобы играть все лучше и лучше. В этом труде — путь к успеху для всех.

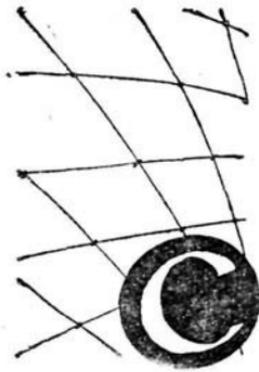
С командой я провел весь сезон. К концу розыгрыша «Динамо» набрало одинаковое количество очков с хоккеистами Кировского завода. Была назначена переигровка, и тут, как назло, все наши ведущие, мастера уехали на юг готовиться к футбольному сезону. С кировцами играли молодые. Мы выиграли — 2:0! В этой игре автором второго гола оказался я. И вот в торжественной обстановке мне и моим товарищам вручили жетоны чемпионов Ленинграда.

Первая спортивная награда! Она до сих пор хранится у меня на самом видном месте.

Со стадиона мы ехали вместе всей семьей: мать и отец, брат и сестра пришли поздравить меня прямо в раздевалку. Дома мама испекла пироги, позвала гостей, и мы в торжественной обстановке отпраздновали победу.

НОВЫЙ ИГРОК

Это глава о начале пути в большой спорт.



детства я делил свою любовь между хоккеем и футболом. Хоккейный сезон 1941 года в Ленинграде закончился в марте. А в апреле меня вызвали в городской совет общества «Динамо», выдали новенькую спортивную форму.

— Вот что, Бобров, — сказал начальник футбольной команды, — нынешним летом будешь у нас играть. Готовься.

Два месяца я мечтал о том, как выйду в составе этой грозной, богатой традициями команды на зеленый ковер стадиона имени В. И. Ленина. Но мечте этой не суждено было осуществиться. Первые встречи динамовцы проводили на юге без меня, а 22 июня грянула война.

Вскоре наша семья переехала в Омск: туда эвакуировали завод отца. Старший брат Володя сразу был призван в армию. Уже в начале 1942 года он закончил ускоренный курс военного училища и отправился на фронт в качестве командира огневого взвода артиллерийско-зенитной части. От него приходили письма, полные глубокой веры в победу, неиссякаемого оптимизма и мужества. В одной из весточек, адресованных отцу, он писал:

«Скажи Севке, чтобы, несмотря даже на такое суровое время, спорт ни за что не бросал. Здесь, на передовой, особенно понимаешь, какую огромную закалку дали нам детские игры. Спортсмены, люди хорошо тренированные, куда легче переносят боевые тяготы и, как правило, ведут себя во время обстрела, атак и других неприятностей храбрее остальных».

У нас в тылу тоже было нелегко. Только приехали в Омск, на следующий день стали подавать эшелоны с эвакуированным оборудованием. Перед нами была поставлена задача — в максимально короткий срок восстановить завод в помещении, где еще совсем недавно

находился сельскохозяйственный институт, и на прилегающей к нему территории. Как раз начался сезон дождей. Холодные бесконечные потоки падали с хмурого неба. Казалось, солнце тоже призвали на военную службу — мы его не видели месяцами. Вокруг стояла непролазная грязь. Не хватало рабочих рук. В таких условиях мы работали по четырнадцать часов в сутки, а иногда и того больше.

И здесь закалка спортсмена помогала. Не случайно лучшие показатели в труде были у таких людей, как Петр Денисов, в недалеком прошлом левый защитник ленинградского «Динамо», как Петр Белов, о котором я уже писал выше, как механик-комсомолец Леша Сазонов, игравший когда-то со мной за юношескую команду... Спорт везде показывал себя хорошим, надежным другом человека в самые тяжелые минуты жизни.

Когда, намного раньше установленного срока, завод был восстановлен, нашему ликованию не было границ. Начались будни военного времени. Я работал сборщиком-механиком в цехе, где изготавливались артиллерийские прицелы. И мне всегда почему-то казалось, — хотя я знал, что это мечта, не больше, — что прицелы, изготовленные мной, попадут когда-нибудь к брату Володе, к его товарищам, в батальон, где сражается Федя Чистяков...

Партия, Советское правительство обратились к народу с призывом делать все для фронта, все для победы. И мы отдавали великому делу нашей борьбы свои силы, знания, энергию. Бывало, мы не выходили с завода, но чуя тут же, в цехах, — кто на земляном полу, кто на невесть откуда взявшейся соломе. Впрочем, «ночуя» — это не то слово. Несколько часов, иногда всего два-три, тревожного забвения — и снова на ногах. Ведь нужен план, ведь фронту нужно оружие.

Переносить эти невероятно тяжелые условия нам опять же помогал спорт. На середине заводского двора мы разбили футбольную площадку и, чуть только выпадет свободная минутка, высыпали сюда погонять мяч. Двадцать-тридцать минут игры, и усталости как не бывало. И снова тело, словно от невидимого аккумулятора, заряжено бодростью.

Все мы, рабочие, в душе понимали, что делаем важное, большое дело. И все-таки иногда казалось обидным

находиться в тылу. Несколько раз отправлялся я в военкомат и каждый раз слышал неизменное:

— Когда нужно будет — позовем.

Позвали меня в августе 1942 года. Получив повестку, я уже мысленно представлял себе, как несусь в эшелоне навстречу войне. Но оказалось, что до фронта еще очень и очень далеко. Мне сказали, что армии сейчас нужны в большом количестве младшие офицеры, и направили в Омское военное училище.

Переодеть человека в военное обмундирование, сняв с него гражданское платье, недолго. Переплавка штатского характера в военный — дело куда более сложное. Сколько новых, доведенных до совершенства, навыков нужно приобрести, сколько воли, мужества, силы и знаний — главное, знаний — нужно человеку, который с оружием в руках готовится защищать Родину.

Полевые учения, походы с боевой стрельбой, ночные караулы, теория оружия, тактика современного боя... Среди этих и многих других предметов далеко не последнее место занимала физподготовка. Несмотря на суровое военное время, очень большое внимание уделялось физкультуре и спорту. В училище была создана футбольная команда, которая приняла участие в розыгрыше Кубка Сибири. Играл в этой команде и я. Мы обыграли со счетом 4:2 спортсменов Челябинска, а затем жребий свел нас... с моей родной ленинградской командой «Динамо», находившейся тогда в этих местах. Не удержался я, еще до начала игры побежал к ним в раздевалку. Бросился, как родному, на шею Валентину Васильевичу Федорову, жму руки Аркадию Алову, Василию Лоткову, знакомлюсь с новым вратарем Виктором Набутовым...

— Ай да встреча! — восклицают ребята.

Игра прошла интересно. Лишь за десять минут до конца забили нам ленинградцы решающий гол. Только дал судья свисток на окончание матча, я снова бросился к землякам. Иду, расспрашиваю об общих знакомых. А Федоров, гляжу, все смотрит и смотрит на меня.

— Что это вы, Валентин Васильевич?

— Окреп ты, Севка! И играть стал сильнее. Надо бы тебя в армейскую команду определить.

— Что вы, — замахал я руками, — разве сейчас время об этом думать.

— Эх, Севка, молодой еще, ничего не понимаешь.

разве война может победить жизнь! Кончим мы бои, кончим скоро — вишь, как фашистов наша армия гонит,— и снова все пойдет своим обычным чередом. Расцветет наш спорт, выйдет на мировую арену. И сейчас, уже сейчас, нужно, насколько возможно, готовиться к этому.

Такие или примерно такие же слова сказал мне и наш генерал, начальник училища, когда пришла телеграмма, вызывающая меня в футбольную команду Центрального Дома Советской Армии.

И вот по какому-то необычайному стечению обстоятельств, только что закончив курс обучения, получив диплом и офицерское звание, я ехал не на фронт, как мечтал все эти годы, а в Москву.

Был жаркий августовский день 1944 года, когда я сошел на перрон столичного вокзала. Вышел на шумную, оживленную площадь. И первое, что мне бросилось в глаза, оказалось афишей о предстоящем на Центральном стадионе «Динамо» финальном матче на Кубок Советского Союза между ленинградским «Зенитом» и армейской командой Москвы — точнее, моей командой. У афиши толпится много людей, особенно военных, слышны шутки. Кто-то убежденно говорит:

— Ну, братцы, доложу я вам, если уж на «Динамо» опять футболы начались — значит, Гитлеру точный капут...

И вот настал долгожданный день. Трибуны московского «Динамо», показавшегося мне гигантским сооружением по сравнению с нашим ленинградским стадионом, заполнены до отказа. Вот уже выбегают на поле ленинградцы. Фигура человека в воротах кажется мне очень знакомой. Одет он в серый свитер, на голову нахлобучена кепка. Коренастая фигура, уверенные, порывистые Движения. Ба, да ведь это наш Ленья Иванов, товарищ детских лет! Ну конечно же это он.

Странное чувство испытывал я, когда мяч был введен в игру. За кого же болеть? Слева — мои земляки, мой закадычный друг Ленья, ребята из моего города. Да, в тот вечер я болел за них. За посланцев героического Ленинграда. И когда во втором тайме, смело бросившись в атаку, они ответили двумя голами на гол, забитый армейцами до перерыва, я радовался, как мальчишка. И почему-то особенно приятно и сладко мне было от того, что

героем этого поединка, этого незабываемого кубкового матча был молодой вратарь зенитовцев.

— Да знаете ли вы,— хотелось мне крикнуть на весь стадион,— что это наш рабочий парень, чудесный спортсмен и замечательный товарищ!

Но, сидя на трибуне стадиона, я был в тот раз не только болельщиком. Внимательно, пристально следил я за действиями армейцев. И чем больше следил, тем все больше и больше портилось у меня настроение. Потому что мне казалось, что никогда не возьмут меня в команду, где играют такие виртуозы, как Григорий Федотов, Алексей Гринин, Валентин Николаев и другие. Я сравнивал эту команду со всеми, в которых мне приходилось до этого выступать, в том числе с нашим «Динамо», и приходил к выводу, что она несравненно сильнее. Да так, пожалуй, и было на самом деле.

Опасения, что в ЦДКА меня не возьмут, еще больше усилились, когда тренер команды сказал, что в этом сезоне в состав вводить меня поздно, и предложил для поддержания формы поиграть за московское авиаучилище, которое тогда выступало в играх на первенство столицы по высшей группе. «Сплавляют»,— подумал я. И настроение у меня стало примерно таким же, как у гадкого утенка из широкоизвестной сказки.

Но делать было нечего, я отправился по указанному мне адресу. И уже через три дня выступил в матче против второй команды московского «Динамо». Минут за десять до начала я увидел у входа на поле Григория Федотова. Он с кем-то оживленно беседовал. Увидев меня, подошел, протянул руку.

— Пришел посмотреть и проведать,— сказал он со свойственной ему простотой.— Тренер и ребята привет передают.

Стало сразу легче на душе. И захотелось сделать что-то особенное, очень хорошее.

Игра сложилась нелегко. Мы с трудом свели ее вничью. Меня все мучил вопрос: как я сыграл? Какое мнение сложилось обо мне у Федотова, у товарищей? Мучаюсь этими вопросами, и вдруг кто-то из соседей по комнате кричит:

— Смотри, Бобров, о тебе написано.

— Где? — вскочил я с постели.

— А вот здесь, милый ты мой,— отвечает он и протя-

гивает свежий номер газеты «Красный спорт». Это была не очень большая, уместившаяся где-то внизу газетной страницы, заметка. Но это была первая в моей жизни заметка обо мне, о моей игре. «В игре «Динамо-П» и авиаучилища,— читал и перечитывал я,— счет открыл динамовец Балясов. Однако к перерыву в сетку хозяев поля влетели два мяча от центра нападения курсантов молодого Всеволода Боброва. Это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим, хотя ему еще надо очень много работать над собой, ибо его стремление во всем подражать Федотову часто ничем не оправдывается».

Всего несколько строк. А как много значили они для меня. Ведь заметка одновременно и подбодрила, и нацелила на труд, и указала на серьезный недостаток — голое подражательство. Я спрятал ее в карман и долго носил повсюду, перечитывая при каждом удобном случае. Она и сейчас бережно хранится в доме.

Автором заметки был Юр. Ваньят. Тогда я никого вообще не знал, но мне очень и очень хотелось увидеть человека, заметившего меня на поле и тепло написавшего обо мне. Вскоре наше знакомство состоялось — в перерыве между двумя таймами какого-то матча. В раздевалку вошел стройный, высокий мужчина средних лет, в безукоризненно сшитом костюме. Он вежливо раскланялся со всеми, и все приветливо ответили ему. Видно было сразу, что среди футболистов это свой человек.

— Кто это? — спросил я.

— Корреспондент Ваньят,— ответил мне кто-то,— все про футбол пишет. Неплохо.

Действительно, про футбол Юрий Ваньят писал и пишет неплохо. Он посвятил этой игре свое журналистское перо и вот уже на протяжении нескольких десятков лет пишет, каждый раз находя все новые слова и новые краски для описания баталий, происходящих на зеленом поле. Мне нравится в его работе умение, ставшее, наверное, его традицией, видеть молодых, делающих только первые шаги в большом спорте спортсменов, умение поддержать их, вдохнуть в них веру в самих себя. Какое это благородное и нужное дело!

Зиму 1945 года я уже встречал снова в команде ЦДКА. Шли упорные сражения на Кубок Советского Союза по хоккею с мячом. В финале мы играли с авиаучилищем, в котором я прошел свою футбольную прак-

тику. Легчики играли очень напористо, и нам приходилось несладко. Правда, на 3-й минуте превосходно игравший Евгений Бабич забил гол, но этот результат долго не изменялся. А через полчаса соперники сравняли результат. Продолжаем наступать — ничего не получается. Чувствую, что тайм подходит к концу. И тут решил вспомнить детство: рванулся вперед, обвел одного защитника, второго, выманил из ворот вратаря и мимо него послал мяч в сетку. 2:1! С таким результатом мы и победили, выиграв почетный трофей.

Помню, перед нами был проведен финальный матч на Кубок СССР между женскими командами «Буревестник» и «Динамо». До войны в течение ряда лет побеждали в этом соревновании спортсменки «Буревестника», но в тот раз впервые в истории розыгрыша Кубка его получила не капитан «Буревестника» Вера Прокофьева, а капитан динамовок Валентина Юдина. Хозяйки поля победили со счетом 2:0. Это было своеобразной сенсацией, и зрители очень тепло приветствовали победительниц.

Вот и еще одна зима позади. Неудержимо звонко шла нам навстречу весна — незабываемая весна 1945 года. Все радостней были фронтовые сводки Совинформбюро. Гитлеризм доживал последние дни. Люди, уставшие от невероятных испытаний четырех лет, знали: скоро конец войне. Скоро победа, а с нею придут будни мирных дней, счастье мирной жизни.

О том, что жизнь входит в свою нормальную колею, напомнило нам и одно объявление, появившееся в газете «Красный спорт» 1 мая. «Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при СНК СССР, — говорилось в нем, — решил провести в течение летнего сезона 1945 года первенство Советского Союза по футболу.

Соревнования для футболистов I группы начнутся; 13 мая с. г.

В числе участвующих в соревнованиях на первенство Советского Союза по футболу команды: «Торпедо», ЦДКА, «Динамо», «Спартак», «Крылья Советов» (Москва), «Зенит», «Динамо» (Ленинград), «Трактор» команды «Динамо» — Киева, Тбилиси...»

8 мая в этой же газете появилась статья заслуженного мастера спорта Валентина Гранаткина о советском футболе. Она напоминала о его первых шагах и первых

крупных победах и была проникнута глубоким уважением к традициям прошлого. Но вместе с тем она вся была озарена безграничной верой в будущее нашего спорта, в его завтрашний день. Мы устроили в команде громкую читку этой статьи. Закончив ее, Борис Андреевич Аркадьев аккуратно отложил газету в сторону, помолчал и задумчиво произнес:

— Да, товарищи, сегодня мы стоим у истоков послевоенного периода советского футбола. И нам с вами выпала честь теперь творить его историю.

Не знаю как кому, а мне эти слова запомнились на всю жизнь.

19 мая мы встречались в календарном матче на первенство страны с московским «Локомотивом» на стадионе в Черкизово. Я люблю этот не очень большой, но домашнему уютный, обрамленный зеленым нарядом леса, напоенный чудесным воздухом стадион. Люблю еще и потому, что здесь произошло мое настоящее боевое крещение в рядах футбольной гвардии.

Начали игру без меня. На левом краю в тот день играл Владимир Демин, ставший впоследствии одним из самых лучших крайних нападающих страны. Мне запомнился разговор, происшедший в раздевалке до начала встречи между Деминым и тренером.

— Сегодня у «Локомотива» на месте правого защитника выступает Петров, — заметил Борис Андреевич. — Вы ведь, кажется, играли с ним вместе в юношеской команде?

— Играли, — подтвердил Демин.

— Ну и какие ты за ним там заметил слабости? — продолжал допытываться тренер.

— Да вроде бы никаких...

— Не может быть. Есть же в его игре какие-то слабости, приемы, которых он не любит?

— Вспомнил, — вскрикнул вдруг Володя, начавший понимать, в чем дело, — он очень не любит финт вправо, просто терпеть не может.

— Нужно использовать эту слабость. Как только начнется игра, попробуй сделать два-три рывка вправо.

Начался матч. На 2-й минуте Демин получил мяч. Его внимательно сторожил Петров. Володя имитирует движение влево и вдруг резким рывком уходит вправо. Петров не успевает, разворачивается очень медленно, это дает

игроку в красной майке возможность оторваться и нанести неотразимый удар по воротам. Гол: 1:0.

Сопоставляя разговор, услышанный в раздевалке, и то, что произошло на поле, я понял, что получил один из уроков футбольного мышления. Понял, что к каждому поединку на зеленом поле нужно готовиться заранее, глубоко изучать соперника, знать все его сильные и слабые стороны. К этому нужно приучать себя с первых шагов в спорте.

Гол, забитый Деминым, долгое время оставался единственным. Игра стала ровней, даже с некоторым преимуществом железнодорожников. Только перед самым свистком на перерыв наши сделали рывок, и Федотов, стоя вполоборота к воротам, эффектишим ударом удвоил счет.

После отдыха наши продолжали наступать. Еще два гола забили Гринин и Федотов. Я увлекся, наблюдая за их игрой, и вдруг услышал рядом до обидного спокойный голос Аркадьева:

— Ну-ка попрыгай, Бобров. Сейчас заменишь Щербатенко.

Я почувствовал, как к сердцу подкрадывается холодок. Разные мысли полезли в голову: а вдруг, мол, выйду— и все развалится. Вдруг начнут смеяться на трибунах? И мне очень хотелось сказать Борису Андреевичу:

— Давайте я лучше в другой раз?!

Вероятно, угадав мое состояние, он взял меня под руку и, ведя к бровке, окаймляющей поле, говорил:

— Игра сделана. О результате не думай. Играй проще, больше выходи на свободное место...

И вот я—на поле. Почти сразу же получаю пас от Федотова, затем две прекрасные передачи делает Валентин Николаев, все время играет со мной Демин... Нетрудно было понять, что, поведя игру на меня, мои товарищи тем самым хотели приободрить меня, дать почувствовать равноправным членом коллектива. Ведя ответственный и, несмотря на счет, трудный матч, они все вместе и каждый в отдельности находили возможность проявить заботу о новичке, поддержать его. Случалось, я делал ошибки, может быть даже непростительные, но они «не замечали» их в тот раз. И эта забота, это хорошее, искреннее доверие товарищей больше всего помогло мне быстро найти себя, свое место в строю.

Как бы хотелось мне, чтобы этот эпизод дошел до сердца и сознания тех, кто сегодня играет в футбол, в хоккей, в любые спортивные игры. Будьте чуткими к каждому новичку, помогите ему перебороть свое душевное волнение, совершенно естественное в подобных случаях, сумейте «не увидеть», как он еще неловок, робок, неопытен... Пройдет время, и новичок заиграет, обязательно заиграет!

Игру с «Локомотивом» мы выиграли со счетом 7:2, а через неделю в Киеве, играя под проливным дождем, с крупным счетом — 7:0 — победили местных динамовцев.

Потом последовали две игры — с ленинградским «Динамо» и столичным «Спартакoм». Хочу о них сказать вот в какой связи. Ворота ленинградцев в тот раз защищал Виктор Набутов, москвичей — Алексей Леонтьев. Оба они показали тогда, как, впрочем, показывали еще много раз, красивую игру.

Теперь они стали спортивными журналистами. Один работает на ленинградском радио и телевидении, другой — в газете «Советский спорт». Личный опыт, отличное понимание игры в сочетании с литературными способностями сделало их любимцами читателей, так же как когда-то своей игрой они завоевали любовь сотен тысяч болельщиков.

Футбольный сезон 1945 года выдался очень интересным и напряженным. История первенств страны, пожалуй, не знала еще до этого такой острой, упорной борьбы за лидерство. Две команды — ЦДКА и «Динамо» — десять туров прошли без единого поражения, как говорится, грудь в грудь. И вот, наконец, турнирный жребий свел их в единоборстве.

Человек долго помнит радости, но еще дольше — неудачи и печали. Вот почему я говорю сегодня об этом поединке, в котором динамовцы преподнесли нам суровый и горький урок. Они не просто победили, а методически переиграли нас, забив четыре мяча. Мы сумели ответить лишь одним.

— Почему победили наши соперники? — спрашивал на следующий день на разборе игры Борис Андреевич Аркадьев. И сам же отвечал: — Потому, что, во-первых, лучше подготовились к матчу. Они учли все: игровую неосмотрительность Ивана Кочеткова — и систематически выводили диагональными передачами за него Беско-

ва. За минуту до конца, получив одну из таких передач, Бесков забил гол. Они учили медлительность, недостаточное техническое совершенство нашего левого защитника Б. Афанасьева — и поставили перед С. Соловьевым, обладавшим редким по силе рывком, задачу уходить от своего опекуна, выводя его вперед длинными, сильными пасами. На 30-й минуте первого тайма и на 4-й второго такие отрывы закончились двумя голами в наши ворота. Они учили все — и победили. Ибо в единоборстве равных правильная постановка задач, доскональный учет слабых и сильных сторон соперников, высокие волевые качества спортсменов, как правило, являются главными и определяющими в исходе схватки.

Эти слова полностью подтвердили два последующих матча с динамовцами. Встреча второго круга состоялась 22 сентября. Бело-голубые уже завоевали звание чемпиона страны, мы прочно укрепились на втором месте. Но вне зависимости от всего этого оба коллектива ждали игры с нетерпением. Во-первых, в то время каждое соревнование между нашими клубами было сугубо принципиальным. Во-вторых, в случае благоприятного исхода динамовцы устанавливали своеобразный рекорд в истории советского футбола — сезон без поражений. О нас уже нечего и говорить. Жажда реванша не давала покоя. Одним словом, обе команды рвались в бой. И матч, по общему признанию, оказался лучшим в сезоне.

22 сентября Центральный стадион «Динамо» был заполнен до отказа. Должен сказать, что количество зрителей, пришедших на соревнование, всегда прямо пропорционально настроению, боевому духу футболистов. Зрелище трибун, на которых нет ни одного свободного места, наполняет сердце хорошим спортивным нетерпением.

Вот и свисток, зовущий на поле. Борис Андреевич смотрит на нас, спрашивает:

— Все помните?

Кажется, все. Перед матчем проведена большая теоретическая подготовка. Мы несколько раз устраивали детальные разборы игры первого круга. Каждый игрок, получил на матч персональное тактическое задание. Перед линией полузащиты, например, была поставлена задача с первых минут захватить центр поля, активно питать нападающих. Защитники должны были сочетать персо-

нальную опеку игроков соперника со строгим контролем зоны и постоянной взаимной подстраховкой. Общая цель: навязать динамовцам сразу свой темп, атаковать с первых минут.

Только начали, и сразу же острейшие ситуации создаются то у одних, то у других ворот. Вот мне удается рывком уйти вперед, отдаю мяч отлично оторвавшемуся от Радикорского Федотову. Впереди — один вратарь. Следует сильнейший удар, и мяч рядом со штангой уходит на свободный. На следующий день во всех газетах об этом эпизоде было сказано: «Находясь в очень выгодной позиции, Федотов метров с пятнадцати пробил мимо ворот. Невероятно, но... факт». Да, для Григория Федотова такой случай был просто невероятным.

Матч продолжался в очень быстром темпе. Острейшие ситуации сменяют одна другую. Великолепно играют вратари Владимир Никаноров и Алексей Хомич. Вот уже подходит к концу первая половина. Остаются считанные секунды. И в это мгновение многоопытные наши соперники допустили непоправимую ошибку: видимо решив во что бы то ни стало открыть счет, они всей командой ушли вперед. Последовала наша резкая контратака, Григорий Федотов точно передал мне мяч на выход, и, приняв пас, я забил гол. Во второй половине Иван Щербаков, заменивший Григория Ивановича, увеличил счет. Долгожданный реванш состоялся.

Но спортивная судьба уготовила для нас еще один матч с динамовцами в сезоне. На этот раз мы встречались в финале Кубка Советского Союза. Всего год назад на этом же стадионе сидел я, наблюдая, как вели армейцы решающее сражение за почетный трофей. И вот теперь в их дружной семье я выхожу на поле. Все мы горим желанием добиться того, чего не смогли в прошлом году. Знаем, будет очень трудно.

14 октября. Динамовцы и мы выходим на поле в самых боевых составах. Первые мгновения игра развивается медленно, и вдруг на 9-й минуте — взрыв. Василий Трофимов метрах в тридцати от углового флага выбросил мяч из аута Блинкову, тот резко пошел вперед, а затем навесил мяч на переместившегося в центр Сергея Соловьева. Никаноров вышел наперехват, но опоздал на какое-то мгновение, и Соловьев сильнейшим ударом с лёта забил гол.

С этой поры и почти до 40-й минуты инициативой владели воодушевившиеся хозяева поля. Нашей защите пришлось поработать изо всех сил. И она сдержала натиск грозных соперников.

До конца тайма оставалось пять минут. И тут мы бросились на штурм. За тридцать секунд до свистка мне удалось, получив хороший пас, рвануться вперед. Сильно бью по воротам, в это мгновение вижу: Хомич отлично выбрал место — гола не будет. Но, однако, случилось иначе: сильно пробитый мяч задевает бегущего к воротам Валентина Николаева, меняет направление и не влетает, а вкатывается в противоположный от Хомича угол ворот. Как сейчас вижу схватившегося за голову Михаила Семичастного, растерянного вратаря и судью, поднимающего к небу две руки. 1:1. После отдыха все начнется сначала.

Итак, два матча. 45-я минута первого тайма оказалась для динамовцев роковой. Это нельзя считать случайностью. Уставшая защита теряла бдительность — вот разгадка этого совпадения. Тот, кто хочет побеждать, должен отдавать игре, как бы она ни складывалась, все от первой до последней минуты.

Второй тайм начался острым рывком Карцева. Он буквально влетел с мячом в нашу штрафную площадку, замахнулся для удара. Кто-то из защитников, спасая команду от верного гола, сыграл не по правилам. Одиннадцатиметровый. Я закрыл глаза. Не видел, как подошел к мячу Леонид Соловьев. Ничего не видел. Лишь по тяжелому вздоху трибун понял, что гола нет. Да, сильнейший удар Соловьева пришелся в штангу. Отскочивший мяч подхватил Бесков, но Никаноров успел ликвидировать опасность.

Теперь у всех у нас словно прибавилось сил. Темп, и без того казавшийся высоким, еще более возрос. Подаем пять угловых подряд. На трибунах — сплошной гул. Идет 20-я минута. Мяч у Алексея Гринина, переместившегося на левый край. Его неотступно преследует динамовец И. Станкевич. Рывок нашего нападающего, он все дальше и дальше уходит к боковой линии, увлекая за собой защитника, и вдруг резко перебрасывает мяч в образовавшийся коридор, куда уже устремился наш полузащитник Виноградов. Удар, бросок Хомича, но достать мяч, посланный в угол, он не смог. 2:1!

К чести динамовцев, нужно сказать, что и после этой неудачи они нашли в себе силы бороться за победу. Следует серия острых атак. Вот Николай Дементьев, принимая навесную передачу, сильно бьет головой — Владимир Никаноров едва успевает перебросить мяч через штангу. Через две минуты Иван Кочетков броском в ноги прорвавшемуся Трофимову ликвидирует опасность.

Шум на трибунах усиливается, потом вдруг, когда игра идет в центре, вспыхивают аплодисменты. В чем дело? А, это на беговую дорожку вышел тренер динамовцев Михаил Якушин. Он совершает обход вокруг поля, давая последние указания своим игрокам. Динамовцы идут на решительный штурм. Мы тоже предпринимаем несколько острых контратак. Два совершенно невообразимых броска совершает Алексей Хомич; один мяч он достает из верхнего угла ворот. Счет не меняется.

Финальный свисток. Кубок наш! И хоть проигрывать всегда больно, всегда обидно, а тем более в таком ответственном, столь много решающем поединке, — динамовцы первыми бросаются поздравлять нас. Таковы законы нашего советского спорта.

С почетным трофеем в руках наш капитан занимает место во главе шеренги, и мы совершаем круг почета. Приятная необходимость. С трибун нам машут руками, я слышу теплые слова приветствий. И хочется крикнуть: спасибо, дорогие болельщики! Без вашего горячего участия, без вашей неугасаемой страсти футбол, спорт вообще никогда бы не мог существовать. И мы, спортсмены, должны стараться изо всех сил ответить на любовь народа, играть так, чтобы каждый матч был самым интересным, самым ярким из всех сыгранных до сих пор.

...В раздевалке меня встретил отец, специально приехавший на это состязание.

— Ну, новичок, поздравляю, — сказал он, делая шаг навстречу и протягивая руку.

— Он у нас уже не новичок, — вдруг вмешался в разговор Борис Андреевич. — Он уже такой же мастер, как нее. И спрос с него — не как с новичка. Понимаешь, Всеволод, к чему клоню?

— Понимаю, — ответил я и вздохнул.

Отец с Аркадьевым раскатисто засмеялись. Засмеялся и я. Ибо трудно быть серьезным, когда на тебя впервые в жизни свалилось большое спортивное счастье:



ОТКРЫТИЕ ФУТБОЛЬНОЙ АНГЛИИ

*Глава, которая воскрешает неза-
бываемый 1945 год.*

Каждый раз, возвращаясь домой, я вижу на самом видном месте в шкафу три шахтерские лампочки — подарок из далекого английского городка Кардиффа. И невольно вспоминается одна из самых ярких, самых волнующих страниц моей спортивной биографии.

Да только ли моей?..

...Холодный, снежный день поздней московской осени. По бетонке Внуковского аэродрома резкий северный ветер гонит поземку, отчаянно колет лицо. Медленно поднимаемся по трапу. Захлопываются двери. Режут моторы. Земля уходит из-под ног. Мы летим в Англию.

Англия! Сколько раз в дни своего детства, в дни юности слышал я это слово, когда речь заходила о футболе. Ее называли — и справедливо — родиной этой прекрасной, снискавшей мировую любовь игры. Старшие, помню, рассказывали, что у себя на поле она никогда не проигрывала, а в гости ни к кому не выезжала из-за гордости.

Одним словом, легенды одна фантастичнее другой окружали футбольную историю этой страны. И вот теперь нам предстоит встретиться с ее самыми лучшими командами.

В самолете идут оживленные разговоры. С виду у всех настроение бодрое. Но, конечно, каждый нет-нет и подумает: «Как же мы там сыграем? Как выдержим такой необычный, такой ответственный экзамен?»

Лишь спортивный радиокomentатор Вадим Синявский искренне беспечен. Пока ему волноваться нечего. Он рассказывает различные веселые истории, и мы, слушая их, забываем о своих заботах.

Рассказчик Синявский великолепный. И историй у него столько, что, по-моему, хватило бы даже для полета на Луну. Впрочем, это не удивительно. Ведь где только не побывал этот человек, который вот уже на протяжении нескольких десятков лет является неизменным другом миллионов болельщиков.

Все знают Синявского. Но не всем известно, что первый радиорепортаж о футболе в нашей стране передал именно он. Что в годы Великой Отечественной войны, работая военным корреспондентом «Последних известий», он летал бомбить Берлин, ходил в торпедные атаки на подводных лодках, вел репортаж из осажденного Севастополя и получил там тяжелое ранение. Что ему принадлежит первенство в передаче репортажей из-за рубежа о международных матчах наших спортсменов. Еще в сороковых годах с неизменным микрофоном он появлялся на стадионах Турции, Болгарии, Франции и других стран. В день 50-летия «Правды» Советское правительство высоко оценило трудовой подвиг этого спортивного журналиста, наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

— Ну как, Сева, — спрашивает он меня, — первый раз в жизни будешь играть на чужой земле?

— Да, — отвечаю я, — и первый раз в жизни лечу в самолете, и первый раз в жизни вижу вас. Вот какой у меня этот день необычный.

Наконец-то все засмеялись.

Вот и лондонский аэродром. Встретили нас очень скромно. Только журналисты проявляют такую прыть, к которой мы, честно говоря, не привыкли. Очень уж суетятся, непрерывно фотографируют, забрасывают вопросами:

— Какой счет будет в матче?

— Не боится ли Хомич Лаутона?

— Надеетесь ли выиграть?

Мы отвечали как могли.

В город въезжаем уже поздно вечером. Автобус останавливается возле большого угрюмого здания. Оказывается, это Королевские казармы, где нам отведено место для ночлега. Огромные, мрачные комнаты, железные койки.

Не очень-то гостеприимно, но ничего. Сложили вещи, умылись — и на улицу.

Гуляем, и вдруг переводчик остановил нас, прислушался, улыбнулся.

— Слышите, кричат газетчики?

Увы, мы слышали, но ничего не понимали.

— Они выкрикивают заголовки вечерних выпусков, «Где переночевать сегодня русским?», «Британские солдаты приютили советских динамовцев». А спортивная газета призывала: «Помогите нашим коллегам».

Печать взбудоражила общественность, и уже на следующее утро нас стали перемещать. Однако, помню, некоторым ребятам пришлось сменить до пяти мест, пока мы, наконец, не собрались все под одной крышей в «Империал-отеле».

Газеты продолжали следить за каждым нашим шагом. Очень большой интерес репортеров, помню, вызвал наш аппетит. «Русские привезли с собой горы продуктов»,— написали в одном из выпусков.

Насчет «гор» могу сказать, что это было очередным номером привыкшей к выдумкам и преувеличениям прессы, но продукты мы действительно взяли с собой. Нельзя ведь забывать, что это был ноябрь 1945 года. Только что кончилась война, продовольственное положение Англии оставалось очень тяжелым, и наши руководители решили не обременять хозяев заботами о нашем пропитании.

Готовил нам в советском посольстве шеф-повар Сережа Горев. Давно уже миновало это время, а я до сих пор не могу забыть его ароматные щи, вкусные, сочные котлеты и компоты. Мы ели и хвалили, хвалили и ели. Сережа, конечно, был рад такой высокой оценке своего кулинарного искусства.

— Мне на футболистов везет,— говорил он.— Это уже вторая встреча с советскими командами за мою «дипломатическую карьеру».

Оказывается, в 1940 году, работая шеф-поваром в советском посольстве в Болгарии, он кормил приехавшую туда команду московского «Спартака». Сережа нам показал бережно хранимую фотографию, где он сфотографирован с Федотовым, Семеновым, Грининым, Глазковым и другими мастерами, принимавшими тогда участие в поездке.

В один из ближайших дней отправились посмотреть английский футбол. Наш первый предполагаемый про-

тивник «Челси» встречался в календарном матче на первенство страны с клубом «Бирмингем». Была суббота, вторая половина дня. Трибуны оказались переполненными до отказа. Нас поразило обилие стоячих мест: на их долю приходилось, пожалуй, процентов семьдесят площади, отведенной для зрителей. Мы покачивали головами: не очень-то удобно провести полтора часа на ногах.

Вдруг раздался оглушительный свист — показалось, будто ветер пронесся по рядам. Это зрители выражали свое восхищение выбежавшему на поле центральному нападающему «Челси» Томми Лаутону. Об этом игроке мы слышали немало. Нам говорили, что после знаменитого центрфорварда Англии Дрейка это одна из наиболее ярких фигур в футболе. И вот эта звезда первой величины — перед нами.

Лаутон решил разогреться перед матчем, а может быть, и просто попозировать. Ведь разминки в нашем понимании английские мастера футбола тогда не знали. Он вышел на поле с двумя товарищами по нападению и вратарем.

Держался Томми, прямо скажем, театрально. За ним неотступно следили кинооператоры и фоторепортеры. Вдруг один оператор обратился к Лаутону. Вслед за этим все взялись за свои аппараты, и мы увидели: Лаутон бьет. Пробил он молниеносно, и мяч, словно управляемый снаряд, точно вошел в правый, верхний угол, или, как у нас говорят, в «девятку». Еще удар — и снова «девятка». Так повторилось несколько раз — до тех пор, пока съемка не окончилась. Потом Томми похлопал по плечу ближайшего к нему оператора и развалистым шагом отправился в раздевалку, сопровождаемый восторженным ревом толпы.

— Да...— услышали мы рядом чей-то вздох. «Автором» его был наш вратарь Леша Хомич. Мы сочувственно покачали головой. Встреча с таким снайпером не обещала ничего хорошего.

Начался матч. Он носил очень упорный характер и закончился проигрышем «Челси» со счетом 2:3. На нас произвела большое впечатление высокая техника игры англичан.

Оба мяча в ворота «Бирмингама» забил Томми Лаутон. Мы еще раз получили возможность убедиться в

том, что это, несомненно, футболист высокого класса. По стилю он лично мне напомнил девятого номера команды басков знаменитого Лангару. Лаутон был, если можно так выразиться, эталоном центрального нападающего при узаконенной тогда в английском футболе системе «дубль-ве». Физически очень крепкий, высокого роста, широкоплечий, я бы даже сказал, несколько грузный, несмотря на это, он обладал мощным рывком, высокой техникой и безукоризненным ударом с обеих ног. Помню, всех нас также поразили его прыжок и отличная игра головой. Все это делало его очень опасным соперником. Мы понимающе смотрели на Хомича и на Михаила Семичастного, которым предстояло вести единоборство с таким форвардом.

Начались тренировки. Для них нам было предоставлено поле «Шеффилд Буш». Футбольному болельщику в Англии это название почти ничего не говорит. Дело в том, что этот довольно большой стадион построен для проведения... собачьих бегов. В один из вечеров мы тоже решили познакомиться с этим видом «спорта». Лондонские любители острых ощущений, среди которых, в основном, были люди богатые, пресыщенные развлечениями, заполнили все места. Перед началом собак провели по кругу, показали их номера, и каждый из присутствовавших делал ставку на того или иного пса.

Техника гонок оказалась несложной. Вокруг беговой дорожки был проложен рельс, по которому из специально вмонтированного люка запускался искусственный заяц. За ним вдогонку с визгом, воем, лаем устремлялась целая свора. И все это, в свою очередь, вызывало соответствующий визг, вой и лай на трибунах. Жалкое, недостойное зрелище. Мы не выдержали до конца и ушли.

Утро следующего дня вновь застало нас на «Шеффилд Буш», но теперь на его зеленой площадке. Началась тренировка. Старший тренер команды заслуженный мастер спорта Михаил Якушин тщательно готовил нас к предстоящему матчу. Перед состязанием мы очень большое внимание обращали на поддержание высокой физической закалки, неутомимости, выносливости. Устраивали матчи в двое ворот, бегали эстафеты, работали с мячом.

Тренироваться, естественно, нам очень хотелось вдали от посторонних глаз. Но это оказалось совершенно невозможным. Еще до нашего приезда на поле уже собиралась целая стайка вездесущих лондонских фотокорреспондентов и обозревателей. Они питали газеты огромным количеством снимков, репортажей, зарисовок о нашей команде. Некоторые даже спешили со скороспелыми выводами. Статья одного из обозревателей, например, решительно предупреждала: «Не ждите очень многого от русских».

Изо всех сил усердствовала бульварная печать, пытаясь представить нас английскому обывателю в невыгодном свете. Вот как писала о команде «Санди экспресс»: «Это попросту начинающие игроки, они рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

Некоторые корреспонденты вели себя и писали еще более недостойно. В день отдыха, например, мы получили газету «Дейли мейл», в которой черным по белому была написана следующая чушь:

«Сегодня у советских динамовцев перерыв для водки и икры. Молчаливые советские футболисты будут петь под дикие, надоедливые звуки балалайки и кричать «ура» или другие слова, выражая свой восторг».

Совершенно возмутил нас следующий случай. Вечером того дня, когда по замыслу «Дейли мейл» советские футболисты должны были пить водку и кричать «ура», мы направились в один из лондонских театров посмотреть спектакль «Ночь в Венеции».

В антракте к нам подошел довольно-таки невзрачный джентльмен и передал приглашение одной видной актрисы пройти за кулисы. Считая, что отказ будет выглядеть оскорбительно, мы приняли приглашение и последовали за нашим провожатым.

В одном из коридоров, расположенных за сценой, нас встретила накрашенная дама с изрядным декольте. Вела она себя чрезвычайно фамильярно и в один из моментов потрепала ничего не подозревавшего Михаила Иосифовича Якушина по подбородку. Мгновенно наш провожатый преобразился, сверкнул фотоаппаратом. А на следующий день «Дейли экспресс» поместила на своей первой странице эту фотографию и подпись, на-

мекавшую на сомнительные развлечения динамовцев. Мы от души возмущались.

— Надо написать опровержение,— предложил кто-то, но его перебили резонным замечанием:

— Это тебе, браток, не Москва. Тут нравы...

Справедливости ради следует отметить, что уже в тот предстартовый период в противовес жалким выпадам и булавочным уколам желтой прессы мы встречали очень теплое, сердечное отношение со стороны простого англичанина. Помню, кто-то пожелавший остаться неузнанным присылал нам ежедневно фотографии с видами Лондона. Однажды в гости пришла группа недавно демобилизовавшихся солдат. Они встречались с советскими войсками в Германии, и эта встреча надолго осталась в их сердцах. Повсюду на улицах нас останавливали, окружали толпой, приветствовали, расспрашивали о советском спорте, о жизни в СССР.

Мы много ходили и ездили по Лондону, стремясь возможно лучше узнать этот большой и красивый город, понять его жизнь. Побывали в знаменитых Риджентс-парке и Гайд-парке, вместе с лондонцами кормили голубей на Трафальгар-сквере, осмотрели прекрасное творение английской архитектуры — Вестминстерское аббатство со знаменитой часовой Генриха VII, с затаенным дыханием ходили по залам национальной галереи, где собраны многие замечательные творения английских художников, скульпторов. Я пишу это и еще раз думаю: выезжая на матчи друг к другу, спортсмены различных стран имеют возможность не только посостязаться в мастерстве, но и лучше узнать историю, культуру, обычаи соседних народов. А все это прокладывает чудесные мосты к дружбе и взаимопониманию.

Но, конечно, как бы все это ни было интересным, главным для нас оставались предстоящие игры, в которых советский спорт, советский футбол держал серьезнейший экзамен. Волновались ли мы? Да, очень. Иначе и быть не могло. Поймите нас, друзья. Теперь, в наши дни, приезд любой, даже самой знаменитой, команды уже не является для нас неожиданностью. Сейчас и в классе «Б» можно найти сотни, а может быть, и тысячи игроков, имеющих опыт международных встреч. Тогда же среди нас был только один Михаил Семичастный, имевший этот опыт, но и он никогда не выступал

против англичан. К тому же над нами висели, нас давили вековая слава, вековые традиции английского футбола, его огромный международный авторитет. Мы были одиннадцатью пионерами, которым предстояло открыть футбольную Англию.

Вот в какой обстановке мы выходили на зеленое поле лондонского стадиона «Стамфорд-Бридж» на свой первый матч против одного из лидеров первенства страны команды «Челси». В раздевалке нам сообщили, что в тотализаторе стадиона ставки принимаются в соотношении 3:1 в пользу «Челси». В номерах нашей гостиницы лежали лондонские газеты, в которых черным по белому писалось: «Русские являются представителями отсталого футбола, который на островах уже давно забыт», «Если бы московское «Динамо» вздумало участвовать в чемпионате Англии, выше двадцатого места ему бы не подняться». Это было общественным мнением. И мы сознавали, что наш долг — развеять это мнение, показать силу советского футбола.

Никогда не забуду минут, проведенных в раздевалке перед началом состязания. Не скрою, мы волновались. И вдруг вносят огромную пачку телеграмм. Это весточки с Родины. Михаил Якушин, наш тренер, зачитывал их громко, торжественно, как читают приказ перед боем. Из Москвы. С дальних островов. Из гарнизонов, несущих службу в поверженном Берлине. С заводов. Из колхозов. От студентов. Солдат. И, можете поверить, это было такой поддержкой, такой моральной настройкой, что лучше и не придумаешь. В те последние минуты перед матчем, казалось, вся Родина была с нами. А мы были с Родиной — мыслями, сердцами, надеждами.

Пора выходить на разминку. Взору представилась необычная даже для нас картина: стадион забит буквально до отказа. Часть зрителей прорвалась к футбольному полю и разместились плотной живой стеной вдоль боковых и лицевых линий. Безбилетники устроились на крышах близлежащих павильонов, домов, даже на электрических столбах и рекламных щитах, привязав себя к ним ремнями. В воздухе — сплошной гул. Слышатся песни, среди которых мы отчетливо различаем популярные у нас во время войны «Путь далекий до Типерери» и «Мы ушли, ковыляя во мгле...». Не умолкает гул трещоток, которые в Англии являются непременной

принадлежностью каждого болельщика. Середину поля занял большой гвардейский оркестр. Все выглядело необычно торжественно.

Перед началом матча, верные традиционному русскому обычаю, мы преподнесли своим будущим соперникам букеты живых цветов. Это сначала вызвало недоумение у зрителей, но потом, поняв в чем дело, лондонцы бурно реагировали на этот искренний жест дружелюбия.

Но вот окончена торжественная часть, и свисток судьи извещает о начале борьбы. Первый удар по мячу делает наш центральный нападающий Константин Бесков. И сразу же мы становимся очевидцами совершенно необычного поведения публики. На наших стадионах зритель начинает волноваться, когда у каких-нибудь ворот возникает острая ситуация; здесь же не успели мы сделать первый удар по мячу, как раздался невообразимый гул, звуки трещоток, выкрики. Что и говорить, играть в такой обстановке нелегко.

Мы нервничаем. Это чувствуется по всему. Вот примерно метров с пятнадцати, получив в выгодной позиции мяч, бьет мимо ворот Сергей Соловьев. Через несколько минут я получаю идеальную передачу от Архангельского, играющего на правом краю, но желание забить так велико, что я тороплюсь, спотыкаюсь и защитник успевает выбить мяч из-под самых ног.

Некоторая скованность, излишняя нервозность, спешка в первом тайме дорого обошлись нам. Инициативой овладели хозяева поля. Все чаще и чаще они прорываются к нашим воротам. И тут нельзя не вспомнить добрым словом нашего вратаря Алексея Хомича. Вот он вынимает из «девятки» пробитый с большой силой мяч, вот бросается в ноги прорвавшемуся Лаутону... Через минуту — снова прорыв, но на этот раз центральный нападающий «Челси» в последний момент отбрасывает мяч никем не прикрытому партнеру, и тот тихо посылает его в пустые ворота. Проходит еще несколько минут, и нам забивают второй гол.

Бросаемся в контратаку. Два угловых у ворот англичан. Два удара в штангу. Не везет? Нет, не хватает еще собранности, игровой уверенности. Но вот, наконец, разыграна четкая комбинация, точным пасом выводим в штрафную площадь Константина Бескова. Кажется,

гол неминуем, уже занесена нога для удара. И в это мгновение Бесков летит на землю, грубо сбитый защитником. Судья назначает пенальти. Мяч установлен на одиннадцатиметровой отметке, но гул, визг, крики не прекращаются. Свистка не слышно. Вот разбегается Леонид Соловьев. Удар, и... мяч, зацепив стоящего у боковой штанги полицейского, уходит за лицевую. Обидно до слез!

Можете представить настроение, с которым мы все вошли в раздевалку. Такой душераздирающей тишины я больше не помню. Одиннадцать человек сидели и ждали, что скажет им двенадцатый — их наставник, их учитель, их тренер. От того как он себя поведет сейчас, какие подберет слова, какие даст указания, зависело многое. Ведь десятиминутный перерыв — это не только время отдыха уставшему телу. Это время переосмысления избранной тактики, исправления ошибок, составления нового плана игры или корректирования старого. Это, наконец, время моральной переразрядки. Кто умеет его правильно использовать, тот многое выигрывает.

Пожалуй, тогда, в уютной и прохладной раздевалке лондонского «Стамфорд-Бриджа», заслуженный мастер спорта Михаил Якушин выжал из десяти минут отдыха все, что можно.

Подождав, когда все рассядутся, он внимательно посмотрел на нас и сказал голосом, удивившим меня своим спокойствием:

— Играете хорошо. Даже очень. Нужно только действовать более хладнокровно и, если это возможно, усилить темп. На поле должен завертеться русский ураган, ребята! Понятно?

Вроде ничего особенного не сказал. Но мы заулыбались. Значит, еще ничего не потеряно. Хором отвечаем:

— Понятно...

— Ну и отлично. А теперь пусть каждый выскажет все, что он считает самым главным. Понимаете? Самым главным! Что бы он хотел увидеть после перерыва в игре своих партнеров.

Мы докладывали. А потом «Михеич», как любовно называют динамовцы Якушина, свел все в одну канву.

— Итак,— сделал он вывод,— можем выиграть. Это будет нелегко, но можем!

Всего семь минут прошло, а я смотрю на товарищей и удивляюсь происшедшей в них перемене. Нет уже уныния, подавленности.

Заходит Вадим Синявский.

— В Москве толпы стоят на улицах, — говорит он, — слушают. Ждут. Переживают. Передам-ка я им, что вы спокойны и будете драться, как львы. Согласны?

— Правильно! — подхватывают ребята. — Силы у нас еще много. Так и скажите всем им там...

После отдыха сразу же бросаемся в атаку. Уже на 40-й секунде Карцев выводит меня на удар, и вратарь «Челси» Вудли в трудном броске отправляет мяч на угловой. Его идет подавать Сергей Соловьев. Возникает небольшая заминка — место возле углового флага занято болельщиками. Полисмены с трудом оттесняют их, и вот уже мяч летит в штрафную. Снова его берет Вудли. Ему приходится работать все чаще.

Играем на очень высокой скорости, беспрестанно меняемся местами. Чувствуем, защита англичан сдает. Еще напор. Три удара подряд приходятся в штангу. Словно заколдованные, стояли ворота «Челси». «Неужели так и не удастся сорвать с них печать неприступности?» — все время сверлила мысль. А счет, как говорят радиокomentаторы, напоминаю, был уже 0:2 не в нашу пользу.

Но мы продолжали наступать. И вот пошла 65-я минута матча, оказавшаяся для нас такой счастливой. Сергей Соловьев, получив передачу, стремительно прошел по краю вперед, обвел двух защитников и вдруг неожиданно отдал мяч назад вошедшему в штрафную площадь Бескову, а тот немедленно переслал его открывшемуся Карцеву. Последовал сильный удар в левый угол, и мяч оказался в сетке ворот. Первый гол, забитый нами в ворота английских профессионалов. Гол, сорвавший с них печать неприступности. Нужно ли говорить о том, как обрадовались мы ему!

Но, пожалуй, еще большее впечатление, чем открытый счет, произвела на нас реакция трибун. Мы вдруг отчетливо поняли, что симпатии подавляющего большинства зрителей на нашей стороне. Слышался свист топот ног, грохот трешоток. Откуда-то прогремело раскатистое «ура». Над одной из трибун, поднятый группой англичан, всколыхнулся советский флаг. Какой-то

человек, прорвавшись сквозь живую стену, выбежал на поле, догнал Васю Карцева к пожал ему руку.

Как ободряет первая удача! Наше нападение включило предельную скорость. Теперь игра идет, в основном, на половине хозяев. Они буквально прижаты к своим воротам. Шесть раз подряд подаем угловые. Разыгрался Карцев. На 26-й минуте он очень умным пасом вразрез между двумя защитниками выводит на ворота Евгения Архангельского, и тот сильным кручным ударом сравнивает результат. 2:2!

Ничейный счет не на шутку встревожил хозяев и многочисленных болельщиков. Не успели англичане начать с центра, как на трибунах стали скандировать:

— Томми, фортентаузенд! Томи, фортентаузенд!

Прислушиваюсь, но ничего не понимаю. И только уж потом, в гостинице, нам объяснили, что это лондонцы напоминали Лаутону цену, за которую его приобрел клуб «Челси», и требовали, чтобы он играл соответственно этой высокой цене.

Что ж, Томми играл хорошо. За тринадцать минут до конца в прыжке он принимает пас с края и головой сильно направляет мяч в сетку. Хомич, отразивший до этого много труднейших ударов, на этот раз ничего сделать не может.

Снова впереди «Челси». Но неудача не сломила, а, наоборот, лишь подтолкнула нас. Теперь вперед бросилась вся команда. Порыв так велик, что трибуны начинают единодушно болеть за нас. Девяносто тысяч скандируют:

— Иди, иди «Динамо»!

— Бей, бей!

Английская команда почти целиком оттянулась на защиту своих ворот. Только Лаутон одиноко маячит в Центре поля. Трудно прорваться в таких условиях. Одна атака отбита, вторая, третья...

Не думать о проигрыше, играть, играть до конца! Снова идем вперед. Вот мяч у Карцева. Он обводит своего опекуна, притягивает на себя защитника и вдруг сильно посылает мне мяч «на выход». Это то, о чем я просил в перерыве. Говорил: «Дайте использовать рывок». Значит, вспомнил Вася. Центральный защитник оставил Бескова, несется наперерез. На какую-то долю секунды раньше, чем он падает в ноги, успеваю произ-

вести удар. Вижу: Вудли — в воздухе, но мяч не достает. Гол! Кто-то бросается мне на шею. Оглядываюсь: Михаил Семичастный, наш капитан. Мы все целуемся, не скрывая своих чувств.

Да что там мы! Как только прозвучал финальный свисток, тысячи зрителей, смяв оцепление, устремились к центру поля. Мы оказались внутри живого человеческого кольца. Сотни незнакомых людей жали нам руки, просили автографы.

Где-то запели родную русскую «Катюшу», ее подхватили почти все. Потом гвардейский оркестр грянул Гимн Советского Союза...

А уже через несколько часов в вечерних выпусках газет мы читали отзывы о нашей команде куда более лестные, чем те, которые давались накануне матча. «Своим спортивным поведением на поле и своим высоким мастерством русские футболисты завоевали сердца зрителей» — красовался заголовок «Дейли скетч», а «Ньюс кроникл» поместила статью бывшего форварда команды «Арсенал» Чарлза Бьюкена, который писал: «В русской команде нет ни одного игрока, который не украсил бы любую английскую первоклассную команду. Однако русские блистали не как игроки, а как команда. Каждый игрок находился на своем месте в нужное время, а их короткие или длинные пасовки никогда не были бесцельными. Я не хочу видеть ничего лучшего».

Ясно было, что мы завоевали сердца футбольной Англии, не уронили чести советского спорта. Сознание этого было таким счастьем, какое трудно себе представить.

В тот незабываемый вечер и на следующее утро мы буквально замучили нашего переводчика, прося его ознакомить нас с тем, что пишет о матче пресса. Кроме оценки игры, газеты помещали много сенсационной информации. Сообщалось, например, что на трибуну, где расположены места для сидения, в самом разгаре первого тайма рухнул провалившийся через стеклянную крышу какой-то отчаянный болельщик, что он оказался фронтовиком-парашютистом и его опыт прыжков с большой высоты помог ему спасти свою жизнь. Что в давке получили тяжелые ранения 37 зрителей, и все они доставлены в различные лондонские больницы. Что ка-

кой-то счастливчик и смельчак, поставивший в тотализаторе на нас, выиграл огромную сумму денег...

Сразу же после матча мы направились в клуб «Челси», куда нас пригласили на официальный обед. Здесь мы впервые как следует разглядели своих недавних соперников и очень скоро подружились с ними. Я лично сидел рядом с Вудли и его очаровательной супругой, артисткой театра музыкальной комедии. Обед проходил весело, непринужденно. Произносились бесчисленные тосты за короля, за боевую дружбу в войне, с фашизмом, за игру в футбол, за укрепление спортивных связей между нашими странами. Председатель клуба «Челси» господин Мирс подарил каждому из нас весьма оригинальные зажигалки, на которых были выгравированы трогавшие своей теплотой слова: «Желаем всяческих удач». В свою очередь, мы вручили своим недавним соперникам полный комплект динамовской формы. С трогательными речами выступили капитаны — Михаил Семичастный и Эдвин Харрис.

Приехал на обед и шеф клуба «Челси» первый лорд адмиралтейства сэр Александер. Он пылко заявил, что у него существуют две привязанности — футбол и флот, причем было, дескать, время, когда первая доминировала над второй; что он сам 15 лет с увлечением играл в футбол, пока ему не поломали ребра. Первый лорд дал очень высокую оценку нашему коллективу, а в заключение в шуточной форме произнес:

— Что касается вашего вратаря Алексея Хомича, то на месте наших футбольных руководителей я бы ни за что не выпустил его за пределы Англии.

Да, Хомич был великолепен. За время нашей поездки он снискал себе громкую славу. Все газеты Англии поместили фотографию, где он заснят берущим одиннадцатиметровые удары в матче с «Глазго-Рейджерс» и с «Кардифф-Сити». Его называли «непробиваемым», «тигром» и другими громкими именами. А мы после каждого матча подходили к нему, молча — все по очереди — жали руки. Кто-нибудь один говорил за всех:

— Спасибо, Леша!

В такие минуты он смущался сильнее, чем под градом ударов лучших английских нападающих, и все время повторял:

— Да что вы, ребята... К чему это...

Уже давно не играет Алексей Хомич. Но и сейчас нет буквально ни одного матча, на котором вы бы не смогли увидеть его на одном из московских стадионов, где идет матч на первенство страны. Правда, теперь Алексей выбегает на футбольное поле не в стройной цепочке футболистов, а в разноцветной толпе фотокорреспондентов. И здесь он добился большого искусства. Его снимки, публикуемые в газетах и журналах, всегда радуют своей оригинальностью, умением увидеть каждую ситуацию по-своему метко и ярко. И уж конечно совершенно прекрасны его фотографии вратарей — тех, кто продолжает сегодня гордую славу Хомича.

Всех нас очень тронул сердечный прием, оказанный команде «Динамо» английскими спортсменами и болельщиками. Но я не погрешу против истины, если скажу, что по-настоящему мы были взволнованы, растроганы тем нескончаемым потоком приветствий, который направлялся в наш адрес с Родины, из самых ее различных уголков. Сотни, тысячи телеграмм. Многие мы возили с собой по дорогам Англии, в чемоданчиках, где лежала форма, а некоторые сохранили до сих пор. Вот лишь часть из тех телеграмм, которые лежат всегда в моем письменном столе:

«Горячо поздравляем с боевой ничьей и отлично забитым голом. Желаем всяческих удач. Всем сердцем с вами. Рабочие сестрорецкого завода имени Воскова».

«Целуем обнимаем дорогих наших футболистов. Желаем победы над «Арсеналом». Летчики гвардейского полка».

«Слушали радио всем коллективом, переживали неудачи, успехи, сердечно поздравляем. Будем счастливы, если и новые успехи вы одержите в форме, которую мы любовью выткали для вас. Желаем успеха, счастья. Коллектив ткацкой фабрики, директор Коломенская».

Вдохновленные этими напутствиями, мы готовились к новым спортивным боям. Очередным нашим соперником была назначена команда «Кардифф-Сити».

В Кардифф мы приехали за три дня до состязания. Город шахтеров и моряков встретил нас с необыкновенным для сдержанных по характеру англичан радушием. На вокзале реял огромный флаг СССР, на перроне и по всему пути следования к гостинице в глаза бросались плакаты на русском языке: «Добро пожаловать, дорогие

друзья!» Многие дома были украшены советскими флагами.

Уже в день приезда нам сообщили, что все билеты на матч распроданы. Даже во время первой тренировки трибуны местного стадиона оказались наполовину заполненными.

Вечером нас пригласили на собрание рабочего спортивного клуба. Мы пришли в мрачное четырехэтажное здание, одна половина которого была во время войны отколота бомбой. В низких, полутемных комнатах было тесно и душно от огромного количества людей. Просто не верилось, что здесь могло поместиться столько людей.

Нас приветствовал высокий, стройный мужчина — как потом выяснилось, один из руководителей недавно организованного клуба. Он когда-то играл за рабочую команду Англии, участвовал в Антверпенской олимпиаде, знал отлично Семенова, Федотова, Акимова и многих других известных наших мастеров. Потом мы рассказывали о нашей стране, о спорте, отвечали на многочисленные вопросы. Степенные шахтеры и моряки внимательно слушали. Затем нам вручили скромные и поэтому вдвойне дорогие для нас подарки: шахтерские лампочки, макет торгового судна, тетрадь со стихами о Советском Союзе, написанными рабочими.

В день матча, как и в Лондоне, стадион был до отказа заполнен. Над его воротами, над башнями и над каждой из трибун развевались три флага: бело-зеленый с красным силуэтом дракона — уэльский, красный — советский и полосатый — британский. Национальный оркестр Уэльса в полном составе выстроился в центре и заиграл вдруг знакомую мелодию нашей песни «Полюшко-поле». Все, почти все зрители дружно подхватили ее.

Незадолго до начала состязания, когда мы проводили разминку, вдоль трибун под звуки оркестра, заигравшего печальную мелодию, пошли четыре рослых моряка с обнаженными головами: они собирали пожертвования в фонд помощи раненым в годы войны морякам. Война! Она тогда напоминала о себе на каждом шагу тысячами развалившихся, разрушенных, зияющих пустыми окнами домов в Лондоне, Кардиффе, в больших и малых городах,.

Началу состязания предшествовала торжественная церемония. Были исполнены государственные гимны, мы преподнесли своим соперникам букеты цветов, а они нам — шахтерские лампочки с надписью: «На память об английском Донбассе».

«Кардифф-Сити» в то время считалась по классу, во всяком случае, не ниже «Челси». Больше того, обозреватели единодушно называли ее одной из самых быстрых и молодых английских команд.

— Предупреждаю, вам будет трудно играть против моих парней, — полушутя-полусерьезно заявил нам руководитель клуба.

Поначалу все подтверждало эти слова. Уже на 1-й минуте Алексей Хомич буквально вынул из «девятки» мяч, пробитый метров с восемнадцати центральным нападающим Гисбоном. Еще несколько ударов проходят рядом со стойками.

Но это был скоротечный штурм. Он сменился длительной осадой ворот хозяев поля. Все чаще и чаще прорываемся мы сквозь оборонительные линии. На 7-й минуте судья Дэвис назначает штрафной в сторону кардиффцев. Бьет Бесков, я успеваю удачно выйти на передачу и ударить головой. Мак-Лаулин, вратарь, не успевает с броском. Счет открыт. Через три минуты мы поменялись ролями: я вывел нашего центрфорварда в прорыв, а Бесков сильнейшим ударом удвоил счет.

Хозяева бросились в контратаку, желая отыграться. Четверть часа они наседают. У наших ворот подается пять угловых, дважды Хомич броском в ноги ликвидирует опаснейшие прорывы, на 20-й минуте снова достает «безнадежный» мяч из нижнего угла. Мы устояли, а на 25-й минуте многоходовая комбинация Л. Соловьев — К. Бесков — Е. Архангельский завершилась третьим голом.

Игра, что называется, пошла. И это не случайно. На этот раз у нас отсутствовали скованность и волнение первого матча, была снята нервная обстановка экзамена на зрелость. Все выходило легко, все задуманное получалось. И в душе все больше и больше нарастало чувство, которое не назовешь иначе, чем вдохновение.

Немудрено поэтому, что второй тайм мы провели еще с большим подъемом. Уже на 9-й минуте Константин Бесков, ставший героем матча, увеличивает счет до

4:0. С каждой минутой мы разыгрывали все более сложные комбинации. Вся пятерка нападения непрерывно менялась местами. По выражению одной из кардиффских газет, это был «хорошо продуманный русскими и своеобразно организованный беспорядок». Пятый гол я забил, находясь в зоне левого края; через тридцать секунд Евгений Архангельский забил шестой гол, находясь на месте центрального нападающего.

Исход матча был предreshен, все на стадионе уже понимали это. Теперь игроки «Кардифф-Сити» стремились к тому, чтобы уйти от «сухой». Долгое время им это не удавалось. Наоборот, счет увеличивался в нашу пользу. Сначала Бесков довел его до семи, установив, таким образом, своеобразный рекорд — четыре гола в одном международном матче, — а затем мне удалось, пользуясь английскими правилами, втолкнуть Мак-Лаулина с мячом в сетку, и на щитах загорелись цифры 8:0! И только на 25-й минуте в свалке у ворот хозяева поля забивают нам гол.

Проходит еще три минуты, и кардиффцы получают реальнейшую возможность удвоить счет: судья Артур Девис назначает в наши ворота одиннадцатиметровый штрафной удар. Хозяева поля поручают произвести его левому крайнему Кларку. Вот он разбежался — мяч, словно торпеда, летит в ворота.

И тут свершилось чудо. Алексей Хомич в красивом, смелом прыжке отбил мяч, перевернулся в воздухе и, падая, наглухо закрыл мяч своим телом. Стадион заревел от восторга. А потом до финального свистка мы провели в ворота соперников еще два мяча. 10:1!

Это был неслыханный случай в истории английского футбола. На карту был поставлен его престиж. Вся печать Великобритании забила тревогу, требуя реванша. Команда «Арсенал», с которой нам предстояло теперь встретиться, несмотря на свою и без того грозную силу, была срочно усилена шестью лучшими игроками из других английских клубов, в том числе знаменитым правым крайним Стенли Метьюзом, которого в Англии того времени называли «футболистом номер один».

Я позволю себе несколько отвлечься и рассказать об этом человеке, который, несомненно, был выдающимся мастером кожаного мяча. Он не выделялся какими-то особыми физическими данными, внешне был чем-то

очень похож на хорошо известного людям старшего поколения форварда Сергея Сергеевича Ильина. В обычной обстановке он казался даже несколько медлительным, вялым.

Но на поле, во время игры, им нельзя было не восхищаться. Во-первых, он поражал своей огромной работоспособностью, находясь все время в движении. В отличие от многих других «звезд», он не гнушался черновой работы и нередко бегал на свою половину за мячом, лично завязывая атаки из глубины.

Но самым главным достоинством Метьюза было доведенное до совершенства искусство игры корпусом, или, как у нас говорят, искусство финта. Каждое его обманное движение было настолько правдоподобным, выглядело таким естественным, что непременно заставляло защитников делать выпады, рывки и... оставаться за спиной уходящего в другую сторону Стенли. Недаром великий бразилец Гарринча в одном из своих интервью для английской прессы сказал: «Я часто видел еще мальчишкой в кино вашего Метьюза. Я считаю его одним из своих учителей».

Вторым достоинством этого мастера было «дружеское» обращение с мячом. Даже двигаясь на огромной скорости, он держал его в ногах, словно привязанный. Пасы и удары этого форварда были идеальны.

Обычный прием Метьюза заключался в следующем: он на большой скорости, применяя дриблинг, доходил с мячом до места пересечения лицевой линии с линией штрафной площадки, успевал осмотреть поле и отдавал мяч с такой точностью, так удачно, что партнерам обычно оставалось лишь добить его в ворота. Это был игрок острокомбинационного стиля, с прекрасным тактическим чутьем — словом, один из тех ярких талантов, которые способны сделать игру всей команде. В нашей встрече с «Арсеналом» именно благодаря ему, и прежде всего ему, англичанам удалось в первом тайме повести 3:2!

В 1957 году, уже будучи начальником футбольной команды ЦСКА, я снова попал в Англию и на одной из афиш увидел улыбающееся лицо Метьюза. Теперь он играл за клуб «Балтон» и должен был выступить в очередном матче против «Челси». Конечно, я пошел посмотреть эту игру. Несмотря на свой довольно солид-

ный для футболиста возраст — ему уже тогда исполнилось 43 года,— Стенли продолжал выступать, и, по-моему, блеск его игры не погас. С его подач в ворота «Челси» было забито два мяча.

После матча я зашел в раздевалку и застал Стенли под душем. Мы сразу узнали друг друга, хотя со времени первой встречи прошло уже двенадцать лет. Он скоро вышел и подал еще мокрую руку. Потом мы прошли в комнату отдыха и долго говорили друг с другом. Оказывается, со дня нашей первой встречи Стенли внимательно следит за советским футболом, выписывает «Советский спорт» и бережно хранит фотографии наших ребят, завоевавших звание олимпийских чемпионов. Он горячо расспрашивал о Лужниках, о высотном здании МГУ.

— Мечтаю побывать у вас в стране,— говорил он.

Мне очень бы хотелось, чтобы эта мечта Стенли Метьюза сбылась.

Вот каким был один из тех одиннадцати известных во всем мире игроков, которые выступали против нас под флагом популярнейшего клуба «Арсенал». Клуба, от которого требовали спасти честь английского футбола. По существу нам предстояло вести игру с одной из сборных команд.

Чтобы убедиться в этом, достаточно привести состав игроков, участвовавших в этом матче. Вратарь Гриффите буквально накануне встречи с нами был забран из «Кардифф-Сити», защита — Скотт, Джой (оба из «Арсенала»), Бакузи («Фулхэм»), полузащита — Халтон («Бери»), Бэстин («Арсенал»), нападение — Метьюз («Сток-Сити»), Друри («Арсенал»), Рук («Фулхэм»), Мартенсен («Блекпул»), Камнер («Арсенал»). Во втором тайме Гриффитса заменил вратарь Браун из команды «Кюинс-Парк».

Впрочем, то, что нам предстоит играть против сборной, многие и не скрывали. «Русские идут играть с командой, представляющей футбол Британии,— писал известный обозреватель Боб Скрипс в «Дейли экспресс».— Этой команде приклеено имя «Арсенал», в ее составе представители семи различных команд лиги, все они игроки интернационального класса... Но, назвав сборную команду именем «Арсенала», ни Джордж Аллисон, ни футбольная ассоциация не спасут репутации

клуба. В самом деле, если даже русские будут побеждены этой командой, названной «Арсеналом», то будет больше вреда, чем если бы подлинный «Арсенал» был побежден со счетом 10:0. И какое удовлетворение получит «Арсенал» от такой победы?»

Изменения, происшедшие в рядах нашего будущего соперника, естественно, волновали и нас. На собрании команды было решено заявить официальный протест.

— Мы не боимся играть с любым составом, но все должно быть честно. «Арсенал» так «Арсенал», сборная так сборная,— выразил общее мнение Михаил Иосифович Якушин.

И вот наш капитан Михаил Семичастный явился в футбольную ассоциацию и вручил следующее заявление.

«В связи с опубликованием в сегодняшних английских газетах состава английской команды, которая будет играть завтра с «Динамо», а также учитывая многочисленные запросы по этому поводу, капитан «Динамо» считает своим долгом заявить:

1. 14 ноября при встрече в помещении футбольной ассоциации представителей советской спортивной делегации с руководителями футбольного клуба «Арсенал» было установлено, что 21 ноября против команды «Динамо» выступает клуб «Арсенал», состав игроков которого был сообщен представителям команды «Динамо».

2. Состав английской команды, опубликованный в английских газетах, резко отличается от списка игроков футбольной команды «Арсенала», с которым советские представители были ранее ознакомлены.

Опубликованный в газетах состав английской команды не был сообщен представителям советской спортивной делегации.

Принимая во внимание опубликованный состав английской команды, считаем, что команда «Динамо» встречается завтра с одной из сборных английских команд».

Утром 21 ноября это заявление было опубликовано на первых страницах всех лондонских утренних газет. Это было «сенсацией номер один». Футбольный ажиотаж достиг невиданного размера. Билеты на стадион продавались и покупались на черном рынке по баснословным ценам.

И вот настал срок этого в известном смысле неповторимого матча, матча, который сами хозяева называли по-

том «самым, фантастическим в истории английского футбола». В тот день над городом опустился небывалый даже для этих мест туман. Он был настолько сильным и густым, что двигавшиеся по улицам с зажженными фарами машины то и дело сталкивались друг с другом. Центральный лондонский стадион «Тотенхем» утопал в сплошном белесом мареве. Но ни ужасная погода, ни отсутствие видимости не могли остановить армию болельщиков. 120 000 зрителей собралось на трибунах — ни одного свободного места.

Честно говоря, до самого последнего момента мы не верили, что состязание может состояться. Но ровно в 17 часов 15 минут советский судья Николай Латышев вызвал команды на поле.

Первый удар по мячу сделали англичане, но мы перехватили мяч и всей пятеркой устремились вперед. Мяч — у Сергея Соловьева, я вижу сквозь туман, как он обводит одного защитника, другого и вдруг резко, точно отдает пас мне. Мгновенный взгляд вперед, различаю перед собой стойки ворот и бью. Мяч исчезает в тумане, как самолет в облаках. Лишь через мгновение вижу: вратарь Гриффитс направился в глубь ворот. Значит, удар достиг цели. Радостный, бегу к центру поля, сталкиваюсь с Сергеем Соловьевым. Мы жмем друг другу руки и счастливо улыбаемся. Начало хорошее!

Снова англичане начинают с центра поля. Пропущенный гол буквально разъярил их. Целая серия яростных, не прекращающихся атак идет на наши ворота. Защита работает с полной нагрузкой. Все время в игре Хомич. Дважды он каким-то чудом успеваешь заметить мяч, пробитый сильно издали, и отправляет его на угловой.

Туман все сильнее. Иногда просто ничего не видно. Немудрено, что во всех английских газетах — да и не только английских — были по-разному названы фамилии игроков, забивших голы. Но если уж наблюдать было трудно, то каково приходилось тем, кто вел борьбу на поле! Играть приходилось только мелкими пасовками — ведь даже в пяти шагах не всегда можно было различить, партнер перед тобой или соперник.

Англичане рвутся вперед под неумолчный гул трибун. По всему было видно, что на этот раз лондонцы все без исключения болеют за своих. Да оно и понятно: ведь

на поле были их любимцы, ими признанные «звезды», их самая популярная команда.

Великолепно играет Метьюз. Он нередко уходит от своего сторожа Ивана Станкевича и создает опаснейшие положения у наших ворот. По трибунам из края в край неслось тысячеголосое непрекращающееся:

— Метьюз! Метьюз!

Весь стадион буквально ревел, ожидая от своего любимца чего-то сверхъестественного.

Нужно сказать, что знаменитый край во многом оправдал ожидания лондонцев. На 12-й минуте он стремительно проходит вперед по кромке поля, навешивает мяч почти над самыми воротами на дальнюю штангу, и набежавший левый полусредний Мартенсен, перепрыгивая Хомича, ударом головой сравнивает счет.

Снова атакуют англичане. Но постепенно игра выравнивается. Две интересные комбинации разыгрывает наше нападение. Выводим на удар Трофимова, но, уже ворвавшись в штрафную площадь, он чрезмерно волнуется, теряет мяч. Идет на ворота Карцев, но в последнюю секунду защитник «Арсенала» великолепным подкатом ликвидировал опасность.

Нужно отдать должное и вратарю Гриффитсу, кстати сказать, являвшемуся долгое время неизменным стражем ворот сборной Англии. Он показал смелую, экономную и точную игру. Несколько раз парировал очень сильные и трудные мячи, дважды отчаянными бросками в ноги Бескову и Соловьеву спас свою команду.

До 35-й минуты состязание шло с переменным успехом. Но вот снова следует отличный рывок Метьюза, он подходит к углу штрафной площадки и редким по силе ударом посылает мяч в наши ворота. Хомич в великолепном броске отбивает мяч, но подоспевший Мартенсен посылает его в сетку. Через три минуты следует комбинация Метьюз—Камнер—Рук, и счет уже 1:3. На трибунах, скрытых от нас непроницаемой стеной тумана, — невообразимый гул. Лондонцы искренне ликуют. Теперь то они уже были уверены в победе своей команды.

Но мы и не думали сдаваться. Напряженность и сложность положения лишь прибавили нам силы. Снова идем вперед. Все чаще и чаще в нападение подключается Блинков. Вот он разыграл отличную комбинацию, передал мяч Трофимову, тот передал мяч Бескову, и наш

центральный нападающий действительно пушечным ударом свел преимущество англичан до минимального. Это случилось на 41-й минуте. Со счетом 2:3 мы ушли на отдых.

В перерыве к нам в раздевалку входит тренер «Арсенала» знаменитый Аллисон.

— Туман крепчает, — говорит он, — предлагаю на этом и покончить...

Точно сговорившись, мы встаем со своих мест. Как, остановиться сейчас, на полпути? Ни за что!

Серьезно, даже немножко зло смотрит на нас Михаил Якушин.

— Матч должен быть доигран! — говорит он.

Матч доигрывается. Надежда на то, что туман к концу перерыва несколько рассеется, не оправдалась. Тяжелая, сырая мгла еще плотнее окутала стадион, когда мы снова вышли на поле. В этой невероятно трудной обстановке мои товарищи проявили отличные волевые качества и непреклонную волю.

Как и в первом тайме, инициативой сначала овладеваем мы. На штрафной площади хозяев ведется жесткая борьба. В один из моментов защитник «Арсенала», спасая свои ворота, посылает мяч за линию ворот. Подаем угловой. Трофимов точно навешивает мяч, в прыжке я достаю его и головой посылаю в ворота. Гриффитс в прыжке отбивает мяч, но прямо на Сергея Соловьева, и тот резким, коротким ударом сравнивает счет. 3:3.

После этого англичане вновь идут на штурм. Пятнадцать минут подряд они пытаются прорвать нашу оборону. Но тут очень высокий класс показали наши защита и полузащита. Они нейтрализовали форвардов «Арсенала». Значительно сильнее, чем в первом тайме, заиграл Иван Станкевич, опекавший Метьюза. Он следовал за своим подопечным по пятам и разрушал в зародыше многие комбинации.

Судьбу матча решила 18-я минута второй половины. Отбив очередную атаку англичан, мы сами пошли вперед. Василий Карцев, получив мяч в глубине, провел его до середины поля, сыграл со мной в стенку и вдруг точно выложил мяч Бескову. Наш центр ворвался в штрафную, ему наперерез бросился защитник Джой. Бесков сделал стремительный рывок влево и, чутьем угадав, что я иду

за ним, оставил мяч. С хода метров с пятнадцати я сильно ударил и отчетливо увидел, как мяч влетел в верхний угол ворот.

После этого игра приняла еще более острый, а порою и резкий характер. То и дело следуют судейские свистки. Уносят с поля подбитого Трофимова, его заменяет Архангельский. Англичане предпринимают отчаянные попытки отыграться, но наша защита непреступна. Очень хорошо играет Хомич. Особенно запомнилось мне, как за шесть минут до конца он в прыжке отбил мяч из «девятки», вскочил на ноги и снова в прыжке достал мяч из нижнего угла.

Нужно сказать, что к концу состязания обе команды невероятно устали. Снижился темп. Редкими стали рывки по краям. Больше появилось технического брака.

Вот и финальный свисток. Победа! Трудная, добытая в отчаянном сражении с очень сильным противником и поэтому особенно желанная победа!

Было уже совсем темно, когда наш автобус выехал за ворота центрального лондонского стадиона. Мы двигались среди людского моря. Повсюду — на автобусных остановках, у станций метро, перед стоянками такси — стояли длинные очереди хмурых людей. Ветер нес по тротуарам обрывки газет, надсадно выли сирены полицейских машин, на перекрестках ярко пылали факелы, которые здесь специально устанавливаются в особо туманные дни для ориентировки водителей транспорта и пешеходов. Лондон в этот час выглядел каким-то обиженным и неуютным.

Следующий день был посвящен отдыху, но, сказать по правде, отдыхать нам не пришлось. То и дело звонили телефоны: нас вызывали Москва и Ленинград, Киев и Рига; шли поздравительные телеграммы, а ведь каждую из них обязательно хотелось прочитать. Не давали покоя корреспонденты. Они ловили нас за завтраком, в холле гостиницы, в театре.

В полдень мы выехали на могилу Карла Маркса и возложили здесь большой венок. Долго стояли мы молча над местом, где погребен великий человек, указавший трудовому народу путь к свободе и счастью.

Побывали мы в гостях у редакции газеты Коммунистической партии Великобритании «Дейли уоркер», познакомились с ее спортивным отделом. Должен сказать,

что ведется он очень хорошо и интересно; спорту на страницах газеты отводится много места. «Дейли уоркер» была единственной газетой, которая с самого начала, печатала о нашей команде правдивую, объективную информацию. Нам показали десятки писем болельщиков, которые благодарили за это редакцию.

Отдыхая, мы продолжали знакомиться со столицей Великобритании. Любовались широкой Темзой и переброшенными через нее мостами, подолгу простаивали перед чудесными и разнообразными памятниками, которыми так богат город. И всюду нас узнавали, всюду завязывались теплые, непринужденные беседы с простыми англичанами, людьми, которые искренне хотели быть нашими друзьями.

Через два дня поезд унес нас на север, в горную, живописную, по-своему прекрасную Шотландию, в древний город Глазго.

Нас встретили здесь чрезвычайно гостеприимно, дарили цветы, приглашали на банкеты, сообщали, что 120 000 билетов на матч были распроданы в течение нескольких часов. Нам протягивали руку дружбы. И в то же время с мужественной честностью все признавались, что от души желают победы только своим. На реке Клайд, разрезающей город пополам, выстроились сотни пароходов, барж, буксиров, и, на подавляющем большинстве из них мы видели написанный огромными буквами призыв: «Рейнджерс — только победа!»

Теперь, может быть, настало время рассказать о нашем последнем сопернике на Британских островах. Команда «Глазго-Рейнджерс» — одна из ярких представителей островного футбола. На ее счету значилось 29 побед над сборной Англии, 30 раз она завоевывала первенство и Кубок Шотландии, восемь ее игроков постоянно входили в сборную этой страны.

Матч сложился очень интересно и напряженно. Уже на 3-й минуте Василий Карцев, выполняя штрафной Удар, метров с 20 точно послал мяч в сетку хозяев поля.

Нападающие «Ре'инджерса» ответили грозным натиском. Пятерка форвардов хозяев поля играла не только технически сильно, но и продемонстрировала высокий коллективизм, склонность к комбинациям, огромную напористость. И если ей не удалось добиться крупного успеха, то в этом заслуга нашей линии обороны. Именно

защитники «Динамо» — Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный, Иван Станкевич — и, разумеется, вратарь Алексей Хомич явились прежде всего героями матча в Глазго.

Идет 7-я минута состязания. Судья Томпсон назначает 11-метровый в наши ворота. Пробить его поручают центральному нападающему Смигу. Удар. В невероятном броске вытянулось в воздухе тело Хомича. Мяч от его руки попадает в штангу. Шотландцы бросаются добить его, но Семичастный в падении отправляет его за линию ворот.. Угловой. Мяч — снова у Смига. Удар в «девятку». Хомич с трудом перебрасывает мяч над планкой. Снова угловой... А через минуту уже мы идем вперед, и левый защитник хозяев Шоу, бывший, к слову сказать, лучшим на поле, тоже вынужден послать мяч за ворота. Такими острыми, волнующими моментами был насыщен весь матч.

На 24-й минуте мы снова добиваемся успеха. Комбинацию, начатую Бесковым, своим «смертельным» ударом вновь завершает Василий Карцев. Так, этот игрок забил первый и последний мяч нашего турне.

Хозяева во второй раз начинают с центра поля. Стадион гудит, гудит недовольно. «Неужели и «Рейнджерс», которую считают родоначальником игры в футбол во всей Великобритании, не сможет ничего сделать с «Динамо»? — вот мысль, которая владеет всеми 120 000 зрителей, всеми, кто следит за ходом матча по всей Англии.

Игроки команды отлично понимают это. Они стараются. Они показывают игру высокого класса. И за пять минут до конца Смит забивает первый ответный гол. 2:1. Уходим на перерыв.

В начале второго тайма я получил серьезную травму и вынужден был покинуть поле, уступив свое место Николаю Дементьеву. Так, впервые за время турне я стал зрителем. Игра стала еще более острой, порой резкой и даже откровенно грубой. Шотландцы, как, говорится, шли напролом. Они часто обстреливали наши ворота со средних дистанций, но Хомич и защитники спасали команду в, казалось бы, безвыходных положениях. Дважды из пустых ворот выбивает мяч Радикорский, головой в верхнем углу в невероятном прыжке достает мяч Станкевич.

Вероятно, счет 2:1 остался бы неизменным, если бы не произошел непредвиденный случай. Он произошел на 30-й минуте второго тайма. К нашим воротам прорывался центральный нападающий шотландцев Смит. Рядом с ним шел Семичастный. В технической борьбе за мяч оба игрока не удержали равновесия и упали. Судья Томпсон назначил свободный удар от ворот «Динамо» и побежал на середину поля, но его догнал боковой рефери и стал что-то говорить. Тут-то и произошло невиданное: судья отменил свое первоначальное решение и назначил пенальти в наши ворота. На этот раз удар выполнял центральный защитник Янг. Хомич в броске снова достал мяч, но удержать его не смог. 2:2. До конца изменить счет не удалось никому.

Вечером нам в номер принесли огромную корзину живых цветов и письмо от мэра города. «Жители Глазго, — писал он, — очарованы вашей командой. Они видят в ее успехах успех и невиданный взлет советского спорта».

Турне по родине футбола было закончено. Общий баланс мячей — 19 : 9 в нашу пользу. Две ничьи, две победы. «Английский дебют» оказался удачным.

Сейчас, спустя восемнадцать лет, все мы, участники этого знаменитого турне, с гордостью вспоминаем о том, что сделали. Но, по-видимому, стоит разобратсья, почему столь триумфальным было выступление советских футболистов, почему западная пресса единодушно давала восторженную оценку команде.

Прежде чем ответить на этот вопрос, я позволю себе привести заявление капитана команды «Челси» Джона Гарриса, сделанное им после матча.

«Чтобы описать наш матч с «Динамо», — говорил Гаррис, — достаточно сказать только одну фразу: это было замечательно. Вот точка зрения игрока. Я уверен, что буду помнить о ней много лет, как об одной из лучших игр, в которой мне когда-либо приходилось участвовать. Она доставила мне истинное удовольствие.

Еще перед матчем я предостерегал, что русские, возможно, приготовили какой-нибудь сюрприз. Я ошибся: Динамовцы приготовили несколько сюрпризов.

Во-первых, десятиминутная разминка перед матчем, которую мы никогда не видели, а затем уход в раздевалку, где принимается окончательное решение о распреде-

лении мест. Вот идея, которую следовало бы развить английскому футболу. Такого рода «пробная игра» была бы особо полезной, когда существуют некоторые сомнения.

Во-вторых, динамовцы обратили наше внимание на обувь. Они подбирают шипы в зависимости от грунта. Я вспоминаю, сколько больших матчей у нас было проиграно потому, что одна из сторон не была надлежащим образом обута.

Что касается самой игры, то основным был темп, установленный гостями из России. Помните фильм «Тетка Чарлея»? Динамовцы показали современный вариант «Тетки Чарлея»: беготня ни разу не прекращалась. Конечно, бегать умеет любая футбольная команда, но есть, оказывается, такая вещь, как убегание от занятой противником позиции и бег к свободной позиции. Русские прибегали на позицию, даже если им приходилось бежать через все поле. Мне ни разу не приходилось затрачивать так много труда, чтобы найти своего непосредственного противника центрфорварда Бескова. Он был буквально повсюду. Левый край Сергей Соловьев оказывался в центре с такой быстротой, с какой наши лучшие английские спринтеры приходили когда-либо к финишной черте.

Большое впечатление произвел на меня центральный полузащитник Семичастный. Томми Лаутон воздает должное вратарю Хомичу. Томми сделал по крайней мере два удара типа «вытаскивай мяч», однако вратарь сумел их поймать тигриным прыжком. Я сомневаюсь, сумели ли бы спасти эти мячи лучшие английские вратари».

Не будем обращать внимание на слишком восторженный тон высказывания Джона Гарриса. Но, несомненно, в заявлении этого большого мастера есть более или менее правильное объяснение причин нашего успеха. Давайте подумаем об этих причинах. Они помогут нам лучше увидеть и понять многое из того, что волнует нас и сегодня.

Во-первых, бесспорным было наше преимущество в скорости и физической выносливости. Советская команда — по общему признанию — показала такую высокую атлетическую подготовку, о которой тогда на Западе говорили с удивлением и уважением. Мне кажется, что

за последние годы мы в какой-то мере растеряли это очень веское преимущество и нужно найти пути и методы его восстановления. Чем быстрее, тем лучше.

Я хотел бы обратить особое внимание на то место в высказывании Джона Гарриса, где он говорит о быстрых перемещениях советских форвардов. Это свидетельствует о том, что творческая мысль наших спортсменов, наших тренеров шла вперед, обгоняя время, шла своим, чисто национальным путем и рождала тактические построения и схемы, которые на практике оказывались далеко не самыми худшими. Конечно, творческий процесс, смелые поиски характеризуют и сегодня работу лучших наших тренеров. И все-таки мне кажется, что мы слишком уж часто и откровенно стали равняться на предложенные другими схемы, заниматься голым копированием. А это в искусстве и в спорте всегда приводит к провалам.

Постараюсь пояснить свою мысль более конкретно. Не успел еще закончиться шведский турнир 1958 года, как на страницах нашей спортивной прессы, а затем уже и на зеленых полях стадионов система, принятая и примененная победителями, была признана единственно правильной и единственно приемлемой. Но всегда ли годится эта система, демонстрируемая командой, в составе которой выдающиеся технические исполнители, для команд, где с техникой все еще далеко не безукоризненно, но где можно найти неиссякаемые резервы выносливости, скорости и работоспособности. Не этот ли тактический схематизм помешал нашим ребятам пройти плотные оборонительные построения противника в роковом матче с Чили?

Наконец одной из главнейших причин успешного дебюта на родине футбола была, несомненно, безупречная морально-волевая подготовка коллектива. Давайте еще раз вспомним, что во встрече с «Челси» мы проигрывали 0:2, а сборная английских клубов вела во встрече с нами 3:1. Добавьте к этому гремящие, неистовствующие трибуны, совершенно необычные условия, позднее время года, наконец, громкие титулы и громкую славу наших соперников, и вы все поймете. В этих условиях команда находила силы склонять весы, спортивного счастья в свою пользу. Она вела борьбу до конца, до финального свистка, и очень часто победа приходила к нам в награду за это упорство именно на последних минутах.

...Игры были закончены, но мы еще несколько дней оставались в Лондоне, знакомясь с этим гигантским городом. 1 декабря нас всех пригласили в советское посольство на товарищеский ужин. Это был день моего рождения, но я держал это в строжайшем секрете и никому даже словом не обмолвился об этом. И тем приятнее было узнать, что товарищи по команде и наш тренер Михаил Якушин откуда-то узнали эту «тайну». Динамовцы подарили мне прекрасную вазу с цифрой «23», означавшей количество прожитых мною лет.

Потом, как это часто бывало, Вадим Синявский сел за рояль. Играет он хорошо, с большим чувством. И вот уже поплыла под сводами зала хорошая, душевная русская песня. Песня о солдате, который немало стран перевидал, сражаясь с винтовкой в руке, но для которого не было большей печали, чем жить вдали от своей любимой свободной, прекрасной Родины. И мы себя тоже в ту минуту чувствовали немножко солдатами Отчизны, с честью выполнившими ее приказ. И от этого, предстоящее свидание с Москвой представлялось особенно желанным и радостным.



РОДИЛИСЬ ЛИ МЫ УДАЧЛИВЫМИ?

В этой главе я хочу показать, что никто, никогда без труда не добьется успехов в спорте.

Когда отдельный спортсмен или целая команда начинают выступать особенно сильно, добиваются несколько лет подряд серьезных успехов, находятся обыватели — иначе их не назовешь, — которые все это объясняют одной стереотипной фразой:

— Набрали себе таланты... С такими игроками каждый выиграет!

Или:

— Везет людям. Удачливые они, спасу нет!

Так говорили и о футбольной команде ЦДКА в период ее несомненно больших успехов, одержанных в пятидеся-

тые годы. Я пришел в эту команду почти не имеющим опыта новичком, провел с ней много лет. И мне очень хочется сейчас вместе с нашей футбольной молодежью совершить экскурсию в далекое прошлое, провести ее через «заднюю дверь» в наш футбольный дом и показать, как, какой ценой мы добывали наше мастерство и наши победы.

Впервые я узнал, что такое настоящая работа настоящего спортсмена, весной 1945 года, когда вместе со своей командой выехал на учебно-тренировочный сбор в Сухуми. Нашим тренером, учителем, добрым старшим товарищем был тогда Борис Андреевич Аркадьев.

В прошлом сам далеко не заурядный мастер кожаного мяча, он начал играть в футбол с 1915 года в Петрограде, выступал за команду «Унитас», был левым и центральным полузащитником в знаменитой команде сахарников, а затем в дружном коллективе завода «Серп и молот». Неоднократно входил в состав сборной команды Москвы.

С 1937 года и вот уже беспрерывно в течение четверти века Борис Андреевич работает тренером по футболу. Он занимался с дружным, очень сильным в свое время коллективом «Металлурга» и там «нашел» и отшлифовал такой алмаз нашего футбола, каким являлся Григорий Федотов. Работал с московскими динамовцами, сумел найти и у них в кладовой целый ряд молодых талантов, которые потом выросли в больших мастеров советского футбола. С именем Аркадьева связаны лучшие годы, наибольший расцвет команды столичных армейцев.

Борис Андреевич славен своим трудом, и я еще постараюсь показать его именно в труде, в действии. И все-таки нельзя отказаться от нескольких общих слов. Все действия и поступки этого человека отличали всегда влюбленность в футбол, неустанное искание нового в технике и тактике, любовное отношение к молодежи и умение воспитывать ее.

Итак, под руководством этого многоопытного человека мы готовились к трудным спортивным сражениям. Для того чтобы получить сколько-нибудь полное представление о характере нашей работы, я приведу недельный цикл команды ЦДКА на тренировочном сборе.

Первый день после выходного (им, как правило, был понедельник) в предобеденные часы проводилось занятие

продолжительностью в два три-часа с ярко выраженным уклоном на техническую подготовку. Выполнялись специальные упражнения на ведение мяча в различных направлениях; обводка стоек или партнеров по команде с возрастающей скоростью и последующим ударом по воротам; передача мяча между двумя-тремя игроками на месте и в движении, разучивание элементарных комбинаций.

Потом — удары по воротам. Помню, этому безусловно главнейшему техническому элементу футбола у нас уделялось особенно большое внимание. Какой бы славой ни пользовался футболист, какими бы ни были его успехи, он все выполнял от начала и до конца. Сначала вся команда разучивала какой-нибудь определенный удар с места, осваивала до мельчайших тонкостей его технику. Помню, Борис Андреевич опрашивал буквально каждого, как он понимает тот или иной элемент, следил за его выполнением по разделениям. А потом — удары с невыгодных позиций, удары по воротам с игрой в одно касание, удары с противодействием защиты... Он учил нас действовать в обстановке, максимально приближенной к боевой, в ситуациях, близких тем, которые могут возникнуть и действительно возникали во время тех матчей, в которых мы участвовали.

— Каким бы талантливым ни был футболист, особенно нападающий, — часто любил повторять Борис Андреевич, — если он не обладает сильным и точным ударом с обеих ног, ему нечего делать на поле.

И он продолжал без усталости работать с нами над постановкой удара. Это приносило свои плоды. Каждый в армейской пятерке нападения тех лет мог взять на себя — и постоянно брал — смелость завершения атаки.

Передо мной пожелтевший газетный лист лета 1945 года. На нем список десяти лучших бомбардиров первого круга первенства страны. Приведу его.

В. Карцев («Динамо», Москва)	— 13
Г. Федотов (ЦДКА)	— 12
С. Соловьев («Динамо», Москва)	— 10
В. Бобров (ЦДКА)	— 8
В. Панфилов («Торпедо»)	
В. Николаев (ЦДКА)	— 7
В. Демин (ЦДКА)	— 7
В. Трофимов («Динамо», Москва)	— 7
В. Чучелов («Зенит», Ленинград)	— 7
А. Гринин (ЦДКА)	— 4

Как видите, вся пятерка нашей команды вошла в этот список. В одиннадцати матчах первого круга наша линия нападения провела в ворота соперников 38 мячей, т. е. по 3,44 гола в каждом состязании. Мне бы очень хотелось, чтобы наша молодежь серьезно задумалась над этой арифметикой. Слабая результативность, беспомощность при выполнении завершающих ударов объясняются только плохой тренированностью.

Мне могут возразить, что снижение числа забиваемых мячей в матчах внутреннего первенства объясняется резким усилением оборонительных линий. Что, дескать, в наше время нападающие не встречали таких плотных заслонов на своем пути.

Неправда — встречали. Вспомните, например, нашу-мевшую именно в наши дни «волжскую защепку», изматывающую тактику киевского «Динамо» и т. д. Эти команды уже в те годы в ряде случаев, особенно при встречах с сильными противниками, практиковали введение в защитные линии дополнительных игроков. И все же мы находили способы забивать и забивали им мячи. Почему же не всегда находят их более скорые, в общем более техничные нападающие нынешних команд?

И тут мне хочется высказать свой взгляд на серьезную ошибку, присущую, к сожалению, подавляющему большинству наших коллективов. Борьбу против массовой обороны они ведут путем утомительно длительного розыгрыша мяча. Это неправильно со всех точек зрения. Розыгрыш хорош и оправдан в центре поля и при неожиданных контратаках, когда нужно быстро переместить мяч с одного квадрата поля на другой и вывести на выгодную позицию игрока. При большой же скученности футболистов в районе штрафной площади он не только не целесообразен, но и попросту вреден. Слишком трудно отыскать мячу и игроку лазейку, когда на их пути Десятки ног и тел. Что же делать? Где выход?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я хочу поделиться кое-какими своими наблюдениями о ходе полуфинального матча на Кубок Советского Союза 1962 года между командами «Динамо» (Москва)—«Шахтер» (Донецк). В течение тридцати минут первого тайма столичные спортсмены имели подавляющее преимущество, но, подходя к штрафной площади, долго и нудно перекачивали мяч поперек поля, так и не создав ни одной реальной уг-

розы воротам соперников. На 31-й минуте левый защитник динамовцев Готов, получив мяч, смело пошел вперед, прорвался сквозь линию полузащиты, красивым финтом обошел одного защитника. Только отчаянный бросок кого-то из донбасских футболистов в ноги москвичу спас ворота «Шахтера» от страшной опасности.

Я не случайно привел этот пример. Защитник динамовцев в данном случае показал своим нападающим, как следует действовать в подобных случаях. Прямая атака форвардов с помощью скоростной обводки — вот наиболее правильный и эффективный метод действий. Подлинными и, я позволю себе сказать, пока непревзойденными мастерами таких действий были в наше время Владимир Демин, Алексей Гринин, Владимир Трофимов... Сколько раз их блестящий дриблинг, их умение проходить сквозь строй игроков на высокой скорости приводили команду к успеху.

Наконец при глубоком эшелонировании обороны нужно чаще, смелее применять неожиданные удары со средних и даже дальних позиций. А для этого, конечно, нужно отрабатывать их в ходе тренировок, отрабатывать серьезно, планомерно, систематически.

Возьмите подшивки газет за период 1945—1950 годов. Вы сплошь и рядом увидите там упоминания, что сильный удар московского, ленинградского, киевского или какого-нибудь другого полузащитника достиг цели, что мяч забит с 18—25 метров. А теперь смотришь на поле и иногда кажется, что нападающие задались целью не вбить, а внести мяч в ворота. И опять это происходит из-за недостатка предварительной тренировки.

Мне также хотелось бы особенно подчеркнуть ту серьезную работу, которую мы вели, разучивая удары головой. Специальные стойки с подвешивающимися мячами, разнообразные парные и групповые упражнения, индивидуальная работа тренера с каждым из нападающих, наконец, 10—15—20 приемов мяча с углового с заданием переиграть защитника в прыжке и забить гол ударом головы — вот далеко не полный перечень того, что мы делали лишь в этом направлении. Зато — многие, вероятно, еще хорошо помнят это — не было почти ни одного матча, в котором бы мы не проводили мяч этим способом. Каждый угловой, подававшийся нами, каждая навесная подача в штрафную площадь были реальной

угрозой для соперников, Теперь же хороший удар головой, мяч, забитый в ворота ударом головы, становятся чуть ли не музейной редкостью. Не стоит ли обратить на это внимание?

При проведении технической подготовки тренер всегда обращал большое внимание на выполнение сложных нападающих ударов. Удары с лета, в падении через себя, в высоком прыжке отрабатывались постоянно, каждый из нас повторял их десятки, а то и сотни раз.

После обеда и отдыха в первый день тренировочного недельного цикла мы, как правило, бегали пятикилометровый кросс. Двигались в среднем темпе, но дистанция бега проходила по сложному маршруту, круто взбегала в горы, обрывалась у глубоких канав...

В среду делался уклон на тактическую подготовку. Мы вели игру в квадратах, где двое выступали против троих, четверо против троих. Разыгрывали маленькие матчи на половине футбольного поля, выступая друг против друга командами по шесть или семь человек, персонально опекая друг друга по заданию тренера.

Одним из моих любимых упражнений в такие дни были игры пятерки нападения. В нашу задачу входило начать с центра и пасом в одно касание пройти к воротам, сделать завершающий удар и... немедленно оттянуться снова к центру, где нас уже ждал новый мяч. Такие скоростные приливы и отливы повторялись десятки раз, а затем на этой же тренировке опробовалась игра с противодействием трех-четырёх защитников.

Наигрывание тактических схем, налаживание глубоких связей между линиями команды — всему этому посвящались десятки и, может быть, сотни упражнений. Два часа тренировки без минуты отдыха со все нарастающей степенью нагрузки. Борис Андреевич очень сердился, если кто-нибудь останавливался, хотел отдохнуть:

— Мы должны уметь работать с полным напряжением всех наших сил и по времени гораздо дольше, чем этого требуют рамки одного матча, — постоянно говорил он.

Четверг мы все считали самым интересным и трудным. Да, это был день большой физической нагрузки, хотя и в остальные дни, признаться, нам некогда было скучать. Скоростные упражнения с повторением через короткие интервалы, различные эстафеты с мячом и без мяча, часовая двусторонняя игра, л в заключение — трид-

цать минут упражнений на скоростную выносливость. И вечером — восьмикилометровый кросс. В хорошем темпе. По горам. На время.

Пятница — работа на технику. Разбор ошибок, выявленных в ходе двусторонней игры. Опять упражнения в квадрате. Игра в баскетбол. Волейбол головой, только головой, — очень интересно. Игра в футбол — нападение против защиты и полузащиты. Тридцать минут удары по воротам.

Суббота — два часа занятий с резким уклоном на техническую подготовку. Шлифовка приемов: остановка мяча различными способами, ведение, обводка, передачи, передачи, передачи... До 100—150 раз повторение на точность паса. Игра головой в парах, игра в квадратах, игра на счет три против трех... И вечером — десятикилометровый кросс. Для всех. На время.

Как правило, недельный цикл завершался подведением итогов проделанной работы, товарищеским матчем с какой-либо из команд или двусторонней игрой. Конечно, на такие встречи каждый из игроков получал персональное задание, а потом мы слушали отчет о его выполнении.

Кроме этой большой и довольно напряженной работы на поле, мы занимались по два-три часа в день глубоким изучением тактики футбола и правил игры, знакомились с основами медицинского контроля и самоконтроля. Наконец каждый день начинался у нас с часовой физической тренировки, в которую входили всевозможные гимнастические упражнения, кроссы, работа с гантелями, рывки.

Как видите, нагрузка выпадала огромная. Но и этого многим из нас казалось мало. Особенно хочу рассказать о Григории Ивановиче Федотове, чье имя записано золотыми буквами в историю советского футбола. В дни, когда я пришел в команду новичком, он уже был человеком громкой славы, большой и яркой биографии.

Признаться, я очень удивился, когда увидел его на первой тренировке. «Неужели же он будет тут заниматься вместе с нами?» — мелькнула мысль. Да, Григорий Иванович работал вместе с нами. Да еще как работал! Он заражал всех своим трудолюбием, своей страстью к труду, к каждому, пусть даже не очень веселому, упражнению.

Прошли положенные два с половиной часа: Мокрые, усталые, направились мы в душ. Вдруг я почувствовал на плече чью-то руку. Оглянулся: Федотов.

— Давай-ка побьем Никанорову, а? — попросил он.

Нужно ли говорить, что такое предложение было для меня большой честью и что я, конечно, остался. И еще добрых полтора часа оставался на стадионе знаменитый форвард.

Этот пример далеко не единственный. Григорий Иванович взял себе за правило после напряженного коллективного занятия лично работать над нападающими ударами. Особенно он любил, чтобы кто-нибудь из нас набрасывал ему мяч и он с лета производил коронный федотовский удар. Он бил подряд пятьдесят, сто, сто пятьдесят раз, и почти каждый мячзаканчивал свой стремительный полет в сетке. Да, лучшего исполнения этого удара мне никогда больше не приходилось видеть.

Однажды, возвращаясь после очередного такого «забивания», я сказал Григорию Ивановичу:

— Любите вы мучить вратарей. Все уже ушли вот, а мы...

— Приучил себя любить все это, — ответил он очень серьезно. — Ведь в нашем деле без труда, без многократного повторения, без доведения каждого приема до автоматизма ничего путного не получится, Сева. Запомни это!

Вот как трудился прославленный центральный нападающий. И этим трудом, а не какой-то удачливостью объяснялась его великолепная, умная, технически безупречная игра.

Григорий Иванович для каждого из нас был примером, образцом, достойным подражания. Мы знали наизусть его биографию, его жизнь в труде и спорте. Он Родился и вырос в небольшом городке Глухово, в дружной рабочей семье. С детства пристрастился к спорту. В шестнадцать лет уже играл за взрослую команду родного городка. Окончив ФЗУ, Григорий Федотов переехал в Москву, стал рабочим знаменитого столичного завода «Серп и молот», славившегося своими богатыми спортивными традициями. Записался в футбольную секцию. И отсюда начал свой славный путь. Играл за первую команду завода, ставшую затем называться «Металлургом», тренировался под руководством Бориса Андрее-

вича Аркадьева, вместе с ним пришел в коллектив ЦДКА. Григорий Иванович выступал против сильнейших, команд Испании, Болгарии, Венгрии, Югославии, участвовал в III Международной рабочей олимпиаде... И всюду его отмечали как непревзойденного мастера, талантливого гроссмейстера футбола.

Как жаль, что неожиданная болезнь так рано вырвала его из наших рядов. Но имя Федотова не умрет в сердцах настоящих болельщиков. С ним всегда будет связана история нашего спорта, он всегда будет примером железной настойчивости, огромного трудолюбия и выдающегося мастерства для молодежи. Наши лучшие футбольные команды, участвующие в первенстве страны по классу «А», ежегодно разыгрывают приз имени Г. И. Федотова. Эту фамилию носит одна из детских футбольных школ.

А в команде ЦСКА на том же самом месте, в центре линии нападения, мы видим русоголоворо коренастого юношу, который и лицом, и манерой игры, и огромной целеустремленностью похож на своего знаменитого предшественника. Что ж, в этом нет ничего удивительного: ведь это сын Григория Ивановича — Володя Федотов. Я помню, как много лет назад в дальних поездках, в гостиницах своих и чужих городов Григорий Иванович до стывал фотографии пухлого веселого мальчугана и с гордостью говорил:

— Вот, вырастет — займет мое место. Хочу, чтобы тоже любил футбол.

И вот мечта сбылась. Династия Федотовых продолжается...

Но вернемся к будням нашей команды. Я уже рассказал о том, как трудился, неустанно совершенствовался Григорий Иванович. И так же творчески, настойчиво, с огоньком действовали все остальные.

— Трудолюбие, трудолюбие и еще раз трудолюбие, — вот какие слова очень часто повторял нам наш Борис Андреевич.

Большие успехи команды ЦДКА в те годы во многом объяснялись и тем, что тренер требовал в новом сезоне играть по-новому, творить, искать тактические построения и схемы, не привычные для противника.

Помню, конец 1945 года мы провели без Григория Федотова: он был очень серьезно травмирован. В те дни

его место часто занимал я. Товарищи нередко доверяли мне право завершающего удара. А это и предопределило тактику: сильный продольный пас «на выход», стремительные проходы по флангам и прострел вдоль ворот, игра на отрыв.

В начале 1946 года, во время учебно-тренировочного сбора, проводя один из первых контрольных матчей, мы применили уже хорошо знакомый нам рисунок. На разборе Борис Андреевич очень досадовал по этому поводу.

— Друзья мои, — заявлял он убежденно, — поймите же, старую тактику, старые приемы повторять нельзя. Противники хорошо изучили все это и сейчас, сегодня уже готовят противодействие. Значит, нужно, в свою очередь, ввести еще не изведенное «секретное» оружие. Такова логика спортивной борьбы. Давайте же думать над новым, думать вместе.

И мы взяли за решение поставленной задачи. Возвращение в строй Федотова значительно облегчало ее. И коллективный труд команды, нацеленной на творчество, родил тактику «сдвоенного центра», которая затем принесла нам так много хорошего.

В чем же была сущность примененной нами новинки? Два наиболее быстрых и результативных игрока — эту роль поручили Федотову и мне — располагались в пятерке нападения впереди и несколько шире друг от друга, нежели обычно. При построении противника 3 + 2 + 5 (а иных тактических схем в то время наши команды не применяли) наличие сдвоенного центра ставило в крайне затруднительное положение центрального защитника обороняющейся команды. Он все время как бы попадал в клещи, устраиваемые ему двумя быстрыми форвардами, все время был под страхом обхода справа или слева. Должен сказать, что в первое время это «секретное» оружие действовало очень метко. Вот что говорил по этому поводу тренер наших основных соперников — динамовцев — Михаил Якушин:

— Умная, прекрасно исполненная армейцами новинка — «сдвоенный центр» — явилась для нас полной неожиданностью. В течение всего сезона она мучила нашу защиту, так и не сумевшую приноровиться по-настоящему к действиям прекрасно слаженного атакующего ансамбля соперников.

Вряд ли можно к этому что-либо добавить. Как видите, творческие поиски, новаторство оправдали — и всегда оправдают! — себя.

Творчество! Без него немыслимо никакое движение вперед, никакой прогресс. Когда я еще и еще раз обращаюсь к годам, проведенным на футбольных полях, то невольно вспоминаю, что каждый сезон, каждый этап ознаменовывался какими-то новинками, новыми открытиями тренеров, новыми, неожиданными замыслами. Взять, например, сезон 1945 года. Только что кончилась война, футбол наш лишь расправлял плечи после долгого вынужденного перерыва, но ведущие команды, вступая в первый послевоенный чемпионат, заявляли о себе каждая по-своему.

Московское «Торпедо» в тот памятный сезон обогатило нашу тактику интересным вариантом взаимодействия инсайдов (Г. Жарков — П. Петров), показавших очень интересную и необычную игру. Тбилисское «Динамо» в тот год первым применило перемену мест в нападении (Г. Джеджелава — Б. Пайчадзе), внося на первых порах немало растерянности и беспокойства в защитные линии соперников. Их московские одноклубники тут же подхватили эту новинку и усовершенствовали ее, введя вариант с забивающим полузащитником (Л. Соловьев, В. Блинков). Они же применили тогда новый тактический вариант, оттянув крайнего форварда. Это было движение, вольное или невольное, к схемам, которые сегодня приняты за образцы. Не является ли подобный пример еще одним свидетельством смелости и прогрессивности творческой мысли наших тренеров? Ну конечно же да.

Новинки, предложенные одним коллективом, опробованные на практике, немедленно становились общим достоянием. Уже в конце сезона стремительные перемещения в линии нападения стали практиковаться всеми без исключения командами. Тактику «сдвоенного центра», в конце концов, успешно применили не только ЦДКА, но и столичные «Динамо», «Торпедо». А все это вместе взятое обогащало наш футбол, наполняло игру новыми красками, делало разнообразней нашу тактику.

Вот почему, на правах ветерана, я хочу еще раз сказать нашим тренерам, нашим игрокам: бойтесь готовых схем и хорошо знакомых трафаретов, бойтесь слепого копирования, бойтесь играть сегодня так, как играли

вчера. Творчество, смелый полет фантазии, вдохновенные поиски нового всегда отличали и должны отличать советский футбол. Только такой подход к делу выведет нас на вершины мирового первенства.

Я уже привел недельный цикл тренировки нашей команды, и человек, который возьмет на себя труд прочесть эту книгу, несомненно увидит, какое большое внимание уделял наш тренер физической подготовке игроков. Он давал нам огромные физические нагрузки: в течение всего года мы бегали кроссы, отрабатывали рывки, играли в баскетбол, плавали, гонялись на велосипедах. Часто бывало и так, что, сыграв в полную силу тренировочный матч, мы слышали невозмутимый голос тренера:

— Это была кубковая встреча. Даются дополнительные тридцать минут.

Все это давалось нелегко, но, мы понимали, все это было необходимо. Именно отличная физическая закалка позволяла нам показывать на поле ту огромную работоспособность, которая так поражала многих в те годы. Владимир Демин. Алексей Гринин, Валентин Николаев, Вячеслав Соловьев... Кто ходил на стадионы в те годы, наверное, хорошо помнит, как эти прекрасные спортсмены в ходе матча десятки раз оказывались то на одном, то на другом краю, стремительно перемещались в центр, не знали ни одной минуты остановки. У них в груди бились такие же, как у всех, сердца, но эти сердца были закалены огромным тренировочным трудом.

Безупречная физическая подготовка помогала нашей команде вести состязание в любой манере, навязывать противнику любой темп и до самого последнего мгновения, до финального свистка драться за победу, выигрывая иногда, казалось бы, безнадежные матчи.

Я написал эти строки, и сейчас же встал перед глазами горячий день 16 июля 1948 года, незабываемый матч на первенство страны против московского «Торпедо». Автозаводцы играли в тот день особенно хорошо и до самого последнего момента вели в счете. Вот уже ударил гонг, а счет 1:2. Мы проигрываем, но продолжаем наступать, рвемся вперед. И свершается, казалось, невозможное. За три с половиной минуты до конца встречи Владимир Демин после великолепного прорыва уравнивает счёт, а еще через две минуты Валентин Николаев силь-

нейшим ударом в угол ворот приносит нам победу. Многие видели в этом счастливый случай, удачу. Нет и нет! Просто мы играли до самого конца, не сбавляя, а наращивая свои усилия. И хуже подготовленная физически защита торпедовцев не выдержала напора, рухнула в самый последний момент.

А ведь многие тогда уже покидали стадион уверенные в проигрыше армейцев, считая, что положение «красно-синих» безнадежно. Так думали многие, может быть, даже все, кроме одиннадцати футболистов в красных футболках, продолжавших на поле сражение. Мы страстно хотели победить — и мы победили, потому что, кроме желанья, у нас еще нашлись силы для его осуществления.

Я мог бы привести еще много примеров, подобных этому. А ведь в 1945—1946 годах у нас наблюдалась прямо противоположная картина, и многие болельщики называли нас тогда «командой первого тайма». Да, вначале часто после перерыва мы упускали преимущество, накопленное в первые сорок пять минут. Упорная работа, большой и кропотливый труд помогли нам ликвидировать этот недостаток.

Одной из примечательных особенностей игры команды ЦДКА, имевшей ряд больших успехов, было наличие своего, ярко выраженного почерка, своего, не схожего с другими стиля. Широкое маневрирование нападающих, умение в нужный момент сконцентрировать свои усилия на направлении главного удара, скрытность и неожиданность действий были нашими главными козырями. Играли в одно касание, мяч посылали, как правило, на свободное место — туда, куда выходил или должен был выйти отрывающийся от своего опекуна партнер. Конечно, это требовало от каждого большого индивидуального мастерства, умения быстро и правильно оценивать складывающуюся обстановку.

Но, пожалуй, самым большим и самым ценным нашим приобретением явилось то, что все без исключения члены команды были буквально влюблены в футбол. Он был для нас прежде всего игрой, подлинной страстью, и мы выходили на каждый матч с желанием поиграть вволю, красиво, доставить удовольствие себе и тем многочисленным зрителям, которые пришли смотреть нас. Мы отдавались игре целиком, самозабвенно, с такой же радостью

и увлечением, с каким, делали это много лет назад, в детском возрасте, гоня мяч босиком на пустырях и зеленых полянках.

Мы были монолитным коллективом, людьми с одинаковым пониманием игры, но играли мы все по-разному. Тот, кто видел нашу команду в ее самые лучшие годы, помнит, наверное, что виртуоз дриблинга, неизменный любимец публики Володя Демин не был ничем похож на решительного, с молниеносным броском и кинжальной прострельной передачей Лёшу Гринина; что аккуратный, артистически тонкий Валя Николаев был полной противоположностью сильного, мужественного, порой даже резкого Вани Кочеткова... Каждый играл по-своему, и тренер всячески поощрял развитие индивидуальных наклонностей каждого. Сливаясь воедино, дополняя друг друга, они делали разнообразней, а следовательно, неожиданней для противника игру слаженного армейского ансамбля.

Наконец — и это очень важно — мы все обладали, по моему, достаточно высокой и разнообразной техникой. И все это вместе взятое помогало нам быть тем, чем мы были все эти годы — сильной командой.



НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Это глава о встречах на футбольных полях. О встречах ярких, как молния.

Когда меня спрашивают, какой же все-таки матч я считаю самым памятным, самым интересным в своей жизни, я невольно развожу руками. Нельзя, совершенно невозможно ответить на этот вопрос. Ибо каждое состязание на зеленом и ледяном поле по-своему интересно и неповторимо, каждое оставлено в памяти и сердце какой-то неизгладимый след.

И все-таки, конечно, есть встречи, о которых и сейчас, много лет спустя, вспоминаешь с особым душевным трепетом. Потому что они выявили все самое прекрасное,

самое лучшее, что может принести игроку и зрителю футбол. Об этих матчах, сыгранных командой столичных армейцев в различные годы в состязаниях на первенство и Кубок страны, мне и хочется рассказать.

Так уж получилось, что в те далекие годы нашим основным и постоянным соперником была команда московского «Динамо». Можно болеть или не болеть за этот коллектив, любить его игроков сегодня или относиться к ним равнодушно, но нельзя не признать того поистине колоссального вклада, который внес он в историю отечественного футбола. Девять раз, больше, чем какая-либо другая команда, носили динамовцы гордое звание чемпионов страны. Слава об их мастерстве пронеслась по стадионам Англии и Швеции, Франции и Италии, Уругвая и Чехословакии, Дании и Польши, вырастая в славу советского футбола. С именем этого коллектива связаны такие дорогие нам имена, как Василий Житарев, Федор Чулков, Федор Селин, Василий Павлов, Евгений Фокин, Виктор Тетерин, Сергей Ильин, Михаил Якушин, Михаил Семичастный... Только одно это, далеко не полное, перечисление имен говорит о том, что история команды — это история нашего спорта, его славы, его расцвета.

В те годы столичное «Динамо» было, несомненно, одним из самых прочных, сильных коллективов. Я уже писал, что в первом послевоенном чемпионате они уверенно завоевали звание лучшей команды страны. Каждая встреча с ними ожидалась с нетерпением.

24 мая 1946 года.. Шестьдесят пять тысяч зрителей заполнили трибуны стадиона «Динамо», устроились в проходах, разместились на бетонном кольце, окаймляющем трибуны сверху. Они пришли, посмотреть состязание между чемпионами страны — хозяевами поля — и обладателями Кубка — командой ЦДКА.

Для нас эта встреча имела колоссальное значение. Я уже писал, что весь подготовительный период — зиму и весну 1946 года — мы изучали, отработывали, оттачивали тактическую новинку — «сдвоенный центр». И вот теперь предстояло опробовать эту новинку в игре с самым грозным и сильным нашим соперником.

Бросаемся в атаку. Несколько раз пытаемся игрой «в стенку» обойти центрального защитника динамовцев, но Леонид Соловьев, выступавший в тот день на этом месте, предельно бдителен. К тому же его все время под-

страховывают Михаил Семичастный и другие товарищи по команде.

И все же на 33-й минуте «секретное оружие» срабатывает безотказно. Как сейчас помню, это произошло так: наша защита ликвидировала очередную атаку бело-синих, и мы устремились вперед. Григорий Федотов выдвинулся и сместился несколько влево, уводя за собой Леонида Соловьева. Я, как и было нами условлено, двигался вправо и сзади, занимая, по существу, зону центрального нападающего. А в это время по левому краю на большой скорости мчался Демин. Вот он отдал мяч Федотову, Федотов — мгновенно мне. Соловьев, видя угрозу прохода к воротам в центре, рванулся ко мне, и сейчас же через него последовал пас на свободное место Федотову. Григорий Иванович хорошо заученным маршрутом ворвался в штрафную площадь и неотразимым ударом открыл счет. А через несколько минут мы повторили эту комбинацию в обратном варианте, и Григорий Федотов изумительным по остроте пасом вывел меня к воротам динамовцев. Стремясь спасти создавшееся положение, защитник динамовцев Радикорский из труднейшего положения дотянулся до мяча, но... срезал его в собственные ворота. И счет стал 2 : 0. Он не изменился до конца матча, хотя второй тайм прошел исключительно остро.

Этот матч мы провели хорошо. «Команда ЦДКА, — писал спортивный обозреватель Юрий Ваньят, — играла выше всяких похвал. Особенно хорош Федотов — эта жемчужина нашего футбола. Он вновь обрел свою боевую форму, и ведомая им команда добилась большой и заслуженной победы». Да, Григорий Иванович был в тот раз особенно великолепен. И в том, что новая тактика удалась, была прежде всего его заслуга.

Первый круг чемпионата 1946 года наша команда провела очень ровно, набрав 21 очко из 22 возможных. Это было тем более приятно, что большую часть сезона ряд игроков основного состава, в том числе Федотов, Кочетков и автор этих строк, не могли играть по болезни. Вместо них тренер смело вводил в бой молодежь. Отлично проявили себя в матче с тбилисцами тогда еще совсем новички Евгений Бабич и Вячеслав Соловьев, хорошо сыграли в первом круге также Николай Шкатулов, Иван Щербаков и Анатолий Портнов. Все они пришли в основной состав из дубля, который был тогда у нас подлин-

ной творческой лабораторией. Помню, Борис Андреевич и второй тренер, Евгений Никишин, уделяли очень много времени и энергии дублю. И эта кропотливая, вдумчивая работа давала себя знать. В дни тяжелых испытаний наш резерв выдержал трудный экзамен.

После отличного финиша в первом круге последовало обидное поражение от московского «Торпедо». Обидное потому, что за десять минут до финального свистка наши ребята вели 1:0, а в результате проиграли — 1:2. Не хватило выдержки, собранности.

Разбор этой игры тоже запомнился мне. Тренер подверг суровой критике игру команды. Нет, он ни разу не повысил голоса, спокойно, но очень подробно вскрывал ошибки, прямо говорил каждому о его недостатках.

— Мы можем за два-три матча растерять то преимущество, которое ценой таких невероятных усилий добыли в первом круге, — предупредил всех Борис Андреевич. — Давайте не допустим этого.

Следующий матч — с московским «Спартаком». Наши выиграли его со счетом 3:1. Эта встреча запомнилась мне совершенно непостижимой по красоте и смелости игрой вратаря Жмелькова. Он спас свою команду еще, по крайней мере, от трех верных голов.

Биография, Владислава Жмелькова достойна того, чтобы о ней рассказать подробнее. До войны он был одним из самых популярных советских футболистов. В сезоне 1938 года по анкете «Красного спорта» был назван спортивной общественностью страны спортсменом № 1. Это был сезон, в течение которого он взял 7 одиннадцатиметровых ударов.

С первых дней Великой Отечественной войны Жмельков добровольно ушел на фронт, стал старшиной разведывательной роты. В исторической битве на Волге трижды доставлял в штаб «языков», за что был награжден двумя медалями «За отвагу».

В 1945 году на Одере проявил исключительный героизм и получил, сквозное ранение бедра. Уже в госпитале узнал, что награжден орденом Славы III степени. Врачи предлагали ему отправиться в тыл, но он наотрез отказался и, едва выздоровев, догнал свой полк, сражался в его рядах на улицах Берлина.

15 мая в предместье немецкой столицы — Карлхорсте — Владислав Жмельков сколотил из солдат, сержан-

тов и офицеров футбольную команду и приступил к ее тренировкам. В составе сборной советских оккупационных войск он выступал против армейских команд Англии, Франции, США, пропустив во всех этих матчах всего один гол (с одиннадцатиметрового удара). Баланс нашей команды выглядел так: 23:1!

Как видите, каждая игра что-то помогает вспомнить, что-то подсказывает.

18 сентября 1946 года мы играли в Минске против местной команды «Динамо». Встреча эта закончилась с результатом 3:0 в нашу пользу. Как только прозвучал финальный свисток, побежденные бросились... обнимать и целовать нас. Кое-кто из присутствующих на стадионе удивленно поводит плечами, но настоящему болельщику все было ясно: победив в этом состязании, мы стали недосягаемы для всех остальных участников. Впервые в истории отечественного футбола команда столичных армейцев завоевала высокое звание чемпиона страны. Нужно ли говорить, сколь огромной была наша радость!

Утро следующего дня встретило нас целым потоком поздравительных телеграмм, Борис Андреевич Аркадьев торжественно зачитывал их. Радость большой победы разделяли с нами наши друзья из больших и малых городов, моряки уходящих на боевое траление кораблей, пограничники с застав, затерянных на головокружительных высотах Памира, летчики первых реактивных эскадрилий, рабочие и колхозники, студенты и ученые.

Мы читали эти трогательные весточки, и каждый из нас думал об огромной ответственности спортсмена перед народом. Каждый думал о том, что эта поистине трогательная, ни с чем не сравнимая любовь советских людей, их внимание, их искренняя озабоченность судьбами отечественного спорта заставляет нас, мастеров футбола, много и упорно работать над своим мастерством, каждый день и час двигаться вперед по пути совершенства.

Может быть, сегодня, вспоминая одну из самых ярких страниц в истории нашей команды, будет излишним назвать имена тех, кто ее вписал. Это В. Никаноров, К. Лесковский, А. Прохоров, В. Николаев, А. Гринин, В. Демин, Б. Афанасьев, В. Соловьев, Г. Федотов, А. Виноградов, И. Кочетков, И. Щербаков, П. Щербатенко, Г. Тучков, А. Портнов, Е. Бабич, Н. Шкатулов, М. Диде-

вич, В. Якушин, В. Меньшиков, В. Бобров. Тренировали команду Б. Аркадьев и Е. Никишин.

Что же помогло нам добиться такого успеха? Чем отличался наш коллектив от команды 1945 года? Кое о чем я уже сказал. Во-первых, неизмеримо выросла физическая подготовка, которая всегда была и, по-моему, остается и сейчас краеугольным камнем стратегии и тактики футбола.

Ни одна задача на поле не может быть решена без силы, выносливости, закалки.

В 1945 году, обладая весьма сильным нападением, мы много проигрывали из-за нечеткой игры оборонительных линий. На ликвидацию этого недостатка в течение всего сезона обращалось самое пристальное внимание. Тренеры требовали от защитников и полузащитников резкого повышения технического мастерства, комбинационной продуманной игры, умения видеть, разгадывать маневры противника. В результате наша защита за сезон пропустила всего 13(!) мячей — вдвое меньше, чем в предыдущем году.

Итак, мы добились большой победы. Но сезон еще не был закончен. Продолжались игры на Кубок СССР. В четвертьфинале мы встречались с нашим старым и грозным соперником — московскими торпедовцами. Я хочу вспомнить об этом вызвавшем тогда большой интерес матче по двум причинам. Накануне его в «Вечерней Москве» были помещены интервью корреспондента газеты с тренерами команд-финалистов. Я очень уважаю Бориса Андреевича, но, по-моему, тогда он сделал ошибку, пообещав — правда, в шуточной форме — сделать «дубль». Он, вероятно, забыл, что вместе с тысячами москвичей газету читают его подопечные. Забыл о том, что, вольно или невольно, излишняя самоуверенность руководителя может передаться подчиненным, пагубно подействовать на них. Нет, я отнюдь не суверен. Я за то, чтобы команда знала: надо играть!

Этот матч памятен мне еще и серьезной собственной ошибкой, допущенной совместно с тренером. Я только-только заканчивал лечение после тяжелой травмы, полученной в Киеве. И вот накануне матча Борис Андреевич спрашивает меня:

— Сева, сможешь играть?

В двадцать четыре года, да еще после весьма дли-

тельного перерыва кто устоит от искушения принять участие в интересном, важном поединке! Я ответил:

— Конечно, смогу!

Поймите, я искренне верил в правдивость этих слов. Но, по существу, я не должен был их произносить. И тренер не должен был легко доверять игроку в таком случае. Ибо на деле я оказался плохим помощником своей команде, своим товарищам.

Матч мы проиграли, и проиграли трагически. Первые тридцать минут инициатива полностью была на нашей стороне. Потом игра выровнялась. После перерыва автозаводцы минут на пятнадцать прижали нас к воротам. А потом начался наш затяжной штурм. В течение получаса игра шла, в основном, в пределах штрафной площади торпедовцев. Угловые, удары в штангу, удары выше ворот — все было в те роковые тридцать минут — все, кроме гола.

Могу сказать вам по собственному опыту, что ничего нет страшнее вот такого «безгольного» натиска. Команда напрягает все силы, бросает на чашу весов весь запас воли и веры, ждет — вот придет желанный успех, — а результата нет. Нет из-за ненужной спешки, из-за непроизводительной торопливости, а порой и небрежности нападающих. И груз, брошенный на весы, начинает медленно, но неотвратимо таять, и чаша удачи поднимается в сторону соперников.

Так получилось и тогда. Основное время — 0:0. А на 40-й секунде дополнительного пятерка бело-черных рванулась вперед, Александр Пономарев сильно пробил. Никаноров совершил бросок, но мяч ударился в штангу, отскочил в поле, и набежавший Василий Жарков послал его в незащищенные ворота.

Нет, эта неудача еще не сломила нас. Мы бросились нападать. Но торпедовцы защищались прекрасно. И эта стойкость, несомненно, тоже подтачивала наши силы.

Вот и последняя смена ворот.

— Нужно сравнивать счет! — кричит нам Володя Никаноров.

Нужно. Каждый это понимает. Надежда живёт в сердцах. Но вот во время одной из торпедовских атак Георгий Жарков сильно бьет по воротам, мяч рикошетом от прибежавшего в штрафную площадь Щербакова отлетает к Александру Пономареву и... ну, и Понома-

рев никогда не упускал возможности воспользоваться любезностью. Короткий, как удар ножа, удар — и счет 2:0.

Тут-то мы и растерялись. И за оставшиеся шесть минут пропустили еще два мяча. Горькое поражение. И поучительное. Кто не использует в игре свои возможности, тот дает возможность победить противнику.

Одной из памятных встреч 1947 года является матч на Кубок страны с московским «Динамо». Он показателен тем, как исключительно важно для команды уметь вовремя увидеть слабое место в лагере противника и приспособить свою тактику к конкретно сложившейся на поле обстановке.

На установке мы получили четкую схему игры. Действовать сдвоенным центром, наращивать усилия в средней зоне, больше подключать в атаки Гринина. Но, как только началась игра, последовали два стремительных рывка Владимира Демина, и мы увидели, что опекающий его Радикорский не справляется с быстрым, юрким нашим нападающим. И сейчас же план игры стал творчески пересматриваться. Все чаще и чаще теперь передачи из центра, из линии защиты и полузащиты адресовались на левый край. Для усиления давления сюда часто перемещались Вячеслав Соловьев и даже Алексей Гринин. План — не догма, мы теперь откровенно играли на Демина.

И вот на 25-й минуте, разыграв двухходовую комбинацию с Грининым, Владимир Демин стремительно проходит Радикорского, срезает угол к воротам и сильно бьет (а бил он прекрасно с обеих ног). Алексей Хомич в прыжке достает этот мяч, но удержать не может, и мне лишь остается дослать его в ворота.

В тот раз мы победили с убедительным счетом 4:1. И все мячи были забиты или самим Деминым, или в результате комбинаций, начатых им. Гибкая тактика, умение быстро перестроиться на ходу, творчески скорректировать первоначальный план принесли нам успех.

А вот еще один матч, еще один урок. Победив московских динамовцев, мы встретились в одной четвертой финала с их луганскими одноклубниками. Это была тогда единственная команда из класса «Б», поднявшаяся в турнирной таблице так высоко.

С первых минут наши соперники ушли в глухую защиту, и нам, обладавшим высокотехничным, скоростным нападением, не составило особого труда прорвать обороту. За четверть часа до конца матча счет был 4:0 в нашу пользу. И тут, видно решив, что терять больше нечего, южане пошли в атаку. Отличные комбинации, четкие удары, острые прорывы. Теперь уже все мы подтянулись в штрафную площадь.

— Знаешь, — сказал мне в раздевалке Владимир Никаноров, — если бы они с самого начала играли так, как последние четверть часа, ей-богу, нам пришлось бы трудно.

— Правильно, — поддержал его Витя Чистохвалов, недавно дебютировавший в нашей команде. — Ребята молодые, играют быстро и неплохо. Чего сидели?!

Как часто, наблюдая некоторые футбольные матчи сегодня, хочется задать все тот же вопрос. Я, конечно, не за авантюризм в футболе, не за атаку ради атаки. Но я за смелость в спорте, за честную и острую борьбу, за футбол, который ставит перед собой цель нападать и забивать голы.

Может быть, стоит в этой связи вспомнить финальный матч на Кубок Советского Союза 1962 года между донецким «Шахтером» и командой «Знамя труда» из Орехово-Зуево. Сразу же оговорюсь, я очень люблю донбасских футболистов, с восхищением смотрел их выступление в финале прошлого года против московского «Торпедо» — выступление смелое, даже дерзкое, привлекавшее своей агрессивностью, своей бескомпромиссностью в решимости выиграть.

Понравилась мне команда и на первых минутах финального матча 1962 года. Но, когда в самом начале игры были забиты два мяча в ворота ореховозуевцев, «Шахтер» начал играть так, что мне стало откровенно стыдно за него. Частые ничем не оправданные откидки мяча вратарю, бесприцельные удары полузащитников и даже защитников по воротам, а точнее, по трибунам — лишь бы мяч вышел из игры, лишь бы еще один поворот по циферблату сделала секундная стрелка. Понимал ли «Шахтер», как несовместимо подобное поведение с духом и содержанием нашего спорта, с дорогами традициями нашего футбола? Понимал ли «Шахтер», что, думая не об игре, а о выигрыше как о таковом, он теряет игро-

вой авторитет и любовь тысяч болельщиков, тысяч наших прекрасных, глубоко любящих и знающих футбол зрителей? Понимал ли он, наконец, что подобное поведение снижает цену и радость победы?

Я пишу об этом с такой нескрываемой болью и, может быть, резкостью потому, что мне непонятны люди, занимающиеся в какой бы то ни было мере делячеством на поле. Конечно, победа прекрасна. Но вдвойне прекрасна она, когда одержана в красивой и яркой борьбе, в борьбе, которая ведется до конца, до последнего свистка. Такая борьба — честная, упорная, глубоко спортивная по своему содержанию — является одной из самых прекрасных традиций нашего спорта. И надо оберегать ее всеми силами как зеницу ока. Ибо в этой традиции, если хотите, была заключена разгадка многих наших побед на своих и чужих стадионах.

Перелистывая свои дневники, тетради прошлых лет, я часто встречаю записи, от которых и сегодня радостно становится на сердце. 9 мая 1946 года. Москва. Стадион «Динамо». Мы выигрываем у столичного «Спартака» со счетом 5:2. Это был очень трудный матч. После гола, забитого на 7-й минуте Валентином Николаевым, спартаковцы ответили длительным штурмом, и через четверть часа Николай Дементьев великолепным ударом сравнял счет. Перед концом тайма мы вышли вперед, забив еще два мяча. Казалось бы, при счете 3 : 1 можно было спокойно подумать об отдыхе. Но мы бросились снова в атаку, противник перехватил мяч, и на первых минутах второй гол влетел в наши ворота. 3:2.

Но и после этого жажда игры, страсть к атаке не пропали ни на минуту. Мы идем вперед. Угловые. Броски вратарей. Гул, неумолчный гул стадиона — прекрасный аккомпанемент настоящего, заразительного футбола. Наконец нам удастся провести удачную комбинацию. Алексей Гринин сильно бьет, Леонтьев отбивает мяч на меня, и я отсылаю его в сетку. А через несколько минут забиваю пятый мяч. Вот и финальный свисток. Мы — два соперника — сходимся в центре поля. И крепко жмем друг другу руки. Потому что мы оба довольны матчем, его неукротимым, боевым духом. Потому что спартаковцы знают: мы не хитрили, не старались выкрасть победу, а вырвали ее в открытом, до последней секунды честном поединке.

18 мая. Стадион в Черкизово. Встреча с ленинградским «Динамо». Счет 8 : 1 в нашу пользу. Я записал в дневнике: «Ребята устали как дьяволы. Минут десять в раздевалке сидели не снимая формы. Выложились до конца».

Судя по счету, вы видите, что игра была явно нашей. Нашей задолго до финального свистка. Но и тут мы играли до последней минуты. Ибо равнодушие, вялость, самодовольство были органически противны нам. Постоянное чувство неудовлетворения сделанным, постоянное желание играть, забивать голы, наказывать соперника за каждую ошибку, за каждую оплошность были органически присущи каждому члену нашего коллектива.

И сейчас, обращаясь к нашей молодежи, к сегодняшнему поколению мастеров кожаного мяча, я призываю их, как самое дорогое, самое священное, беречь эту замечательную традицию, эту прекрасную сущность нашего спорта. Боритесь за победу, но не поклоняйтесь ей, как идолу, не приносите ей в жертву свой творческий дух, свою игровую страсть, свой наступательный порыв.

...В сорок седьмом году розыгрыш первенства страны сложился невероятно остро и драматично. После первого круга московское «Динамо» резко вырвалось вперед. Но затем два поражения подряд сократили дистанцию между динамовцами и нами. В команде состоялось специальное собрание, на котором обсуждался вопрос о том, можем ли мы догнать наших грозных соперников.

— Очень трудно, — говорили некоторые, — ведь для этого нужно не проиграть ни одной игры.

— Да, трудно, но можно, — сказал нам тренер. — Можно, если проявить волю и железную дисциплину.

К каждому матчу мы начали готовиться, как готовятся к решающему сражению. Детально изучали противника. Перед встречей выслушивали доклады о команде соперника, о каждом из ее игроков. Совместно обдумывали план предстоящего матча. И все это дало невиданный эффект: одиннадцать побед подряд! Осталось два соперника: тбилисское «Динамо» и волгоградский «Трактор».

В раздевалке тбилисского стадиона Борис Андреевич напомнил нам условия, «устраивавшие» нас. Победа выводила нас вперед. Ничья тоже устраивала — лучше

всего нулевая или, в крайнем случае, 1:1. Хуже... О худшем мы пытались не думать.

Матч проходил в Тбилиси, но следила за ним вся страна. Начали мы бурными атаками, однако защита хозяев поля играла на редкость слаженно и четко. На 18-й минуте во время очередной контратаки южан произошел следующий эпизод. Спартак Джеджелава, получив мяч, стал резко смещаться влево, на край. Это было маневром, откровенной тактической уловкой. Но наш Иван Кочетков на этот раз поддался на нее и стал уходить за подопечным, открыв центр. В матчах классных команд тактические просчеты защитников всегда приводят к тяжелым последствиям. И вот немедленно последовал пас в свободную зону, и переместившийся сюда брат Спартака Гайоз Джеджелава сильнейшим ударом открыл счет.

Только на 18-й минуте второго тайма мне в свалке у ворот соперников удалось сравнять результат. Но это не только не ввело игру в спокойное русло, а еще более накалило страсти. Стадион ревел не переставая. Атаки, только атаки — казалось, центр поля исчез: мяч оказывался то у одной, то у другой штрафной площадки.

Самой драматичной и чуть ли ни роковой оказалась 67-я минута матча. Гагуа совершил рывок по краю, направил пас Арошидзе, и тот с хода сильно и точно ударил. Никанорсв в броске успел парировать мяч, но подошедший Махарадзе добил его в ворота.

«Неужели все рухнуло, неужели одиннадцать побед, месяцы исканий, борьбы зачеркнуты этим голом?» — мелькнуло в голове. Подобная же мысль владела каждым. Пятерка рванулась вперед. Алексей Гринин ушел на край и оттуда своим стремительным прострелом, который больше был похож на удар, чем на пас, послал мяч в штрафную. Я знал этот излюбленный ход нашего правого крайнего, знал, чувствовал, где будет мяч через мгновение (ведь эту несложную комбинацию мы повторяли на тренировках столько раз!), и оказался там. А еще через секунду мы вместе с мячом влетели в сетку динамовских ворот 2:2.

Это был не самый лучший результат для нас. Но матч, о котором я только что рассказал, не забудется никогда. Это была игра большого мастерства, красивая и содержательная. Одна из тех, которые, невзирая на ис-

ход, дают глубочайшее, моральное и эстетическое удовлетворение. О которой спорят, говорят, думают долго-долго после того, как она сыграна.

Но когда утихли страсти, мы сразу же взялись за бумагу и карандаши. Московское «Динамо» уже закончило, все игры при соотношении мячей 57:15. Это давало ей коэффициент 3,8. У нас перед встречей с «Трактором» соотношение — 56:16. Только победа, только счёт 5:0 выводили нас вперед на одну сотую бала. Или 9:1. Ибо победитель чемпионата в тот год в случае равенства набранных очков определялся по соотношению забитых и пропущенных мячей. Не очень умная система, но нас утешало то, что не мы ее придумали.

И вот из Тбилиси мы прилетаем в город на Волгу. Здесь уже нас ждут телеграммы от начальника Главного политического управления Советской Армии и от четвер-и отважных моряков-связистов, несущих службы на затерянном в океане островке, от колхозников сельхозартели «Дружба»... Много телеграмм. И во всех одно: «Знаем, что трудно. Надеемся, выиграете».

Мы ни, на что не надеялись. Мы просто знали, что будет трудно. И готовились к этому с полным пониманием того, что значит для нас этот матч.

Еще накануне встречи с волжанами, обсуждая план борьбы, мы вспомнили, что в матче этих же команд в розыгрыше Кубка СССР 1944 года ЦДКА, выступая без Г. Федотова и А. Виноградова, выиграло со счетом 5:0!

— Значит, можно так побеждать! — говорил Борис Андреевич, внушая нам мысль о возможности невозможного.

И вот началась игра. Я могу сказать с полной искренностью, что это был очень острый, напряженный, даже, если хотите, азартный матч. Волжане оборонялись отчаянно, а мы так же отчаянно наступали. Темп игры был чрезвычайно высоким. Первые атаки не принесли успеха. «Сидим», как говорится, на воротах, а счет не открыт. В такой обстановке нетрудно и потерять голову, начать ненужную спешку. Разве не так случилось у нас в памятном матче с московским «Торпедо» на Кубок страны. Ведь нужен большой счет, а гола все нет и нет.

Выручает Валентин Николаев. На 14-й минуте он резким броском уходит от опекающего его полузащитника и сильно, точно бьет в нижний угол. 1:0.

Сколько раз в самые трудные минуты выручал нас Валентин. Это был игрок необыкновенного тактического чутья, зачинатель подавляющего большинства всех наших комбинаций.

В жизни, в повседневной работе Валентин был очень скромн и чрезвычайно трудолюбив. Он часами возился с мячом, отшлифовывая технику. Николаев мог, например, свободно пройти от ворот до ворот и обратно вдоль футбольного поля, подбрасывая мяч головой или перебрасывая его с ноги на ногу. После многочасовых тренировок он находил в себе силы и желание еще и еще раз побить по воротам, потренироваться в остановке мяча, в точности передач. Этим трудолюбием и объясняется то мастерство, с которым действовал Николаев на поле.

Был еще один немаловажный факт, способствовавший отличной игре и хорошему тактическому мышлению этого спортсмена. Этот факт — его высокая общая культура. Кое-кто может улыбнуться, прочтя эту фразу. Но ничего удивительного и смешного здесь нет. Чтение книг, знакомство с лучшими образцами искусства, проникновение в тайны математики приучают человека все больше и больше думать, шире видеть, лучше и ясней понимать все окружающее. Я утверждаю, что при прочих равных условиях в любом спортивном поединке победителем непременно выйдет человек с более высокой культурой.

У нас в футбольной команде Николаев начал свою учебу в стенах Бронетанковой академии Советской Армии. Сейчас подполковник технической службы Валентин Николаев несет боевую службу в одном из дальних гарнизонов. И, говорят, в свободное время его еще можно увидеть на футбольном поле защищающим честь своего подразделения.

Но вернемся к матчу с «Трактором».. Гол, забитый Николаевым, вселил в нас уверенность и надежду на благополучный исход поединка. Тем более что вскоре Григорий Федотов, принимая отличную верхнюю передачу с края, головой забил второй мяч. Но большего, как мы ни старались, до перерыва сделать не смогли.

В раздевалку вернулись молча. Тишина. Только слышно, как позванивают ложечки в стаканах с чаем. Каждый думает про себя: удастся ли после перерыва

сделать больше? И, словно разбивая лед сомнений, звучит голос Аркадьева:

— Ну что ж, товарищи, все идет пока хорошо.

— Ничего, Борис Андреевич, — в свою очередь, успокаивает его Леша Гринин, — еще сорок пять минут игры...

— Конечно, — кивает головой тренер, — я тоже так думаю.

Вроде бы никчемный разговор. Но все к нему прислушиваются. И спокойствие этих людей, их внутренняя собранность, их, если хотите, мужество передаются всем остальным.

И мы находим силы сразу же после свистка снова броситься в атаку. Вот опять получил мяч Валентин Николаев. Он метрах в пяти от линии штрафной площадки. Чуть откатил мяч вправо, делает вид, что готовится к рывку, и вдруг сильно бьет. Мяч, посланный с двадцати метров, пулей влетает в сетку ворот.

Четвертый гол пришелся на мою долю. А пятый был забит в результате чрезвычайно эффективной и умной комбинации, весьма характерной для стиля игры нашей команды.

Мяч в центре поля получил Григорий Федотов. На полной скорости он стал смещаться в сторону правого края, увлекая за собой своего сторожа — центрального защитника южан. Правый край Алексей Гринин сразу же разгадал эту уловку своего старого товарища по спорту и буквально спринтерским рывком пошел на его место. А в это время правый полусредний Валентин Николаев ушел на место Гринина и стал продвигаться вперед, всем видом своим показывая, что передача от Федотова будет сделана ему. Да и в самом деле Григорий Иванович пасует ему, но сейчас же, как от стенки, мяч снова возвращается к Федотову. Одного мгновенного взгляда хватило ему, чтобы оценить обстановку: да, Алексей уже на месте. И тогда следует точнейший посыл мяча, Гринин с хода бьет, и... все мы бросаемся обнимать и целовать друг друга.

Дело сделано. Темп спадает. Команда уходит в защиту. И это сугубо неправильное решение чуть было не стоило нам золотых медалей. Воспользовавшись ослаблением натиска, волжане перешли в контратаку. Четырежды труднейшие мячи берет Никаноров. Отбивается

изо всех сил зажита. До конца остаются считанные минуты. И в этот момент один из нападающих команды «Трактор» — кажется Попков — прорывается в штрафную площадь и бьет. Я вижу Никанорова в броске, вижу, как его вытянутые в невероятном усилии руки не достают оранжевый шар. Неужели гол?! Какое-то оцепенение находит на меня. А мяч, ударившись о перекладину, взмывает вверх и, обессиленный, падает на сетку с обратной стороны. Проходит еще мгновение, и мы слышим финальный свисток судьи. Сейчас его мелодия милей для нас всей музыки мира.

Ровно через год на финишной прямой чемпионата мы снова оказались грудь в грудь с московским «Динамо». Но если тогда наши коллективы вели в заключительных турах заочное единоборство, то теперь судьба свела нас лицом к лицу в решающем матче. В последнем матче первенства. Перед ним у динамовцев было 40 очков, у нас — 39. Их вполне устраивала ничья, нам нужна была победа, и только победа. Психологически преимущество было на стороне наших соперников. К их чести, нужно сказать, что ни одной минуты в их поведении на поле, в их манере игры не было явного стремления к глухой, бесцветной «нулевке», к ничьей ради ничьей.

Конечно, всем сердцем они желали быть первыми, но дрались за это право азартно, красиво и честно. Вероятно, поэтому тот матч, сыгранный нами 24 сентября 1948 года, стал самым ярким и самым драматичным не только в сезоне, но и, пожалуй, во всей истории нашего футбола. Во всяком случае, и сейчас, четырнадцать лет спустя, часто слышишь о нем волнующие рассказы на трибунах. Да, этот матч забыть нельзя.

И нельзя забыть тех, кто рядом с тобой или в команде, которая была на эти девяносто минут игры для нас «противником», разделил радость и горечь, напряжение и красоту, суровость и лиричность этого поединка. Хомич, Петров, Л. Соловьев, Радикорский, Блинков, Мальякин, Трофимов, Савдунин, С. Соловьев, Бесков, Ильин — нужно ли представлять динамовцев, нужно ли говорить об этих прославленных мастерах, чьи имена и сегодня знают все мальчишки страны, никогда не видевшие их в глаза.

Никаноров, Чистохвалов, Кочетков, Нырков, Водягин, Башашкин, Гринин, Николаев, В. Соловьев, Демин,

Бобров. Это наша команда. Мы не смогли выставить из-за болезни Г. Федотова, динамовцы — В. Карцева.

Итак, борьбу начинали два исконных соперника, разделенные дистанцией всего лишь в одно очко. Это придавало встрече кубковый стиль, требовало от каждого из участников максимальной собранности, не знающей предела решимости, железной воли.

И, словно желая подтвердить, что эти качества припасены в избытке, оба бойца начинают схватку точными ударами. Мы бросаемся в атаку, и на 4-й минуте с отличной подачи Вячеслава Соловьева я головой забиваю гол. Через одиннадцать минут Константин Бесков обманывает наших защитников, и.. все приходится начинать сначала — 1:1.

Начался дождь. Поле становится скользким, как хорошо натертый паркет. Но это не снижает накала поединка. Трижды казалось, мяч влетит в наши ворота, но отлично играющая защита и поспевающий в штрафную несравнимый по выносливости и хладнокровию Демин спасает положение.

Вслед за каждой атакой динамовцев следует наша контратака. Вот Нырков навешивает мяч на штрафную площадку. В прыжке его достает Гринин, снижает, имитирует удар. К нему в ноги бросается один из защитников, но в последнюю долю секунды великолепно по точности исполнения и скрытности пасом Алексей отдает мяч открывшемуся Николаеву. Удар — и Хомич ничего не может поделать. 2:1. Счет держится до перерыва.

После отдыха снова на поле бушуют вихри атак. И вдруг... Мяч был у Савдунина. Он с края сильно послал его в центр — набегавшим Соловьеву и Бескову. К нему устремляется Иван Кочетков, хочет отбить, но делает неверное движение, срезает мяч, и он с огромной силой влетает в свои же собственные ворота...

Я стоял почти рядом и видел в эту горькую для всех нас минуту лицо центрального защитника. Ошеломленный, полный неопишуемого отчаяния и горя, он схватился за голову и стоял в такой позе, уставившись на мяч. Можете смеяться, но в то трагическое мгновение мне вдруг представилось гениальное полотно Репина: «Царь Иван Грозный убивает своего сына». Право слово, в глазах нашего Ивана было написано не меньше ужаса. Потом его руки тяжело опустились, он повернулся и

медленно пошел на свое место, один среди бушующих трибун, среди молчаливых товарищей и соперников. На башнях Восточной трибуны теперь чернели две двойки. И играть оставалось всего тридцать минут. Играть с равным по силе и получившим такую моральную фору противником.

Но в футболе — и в этом самая большая его прелесть — дело решают не только техника и тактика, виртуозность владения мячом и стройность плана. Иногда важнее тут общий дух, воля и решимость спортсмена, крепость нервов.

И в том, что произошло дальше, я вижу не каприз спортивного счастья, не волю случая, а железную закономерность. Она заключается в отличной волевой собранности нашей команды, в том, что тренеры подготовили ее к любым испытаниям, которые могут случиться на зеленом ковре футбольного поля. Если бы мы проявили хоть минутную растерянность, хоть минутную слабость, в этом матче небывалого напряжения, нас бы разгромили.

Но этого не произошло. Случилось обратное: мы пошли в атаку. Мы «сели» на ворота соперников. Мы наращивали и без того высокий темп.

Снова заиграл Иван Кочетков. Он рвался вперед, желая исправить свою тяжелую ошибку. По сухому закону теории это было безрассудством: уходя вперед, центральный защитник оставлял опаснейшую зону, и эти рейды могли принести нам немало, бед. Но по логике событий эти действия вполне оправдали себя. Ибо его энергия, его решимость, его яростное желание во что бы то ни стало изменить результат, словно по невидимым проводам, передавались нам. Шли вперед, откуда-то черпая все новые и новые силы.

Но, кроме «Динамо», у нас был еще один, не менее грозный, противник — время. Вот уже раздался гонг. На этот раз звук его напоминал удар хлыста. Для надежд оставалось всего пять минут. Потом — четыре...

Мяч опять у вездесущего Кочеткова. Он резко переводит его Соловьеву. Вячеслав приготовился ударить. В этот же миг какое-то необъяснимое чувство повлекло меня к воротам. Последовал сильнейший удар, мяч ударился о штангу, и раньше других возле него оказался я. Снова — удар. Почти одновременно я увидел взметнувшееся в воздух тело Хомича, и мне показалось, что

он берет мяч. Стало страшно. Но это длилось какую-то тысячную долю секунды. Потом я увидел, что Хомич лежит на земле и так же обхватил руками голову, как это делал полчаса назад Кочетков. Тогда-то я понял, почему все зрители разом вскочили со своих мест.

А потом мы играли финальный матч на Кубок Советского Союза с московским «Спартаком». Счет уже был 2:0 в нашу пользу, но команда продолжала нападать. Вот Анатолий Башашкин послал мяч Вячеславу Соловьеву, тот отдал его назад переместившемуся на правый край Демину. Последовала резкая передача в центр на мчащегося Николаева, и Валентин в акробатическом прыжке, падая, резким, неожиданным ударом головой забивает третий и последний гол. Это был один из самых красивых голов, которые мне пришлось когда-либо видеть. Гол, достойно завершивший бурный, небывало радостный для нас сезон большого футбола.



ЗИМНИЕ СТРАСТИ

*Это глава о хоккее с шайбой.
О моей любимой игре.*

Все время я делил свою любовь между футболом и хоккеем. Но эта «раздвоенность» не мешала. Ледяные баталии помогали приобрести ряд ценных качеств, которые потом оказывались так кстати на зеленом поле, а лето приносило навыки, которые нужны были в напряженный период спортивной зимы. Кстати, я и сейчас твердо придерживаюсь того мнения, что этот «взаимообмен» очень полезен.

Уже в конце 1944 года я вошел в команду мастеров ЦДКА по хоккею с мячом, в которой в то время играли Валентин Николаев, Евгений Бабич, Владимир Веневцев, Александр Стриганов. Первый сезон ознаменовался первой большой удачей: мы выиграли все три крупнейших состязания того времени — Приз открытия, Кубок Москвы и Кубок СССР.

Последние соревнования оказались на редкость интересными и принесли много неожиданностей. Так, один из основных фаворитов — московское «Динамо» — в одной восьмой финала проиграл команде Новосибирска, а очень сильную, неоднократно доходившую до финала в довоенные годы команду ленинградского «Авангарда» выбили из розыгрыша спортсмены Архангельска. Вторая ленинградская команда проиграла Казани. Все это свидетельствовало о том, что, несмотря ни на что, наш хоккей двигался вперед в своем развитии, пускал все более глубокие корни.

Вместе с количественным ростом команд, бурным расширением географии происходили и серьезные качественные изменения. В большинстве коллективов наблюдалось резкое повышение скорости, улучшение техники. Многие игроки стали весьма успешно и умело применять игру в корпус. Появились тактические новинки. Например, наша команда перешла — и весьма успешно — к игре с четырьмя нападающими, оттянув одного из них в защиту. В газетах писали, что назрел вопрос о ряде нововведений в хоккее. И уже в эти дни шел разговор о том, чтобы попробовать, не придется ли нам по душе хоккей с шайбой.

Эту игру лично я впервые увидел в Лондоне во время или, вернее, после окончания знаменитого футбольного турне. Играли две профессиональные команды, укомплектованные канадцами. Помню, состязание очень понравилось. Хоккей с шайбой сразу захватил и покорила меня. Это была «любовь с первого взгляда». Вернувшись в гостиницу, я говорил товарищам:

— Вот бы хоть разок попробовать эту штуку-..

Не знал я, что пройдет совсем немного времени и «эта штука» станет одной из самых наших популярных и массовых игр.

В начале 1946 года в полном разгаре был хоккейный сезон. Впервые после войны розыгрыш Кубка страны снова привлек десятки хоккейных команд — от Киева до Владивостока, от Мурманска до Саратова. Впервые участвовали в розыгрыше Кубка команды Тюмени, Кемерово, Новгорода, Ульяновска, Костромы...

В полуфинале Кубка по русскому хоккею мы встречались с московскими динамовцами. Стадион был переполнен. Победа досталась нам со счетом 3:1.

Прозвучал финальный свисток, но никто не расходился. Внимание зрителей привлекли выдвинутые на поле ворота, чрезвычайно похожие на ватерпольные. А вот уже выехали на лед две причудливо одетые команды с необычными клюшками. Так, в погожий февральский день 1946 года москвичи впервые увидели игру в хоккей с шайбой. Показательный матч провели студенты Московского государственного института физкультуры.

Я написал слово «впервые» и тут же поймал себя на мысли, что это не совсем точно. Как свидетельствует спортивная летопись, еще в 1932 году сборная Москвы, составленная из игроков «Металлурга» и «Спартака», после одной или двух тренировок провела товарищескую встречу с командой германского рабочего союза «Фихте» и добилась убедительной победы. Однако, несмотря на столь неожиданно хороший результат, игра не пришлась тогда по душе, и ее скоро забыли.

На этот раз об игре сразу заговорили. Хотя спортсмены, проводившие показательный матч, были сами не очень-то искушенными людьми в тайнствах обращения с шайбой, увиденное всем понравилось. И когда в конце лета мне предложили войти во вновь организуемую армейскую команду, я охотно согласился.

Уже в октябре 1946 года мы приступили к первым тренировкам. Выглядели они, конечно, весьма примитивно — заниматься было негде. Больше налегали на изучение правил, просмотрели откуда-то появившийся кинофильм, на котором были засняты моменты игры сборной команды Чехословакии.

Помню, перед началом официальных соревнований мы на несколько дней выехали в Ригу, Каунас и Таллин. Местные команды уже имели к тому времени богатый опыт игры, и мы внимательно изучали его. Вообще нужно обязательно отметить, что на первых порах мастерство и навыки хоккеистов Прибалтийских республик служили нам всем до некоторой степени некой учебно-показательной базой, при помощи которой мы черпали много полезных сведений, приемов, способов игры.

Наша команда перед чемпионатом провела целую серию товарищеских игр с рижанами, таллинцами, с вильнюсским «Спартакком». Если технику владения клюшкой в какой-то мере мы взяли сами из русского хоккея, то

броскам шайбы, особенно по воздуху, нас научили наши друзья из Советской Прибалтики.

У них уже в те дни имелся и полный защитный инвентарь: наплечники, защита ног, налокотники, перчатки. Наш же от сильных ударов шайбы и палок не спасал. Не защищал он надежно и при силовой игре, которую эти команды, особенно рижане, умело применяли. И вот накануне матчей мы доставали где-нибудь старый фетр и подшивали его к наплечникам, усиливали всеми способами защиту тела. Нет, мы не боялись, мы просто хотели скорее все понять и все освоить.

И вот, наконец, наступил памятный в истории нашего отечественного спорта день — воскресенье 22 декабря 1946 года. Честь сыграть первый матч первого чемпионата страны по хоккею с шайбой была предоставлена армейским командам Москвы и Свердловска.

Как сейчас, стоит перед глазами малое поле нашего доброго ветерана, Центрального стадиона «Динамо», в тот памятный день. Необычно маленькая, строго расчерченная ледяная площадка плотно окружена зрителями. Еще нет высоких бортов — низенькие ограждения от русского хоккея. Одним словом, много, даже очень много примитивного. Шайбе не хотелось нас слушаться, многие совершенно не умели отрывать ее ото льда.

В заявке на участие в первом чемпионате СССР были указаны имена следующих пионеров столичного армейского клуба: Д. Петров, В. Никаноров, П. Коротков, В. Веневцев, П. Зенкин, В. Меньшиков, А. Виноградов, Е. Бабич, Г. Тучков, А. Гусев, А. Ходаков, В. Григорьев, В. Бобров и известнейший в то время легкоатлет-прыгун Б. Замбримборц. Но, по существу, играли пять-семь человек, не больше. В нападении действовала тройка Бабич—Бобров—Орехов, их подменяли Веневцев или Меньшиков. Защитники вообще не менялись.

И все же, когда прозвучал финальный свисток, известивший о конце этого первого матча, четыре тысячи москвичей устроили продолжительную овацию. Она адресовалась на этот раз не какому-нибудь игроку, даже не какому-нибудь отдельному коллективу, а игре — новой игре, которая отныне приобретала права гражданства.

Следующий игровой день чемпионата был чрезвычайно интересен тем, что в нем ряд команд центральной зо-

ны встречались с коллективами Прибалтики. Всех интересовал вопрос: сумеют ли молодые, еще недостаточно опытные команды противостоять ветеранам? И вот пришли первые вести: в Таллине местная команда проиграла московскому «Спартаку» с внушительным счетом 3:7. В Ленинграде команда «Динамо», правда, проиграла своим одноклубникам из Риги со счетом 2:4, но, по общему, мнению, игра была равной, и только более высокая техника, в конце концов, принесла успех спортсменам Латвии.

Вспоминая то время, я вижу, как буквально каждый сыгранный матч, каждый новый турнирный день изменяли наш хоккей к лучшему. Соревнования становились интереснее, содержательнее, все более и более приближаясь к лучшим образцам.

Чемпионат проводился по трем подгруппам, а затем победители каждой из них составляли финальную пульку. К всеобщему удивлению, спортсмены из Прибалтики оказались за бортом финала: ученики их обошли. Борьбу продолжали три московские команды: «Динамо», «Спартак» и ЦСКА. К сожалению, я лег на операцию мениска и не мог принять участия в финале. Уже потом, по рассказам товарищей, понял, что напряжение матчей было огромным. Первым чемпионом страны стали спортсмены столичного «Динамо». В их составе было немало громких имен, известных по футболу и русскому хоккею. Это М. Якушин, А. Чернышев, являющийся сейчас почти бесспорно одним из тренеров сборной СССР, В. Трофимов, В. Блинков, Н. Поставнин и многие другие. Отличную игру показывал защитник Борис Бочарников.

Когда несколько лет назад в наш большой хоккей пришла молодая, великолепная команда московского «Спартака», завоевавшая в 1962 году звание чемпиона страны, в некоторых газетах стали писать, Что наконец-то, дескать, и в этом обществе стали думать о хоккее. А между тем в первые годы здесь был создан очень сильный и дружный коллектив, за который выступали известные всей стране футболисты и хоккеисты: Вик. Соколов, А. Сеглин, О. Тимаков, Н. Дементьев, Б. Соколов, теннисист З. Зикмунд. «Спартак» был третьим призером первого чемпионата страны.

Уроки этого, чемпионата были подробно обобщены и внимательно изучены. В подготовительный период все

команды стали серьезнее работать над изучением техники, понимая, что в этом — один из ключей к грядущей победе.

И вот снова в бой. Только что начались игры, как жребий сводит нас с чемпионом страны. Упорный поединок не выявил победителей — 3:3. Затем динамовцы едут в Ригу и уходят с поля побежденными.

Следующий матч рижане на своем поле проводили с нами. Мы приехали в столицу Советской Латвии и застали здесь "обстановку небывалого и еще совсем непривычного для нас хоккейного ажиотажа. Все билеты на матч были давно распроданы. Восемь тысяч зрителей до отказа заполнили зимний стадион и, увы, оказались свидетелями небывалого проигрыша своей команды со счетом 1:8.

Почему же проиграл чемпион? Почему выиграли мы? Анализируя неудачную игру своих земляков, мы из рассказов очевидцев и газетных отчетов увидели, что «Динамо» приняло предложенный рижанами темп, и игра пошла по спокойному руслу, столь выгодному для высокотехнических хозяев поля. Было решено не доставлять им такого удовольствия.

Как только был дан сигнал к началу игры, мы стали бурно атаковать, с каждой минутой все больше и больше наращивая темп. В первом периоде рижане еще сдерживали наш напор, но потом их просто не хватило. Мне, конечно, помнится этот матч. Здесь мы, пожалуй, впервые по-настоящему почувствовали дыхание скорости, обрели, если так можно выразиться, «чувство ритма», своего ритма, который на протяжении многих лет оставался нашим боевым, нержавеющим оружием.

Второй чемпионат страны проходил уже на более высоком уровне, давая матчи большого накала и высокого класса. Изо дня в день росло тактическое мастерство.

Особенно мне запомнился матч, сыгранный нашей командой 25 января 1948 года против московского «Спартака», бывшего тогда лидером чемпионата. Для нас эта встреча имела очень важное значение. Проигрыш фактически лишил нас шансов на классное место.

Перед матчем мы тщательно продумывали план игры и свою тактику. Ясно было, что спартаковцы постараются закрыть наших нападающих, строго «разберут»

их. И мы решили нарушить обычное построение линий команды.

Матч начался в небывало высоком темпе. Наша тройка непрерывно меняется местами: то Бабиц стремительно уходит налево, то я, то вдруг мы оба перемещаемся в центр, а Тарасов меняет нас... Эта «схема без схемы», как назвали ее потом, этот неистовый вихрь движений сбил с толку спартаковцев. И уже в первом периоде мы повели — 1:0.

В раздевалке, во время перерыва, тренер сказал:

— Сейчас спартаковцы полезут отыгрываться. Они все бросятся вперед. И это их погубит.

Он оказался прав. Проигрывая с минимальным счетом, спартаковцы всей пятеркой пошли к нашим воротам. Но голый азарт никогда не был и не будет хорошим помощником спортсмена. Как и было предусмотрено, мы дружно откатывались в зону, создавая плотный заслон, а перехватив шайбу, немедленно контратаковали, используя высокие скоростные возможности нашей тройки. Это дало нам уже в первые минуты солидный перевес в четыре шайбы, а к финальному свистку счет вырос до 7:3.

Матч со спартаковцами явился для нашей команды этапным. Мы увидели, что в хоккее с шайбой, как и в каждой игре, побеждает тот, кто думает, много думает о предстоящем матче, кто умеет каждый раз быть неожиданным для противника и вместе с тем быстро приноравливаться ко всему неожиданному с его стороны. Мы увидели, что наша тактика — частая и неожиданная смена мест, постоянное давление на противника при помощи высокой скорости и точного розыгрыша шайбы, своевременный отход в зону для подготовки контратаки — приносит успех. И мы взяли ее на вооружение, для того чтобы неустанно видоизменять и совершенствовать.

15 февраля 1948 года команда ЦДКА, победив со счетом 6:0 ленинградское «Динамо», впервые завоевала звание чемпиона Советского Союза по хоккею с шайбой. Во втором круге мы набрали 18 очков из 18 возможных, установив таким образом своеобразный рекорд. Сто семь забитых в ворота соперников шайб и двадцать пять, пропущенных в свои ворота, несомненно, говорили об одинаково сильных линиях обороны и нападения. На втором месте оказались спартаковцы, на третьем — про-

шлогодний чемпион, а за ним — отлично прошедшие сезон рижане.

Не успело закончиться первенство, как нашу спортивную семью облетело волнующее, радостное известие: в Советский Союз едет чехословацкая команда ЛТЦ — чемпион страны, в составе которой играют почти все игроки национальной сборной.

Уже тогда спортсмены народной Чехословакии являлись всемирно признанной силой. В 1947 году они завоевали мировую хоккейную корону, а в 1948, незадолго до приезда в нашу страну, заняли второе место на Олимпийских играх в Сен-Морице, сделав ничью с канадцами и уступив им лишь по соотношению забитых и пропущенных шайб.

Команда ЛТЦ гостила в Москве две недели. За это время чехословацкие спортсмены очень подробно знакомились с советской столицей, посетили Музей Ленина, Кремль, Большой театр, побывали на автозаводе. И повсюду мы сопровождали их. В те дни родилась большая, сердечная дружба хоккеистов двух стран, которая так помогает им, взаимно обогащает, растет и крепнет с каждым днем.

В течение всего периода гости проводили с нами совместные тренировки, честно и бескорыстно, как братья, открывали свои «секреты», учили своим «тайнам».

В заключение были проведены три товарищеских матча. Площадку разбили перед Восточной трибуной стадиона «Динамо». Желających посмотреть эти первые международные встречи нашей сборной, ее первый экзаме́н оказалось очень много.

Кто же выходил тогда на ледяное поле, каков был состав нашей первой сборной страны? Вратарь — Меллупс, полевые игроки — Никаноров, Виноградов, Бочарников, Соколов, Сеглин, Бобров, А. Тарасов, Бабич, Блинков, Трофимов, Новиков, Зикмунд и Ю. Тарасов.

Я не буду сейчас описывать ход матчей, но скажу лишь, что все они проходили в острой, красивой борьбе, доставившей удовольствие и нам, игрокам, и зрителям. Во всяком случае, с каждым матчем зрителей становилось на стадионе все больше и больше.

Первое состязание нам, хотя мы меньше всего надеялись на это, удалось выиграть со счетом 6:3. Второй матч закончился победой гостей — 5:3. Третье состяза-

вие не дало никому перевеса. Оно было самым упорным, самым волнующим, но, когда истекло время, на башнях Восточной трибуны красовались друг против друга две двойки.

Результаты наших матчей немедленно облетели всю мировую прессу и единодушно были названы сенсационными. Никто не ожидал, в том числе и наши соперники, что страна, меньше двух лет культивирующая новую для нее игру, сможет на равных играть с экс-чемпионом мира и вторым олимпийским призером.

В чем же разгадка этого «чуда»? Прежде всего в том, что люди, начавшие осваивать хоккей с шайбой, обладали превосходной общефизической подготовкой. Это все были испытанные в футбольных, хоккейных сражениях мастера, спортсмены, приученные к большим и разнообразным нагрузкам. И это, если хотите, и сегодня звучит как козырь в защиту тезиса о первостепенном значении для наших команд высокой физической закалки.

Несомненно, успех нашей сборной объяснялся во многом и тем опытом и навыками, которые мы приобрели, играя в русский хоккей. Больше того, игра на льду с мячом дала нашим спортсменам некоторые качества, навыки, приемы, которые были более передовыми, более прогрессивными по сравнению с теми, что мы увидели у гостей. Это признавали сами чехословацкие спортсмены. Но разговор на подобную тему еще впереди.

Теперь несколько слов о команде ЛТЦ, о ее игроках и о том, что принесла она нам.

Лучшая команда Чехословакии продемонстрировала исключительно слаженную, в полном смысле слова командную, игру, где интересы одного игрока, в том числе и таких ярких индивидуальностей, как В. Забродский, С. Конопасек, Н. Трояк, целиком подчинены коллективу.

Я назвал три фамилии, и дань восхищения перед людьми, носившими их, заставляет меня опять немного отвлечься. Это была первая тройка нападающих ЛТЦ и первая тройка сборной страны. Мне, пожалуй, не пришлось никогда видеть более слаженный хоккейный ансамбль. Высокая скорость и техника, отличное взаимопонимание делали их грозой любого соперника и любимцами публики на любых стадионах.

С этими спортсменами долгие годы лично меня связывала большая, сердечная дружба. Особенно с семьей Забродских, о которых стоит рассказать несколько подробнее. Эта семья известна в Чехословакии своими богатыми спортивными традициями. Их дом в Праге, где я с товарищами бывал не раз, можно с успехом назвать музеем спорта. Все комнаты уставлены многочисленными призами, кубками, памятным вымпелами, мячами, клюшками, теннисными ракетками с автографами спортсменов, известных во всем мире. На столах — альбомы, в шкафах значки, медали, жетоны...

— Это наша маленькая семейная история, — сказал мне хозяин дома Забродский-старший.

Он родоначальник спортивной династии Забродских, в недалеком прошлом тоже игрок национальной сборной страны по хоккею, замечательный теннисист, очень сильный гимнаст. Человек беспредельно влюбленный в спорт, он эту свою любовь передал детям — Владимиру и Олегу. Оба они стали выдающимися хоккеистами. Но не только. Владимир Забродский не менее известен как отличный теннисист, первая ракетка Чехословакии, неоднократный участник многих международных турниров. Олег летом играл в футбол за одну из команд столицы, занимался в гребном клубе.

Когда братья вошли в состав национальной сборной по хоккею с шайбой, их отец неизменно стал выезжать с командой во все зарубежные поездки и уж конечно не пропускал ни одной игры у себя дома. На протяжении многих лет он вел специальный дневник о матчах сборной Чехословакии, куда вносил такие подробности, что просто диву даешься. После каждого матча он писал и аккуратно перепечатывал на машинке десятки страниц отчетов об отгремевшем сражении и обильно снабжал эти отчеты фотографиями собственного изготовления. Не знаю почему до сих пор он не издает этот труд, который мог бы стать уникальным произведением спортивной литературы...

Однако возвратимся к играм ЛТЦ в Москве. Я уже писал о высоком искусстве командной игры, проявленном нашими гостями. Кроме этого, они продемонстрировали высокую технику владения клюшкой, хорошо отшлифованный бросок шайбы и эффективную игру корпусом.

В то время мы еще совершенно не умели правильно оперировать своими резервами. Гости показали нам образцы полного использования в каждом матче всех десяти полевых игроков, вводя их в то время на поле пятерками. Что особенно бросилось в глаза — это умение игроков заступающей пятерки сразу же включаться в игру и вести ее в максимально высоком темпе.

Многому научились мы у наших друзей и в области тактики. Во-первых, обратили внимание на правильность построения обороны и исключительно умелую, бдительную охрану «пяточка», чему и сегодня нужно учиться многим нашим командам.

Чехи уже тогда были и, пожалуй, сейчас остаются большими мастерами игры корпусом. Каждое столкновение у борта они использовали для того, чтобы сбить наш высокий, пришедшийся им не по вкусу темп. Мы не понимали еще этого и очень часто ввязывались в затяжные поединки, тем самым играя на руку соперникам.

Этого, к сожалению, не понимают и сейчас некоторые наши игроки. Игра корпусом, способствующая овладению шайбой, оттеснению противника и получению оперативного простора, должна вестись — конечно, тогда, когда это выгодно, — в темпе, мгновенно, не отражаясь на принятом ритме развертывающегося поединка-

Вот что увидели мы и чему научились у наших друзей.

Это был наш собственный взгляд на вещи. Но нам, конечно, очень хотелось услышать, что думают о нас, какие ошибки, недостатки и промахи видят в нашей игре чехословацкие товарищи. После игр мы в течение двух дней присутствовали на своеобразной теоретической конференции, где шел откровенный, деловой разговор о хоккее.

Итак, экзамен был закончен. Он показал, что у нас еще имелось много недоделок и промахов, но вместе с тем мы увидели, что стоим на правильном пути.

...Приезд чехословацких спортсменов вселил в наши сердца уверенность, показал, что, несмотря на малый возраст, советский хоккей уже представляет грозную силу.

Мы в то же время отчетливо увидели свои ошибки и горели желанием скорее исправить их. Под этим флагом и родился новый сезон, сезон 1949 года.

Очередной чемпионат страны начался 12 декабря 1948 года, но основные сражения уже происходили в новом году. Ряд матчей прошел так интересно, дал такую пищу для размышлений, что, право, и сейчас стоит о них рассказать.

6 января мы играли со своим извечным соперником — московским «Динамо». Соревнование собрало небывало большое число зрителей. И все они стали свидетелями острейшей борьбы. Первый период закончился вничью— 0:0. У динамовцев надежно играла вторая тройка, составленная из двух молодых игроков Уварова, Петелина и ветерана Трофимова. Задор юных умело сочетался с опытом и мастерством ветерана.

Василий Трофимов — один из моих самых любимых товарищей по спорту, хотя и играли мы всегда в разных командах. Я многому учился у этого человека, черпал в его яркой биографии, в его спортивном поведении пример трудолюбия, настойчивости в достижении цели, подлинного спортивного азарта.

Детство у Василия было трудное. Отец грозил забить ремнем, если узнает, что парень играет в футбол. Но маленький Вася любил игру всей душой, и никакие угрозы не могли задушить в нем этой страсти. Сначала вместе со своими мальчишками-сверстниками он гонял на пустырях тряпичный мяч. Потом увидел и настоящий футбол: это сражались команды болшевской трудкоммуны. Вася бросал все и часами наблюдал за увлекательными сражениями, завидуя Колонистам, у которых был свой настоящий мяч. Вскоре Трофимова заметил тренер болшевцев Матвей Иосифович Гольдин. Он предложил пареньку попробовать свои силы на зеленом поле. Здесь, в спортивном коллективе болшевской трудкоммуны, под руководством очень умного, влюбленного в свое дело тренера мужал и креп как спортсмен Василий Трофимов. В 1939 году он был приглашен в состав мастеров московского «Динамо». До 1954 года выступал в футбольном ансамбле динамовцев, снискав себе славу одного из сильнейших крайних нападающих нашей страны за всю историю отечественного футбола. Его боялись все вратари и все крайние защитники без исключения. Отличный дриблинг, высокая скорость продвижения с мячом, прекрасное понимание игры делали его мастером экстракласса. Лично я не могу припомнить ни одной иг-

ры, которую бы Василий Трофимов провел, плохо. Он обладал каким-то неистощимым запасом энергии и удивительной стабильностью спортивной формы.

В послевоенные годы Василий Трофимов славился как непревзойденный мастер русского хоккея. Когда у нас начали культивировать игру с шайбой, он был одним из первых среди пионеров новой игры и стал первым чемпионом СССР. Затем, как говорят военные, ушел в отставку.

Как раз в это время, что-то около 1954 года, команда мастеров русского хоккея московского «Динамо» переживала серьезный кризис. Василий Трофимов был назначен одним из ее тренеров. Он стал работать с коллективом и в то же время вновь заиграл сам на левом крыле нападения. Я специально ходил на матчи с его участием. Трофимову было уже за тридцать пять, но свежестью, задором, стремительностью этого человека нельзя было не восхищаться. Московское «Динамо» с его участием еще добилось в 1954 году победы в играх на Кубок Советского Союза, а под его руководством в 1959 и 1960 годах прочно вошло в состав лидеров чемпионата Советского Союза. Он много сделал для нашего спорта, для развития советского футбола и хоккея, и поэтому с таким радостным чувством, с такой гордостью я сегодня пишу о нем, о человеке, который и сегодня в строю.

Но вернемся к матчу с московскими динамовцами. Итак, первый период закончился вничью — 0:0. После отдыха мы имеем явное преимущество, но реализовать его не можем. Хозяева поля — игры в то время шли только на стадионе «Динамо» — оказывали отчаянное сопротивление. Игру высокого класса показал их вратарь Степанов.

Атакуя, мы настолько увлеклись, что на какое-то мгновение забыли об обороне. Этого оказалось вполне достаточно. Последовал молниеносный прорыв Петелин — Трофимов, и первая шайба оказалась в наших воротах.

Когда до конца хоккейного матча остается всего двадцать минут и вы проигрываете очень сильному противнику одну шайбу, оставаться спокойным почти невозможно. И все-таки в перерыве мы старались трезво разобраться в том, почему, все время доминируя на поле,

по три-четыре минуты запирая противника в зоне, не можем добиться преимущества.

В чем же было дело? Товарищи по команде всю игру вели на меня. А соперники, видя это, плотно закрыли центр заслоном из двух защитников. В такой ситуации моим партнерам по первой тройке надо было больше и смелее брать инициативу на себя, чаще угрожать воротам соперников. Это усилило бы боевую мощь команды, развязало бы руки и мне. Ведь противник имеет возможность опекать кого-либо из нападающих двумя и более игроками тогда, когда другие проявляют пассивность. Нужно хорошо понимать эту истину.

— Итак, ребята,— говорит тренер моим партнерам по тройке,— больше берите игру на себя. Смелее!

И это указание тренера мы начали немедленно превращать в жизнь. Теперь атаки велись широким фронтом, удары следовали то слева, то справа. Сразу я почувствовал, что «дышать» стало легче: теперь защитники динамовцев вынуждены были распылять свое внимание. Почуввав свободу, совершаю два удачных прохода, и счет уже 2:1 в нашу пользу. Тут же удаляется Никаноров за игру лежа. Динамовцы вводят в бой молодежную, тройку, и снова Василий Трофимов с подачи Петелина забивает шайбу — 2:2.

Остаются три минуты до конца матча. Вся наша команда пошла на штурм. Динамовцы пробуют остановить его излишней резкостью, порой переходящей в грубость. И наказываются за это: остаются вчетвером. Четверо против шести! И впереди две с половиной минуты игры. Но мы ничего не смогли сделать, и счет остался ничейным.

Что же спасло динамовцев? Только наша излишняя горячность. В те полные трагизма минуты мы — вся наша команда,— помню это совершенно отчетливо, носились по полю, как сумасшедшие, старались вовсю, но нервозность, спешка, суетливость помешали нам реализовать бесспорное игровое и численное преимущество.

Это был классический пример пущенных возможностей. Я привожу его не случайно. Молодые друзья! Когда вам трудно, когда противник ведет в счете, когда ваша команда отыгрывается — ни в коей мере не позволяйте дикому азарту, безрассудству взять над вами верх. Чем тяжелее положение, тем умнее и расчетливее

нужно строить игру. Конечно, советовать это легче, чем осуществлять. Но именно спокойствие, только спокойствие, подкрепленное огнем вдохновения, может спасти команду в трудную минуту. Эту истину подтвердил наш следующий матч — с московским «Спартаком».

В этом матче наше положение поначалу было еще более тяжелым. В первом периоде мы пропустили одну шайбу, а к концу второго проигрывали 0:3. Нужно сказать, что спартаковцы в тот раз играли в полном смысле слова вдохновенно, с большим настроением и, как всегда бывает в таких случаях, все у них здорово получалось. Отлично работали опытные защитники Сеглин и Соколов, на левом крыле нападения прекрасно проявил себя Захаров. Он в тот раз показал классический образец использования борта для обводки противников. Для наших защитников этот отработанный Захаровым до совершенства прием явился новостью, а новое, как известно, всегда является самым грозным, самым неотразимым оружием в спорте.

Не могу не отметить, что в том памятном матче в команде спартаковцев весьма успешно проявил себя молодой Игорь Нетто. Вряд ли нынешнее поколение любителей спорта знает, что этот первоклассный мастер кожного мяча был в свое время в весьма дружественных отношениях с шайбой.

Итак, после второго периода мы проигрывали со счетом 0:3. Положение очень скверное. Но на этот раз мы совершенно по-иному подошли к задаче собственного спасения.

Очень детально разобрали допущенные ошибки. Было принято решение не давать спартаковцам играть свободно, навязать им высокий темп.

— Но при всем при этом,— напутствовал нас тренер, — сохраняйте игровое самообладание, не теряйте контроля над собственными нервами.

Начался период. Сразу же мы бросаемся в атаку, и секундная стрелка еще не успела сделать полный круг, как я забиваю первую ответную шайбу. Спартаковцы сразу начинают нервничать и делают самую большую в таких случаях ошибку: уходят в глухую оборону.

Начни мы при подобной ситуации спешить — все бы пропало. Но, наученные горьким опытом предыдущей встречи, мы играли чрезвычайно осмотрительно, стара-

ясь как можно дольше контролировать шайбу и действовать лишь на верняка.

Проходит несколько минут, соперники не дают нам возможности приблизиться к воротам. И тут, получив шайбу почти у линии нападения, Владимир Никаноров великолепно, сильным ударом доводит счет до 3:2. Уже можно отыграться! На трибунах, и до того не молчавших, творится что-то невообразимое. Одни подбадривают нас, другие — спартаковцев, и все это сливалось, в единый волнующий рев.

Я написал о шайбе, забитой Владимиром Никаноровым, и вспомнил, что этот всегда внешне спокойный, выдержанный, обладавший завидной выдержкой спортсмен не раз в решающие минуты оказывался на нужном месте и делал счет. Впоследствии этими бойцовскими качествами еще в большей мере прославились Николай Сологубов и Иван Трегубов.

Но вернемся к матчу со спартаковцами. Итак, счет стал 2:3. Проходит несколько мгновений, и Орехов сравнивает счет. А еще через некоторое время мы разыгрываем очередную комбинацию, и, завершая ее, я вывожу свою команду вперед.

Теперь, когда реальная угроза нависла над спартаковцами грозовой тучей, они поняли свою роковую ошибку и, словно избавившись от какого-то оцепенения, снова пошли в атаку. Это сразу же принесло успех: Соколов опять делает счет ничейным.

До конца этой редкой по красоте и напряжению игры оставалось уже менее сорока секунд. Почти не слышно было судейской сирены; она тонула в бушующем море голосов. Но мы боролись за победу. Орехов обходит одного из защитников, идет вперед. Я немедленно делаю рывок, стремлюсь к воротам, стараюсь освободиться от опекуна. И не зря: Орехов передает мне шайбу. Чувствую, что не достаю ее, что она уйдет к борту. Но разве можно упустить такой момент — последний момент! Наклоняюсь резко вперед, падаю и каким-то чудом достаю шайбу. Уже лежа на льду, вижу, как вспыхивает над воротами красная лампочка. Сирены, извещающей об окончании матча, не слышно.

Иные могут сказать: повезло. Нет, нет и нет! Мне и моим товарищам по команде нередко приходилось и до и после этого забивать шайбы в самые критические, са-

мые напряженные минуты хоккейных сражений потому, что всегда, пока воля тренера оставляла нас на льду, мы боролись изо всех сил, рвались вперед, делали все возможное, чтобы забить шайбу, чтобы оправдать свое участие в игре.

Говорят, это качество называется агрессивностью. Если это так, то я позволю обратиться с советом ко всем спортсменам, сегодняшним и завтрашним, ко всем, кто хочет добиться успеха в хоккее с шайбой: будьте агрессивными, всегда, в любую минуту сражения на ледяном поле проявляйте активность. Никогда не дожидайтесь удобных случаев, а создавайте их сами и помогайте создавать другим. Если ваш товарищ ведет вперед шайбу, двигайтесь и вы вперед, уходите на выгодную позицию, угрожайте чужим воротам. Может быть, шайба и не будет передана вам, но своими активными действиями вы обязательно отвлечете на себя по меньшей мере одного игрока защищающейся команды и тем самым облегчите задачу своего партнера. Все время будьте готовыми принять пас, проявляйте настойчивость, боевитость — и вам всегда будет «везти», уверяю вас.

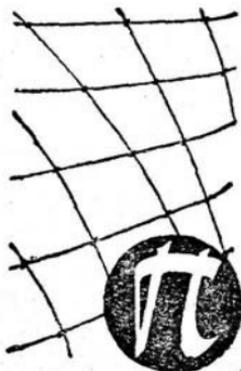
В тот памятный год первый круг чемпионата страны наша команда прошла без единого поражения, имея восемь побед и одну ничью. Это был в то время своеобразный рекорд. А в матче второго круга с московским «Спартаком» установил свой личный рекорд и я, забив в ворота наших соперников восемь шайб подряд. Общий счет этого поединка был 9:2! Три из восьми шайб я забил в непосредственной близости от ворот.

Многие тогда тоже могли сказать, что мне повезло: подвернулась шайба под клюшку — и все тут. Но опять же дело, конечно, отнюдь не в каком-то мифическом везении. Просто на тренировках, в процессе учебной работы мы немало обращали внимания на игру в суতোлке, если хотите, часто умышленно создавали различные ситуации, подобные тем, которые возникают во время важных матчей, когда одна команда бурно атакует, а другая, как говорится, грудью встает на защиту своих ворот.

20 февраля наша команда отправила в Стокгольм телеграмму сборной команде Чехословакии, завоевавшей высокое звание чемпионов мира. В решающем матче с канадцами наши друзья добились победы со счетом

3:2. А через несколько часов пришел ответ: «Очень тронуты теплым приветствием. Уверены, что советские спортсмены будут обладателями мировой хоккейной короны. От души желаем успехов. По поручению сборной Владимир Забродский».

Да и мы уже думали тогда с встречах на высшем уровне, о боях с сильнейшими. Мы готовились к будущим поединкам упорно, терпеливо, перенимая все лучшее у лучших команд мира. Детство нашего хоккея кончилось.



ОЛИМПИЙСКИЙ КАМЕНЬ

Это глава о мужестве. О несбывшихся надеждах. О тяжелом поражении и тяжелых днях.

о издавна установившейся у нас традиции футбольный сезон в Москве открывается матчем между чемпионом страны и обладателем Кубка. В 1951 году, повторив блистательный успех 1948 года, оба эти титула завоевала команда ЦСКА. И поэтому на первый взгляд не было ничего удивительного в том, что 2 мая 1952 года столичные армейцы играли со сборной Москвы.

Многочисленные зрители стали удивляться гораздо позже. Минут за двенадцать до конца состязания, когда армейцы проигрывали со счетом 0:2, вратарь сборной Леонид Иванов получил серьезное повреждение и вынужден был покинуть свой боевой пост. Его место тут же занял один из полевых игроков. По трибунам поплыл шепот удивления и недоумения:

— Почему не меняют вратаря?

— Куда смотрят тренеры сборной?!

А тренеры сборной смотрели вперед. Через несколько месяцев советским футболистам предстояло впервые принять участие в олимпийском турнире. По его, на мой взгляд, ничем неоправданным условиям играющая

команда не имеет права производить никакие замены. И вот, раз уж подвернулся такой случай, руководители сборной решили посмотреть, каково же играть без вратаря. В тот раз проба оказалась весьма успешной: сборная, несмотря на яростные атаки армейцев, удержала счет.

Через пять дней снова тренировочная игра — против куйбышевской команды «Крылья Советов», славившейся своей прочной игрой в обороне. Опять счет 2:0. Голы забили Василий Трофимов и Валентин Николаев — представители двух ведущих клубов страны.

В воскресенье 11 мая уже состоялась первая в том году международная встреча. Сборная страны, выступавшая под флагом Москвы, принимала национальную команду братской Польши. Хозяева поля вышли на этот поединок в следующем составе: вратарь — В. Никаноров; защита — К. Крижевский, А. Башашкин, Ю. Ныров; полузащита — И. Нетто, А. Петров; нападение — В. Трофимов, В. Николаев, К. Бесков, А. Гогоберидзе, С. Сальников. Во втором тайме К. Бескова в центре заменить поручили мне, а на краю вместо Сергея Сальникова стал играть Анатолий Ильин.

Польская команда в то время представляла собой серьезную силу. В ее составе был ряд игроков несомненно международного класса. К ним прежде всего следует отнести вратаря Т. Стефанишина, полузащитника В. Гендика, нападающих М. Ероминека, Г. Цезлика.

Состязание началось в совершенно непривычном для нас замедленном темпе. Его предложили гости, а наши ребята не смогли переломить этот спокойный — по меткому выражению одного из журналистов, «укачивающий» — ритм.

Сначала атаквали гости. Применяя точные, разнообразные передачи низом, демонстрируя умелый дриблинг, они несколько раз на перзых же минутах просачиваются в нашу штрафную площадь. Но в тот раз очень уверенно играла наша защита, где особенно выделялся Анатолий Башашкин.

Футбольная карьера Анатолия Башашкина прекрасна. Он впервые сыграл за основной состав команды мастеров ЦДКА 2 мая 1947 года В матче армейцев со столичными спартаковцами на месте левого полузащитника и проявил себя с самой хорошей стороны. С того

дня он был бессменным бойцом защитной линии команды, вскоре заняв место в центре армейской обороны.

В футбол Анатолий начал играть еще в 1938 году в командах своего родного подмосковного городка Реутово. Потом тренировался в юношеском коллективе столичного «Спартака». Уйдя на военную службу, стал отличником боевой и политической подготовки, хорошим артиллеристом. Одновременно играл в футбольной команде Дома офицеров Закавказского военного округа (г. Тбилиси). Здесь его увидел наш тренер Борис Андреевич Аркадьев и, разгадав большое дарование юноши, в 1946 году добился его перевода в Москву. А через год Анатолий уже играл в основном составе. В 1952 году он стал игроком сборной Москвы и СССР, а еще через четыре года в далеком Мельбурне получил звание олимпийского чемпиона по футболу, стал заслуженным мастером спорта СССР.

В матче с поляками, о котором мы уже говорили выше, Башашкин дебютировал в составе сборной, и весьма успешно. Защита, возглавляемая им, методически разрушала все комбинации наших гостей.

Первый тайм закончился со счетом 0:0. После перерыва вышел на поле я, заменив Константина Бескова. К сожалению, и мне ничего не удалось изменить в ходе матча.

Плохо сыгранное нападение, разорванные линии мешали команде, поляки прорываются эпизодически, наша защита легко ликвидирует их угрозы, но незадолго до конца следует рывок Цезлика, он сильно бьет, и... матч проигран. Счет 0:1.

Через три дня, 14 мая, состоялось повторное состязание сборных Москвы и Польши. Гости ввели полузащитника Т. Вечорека, на левом краю играл Я. Висньевский. У нас В. Никанорова в воротах заменил Л. Иванов, в полузащите под номером «5» играл Г. Антадзе, а нападение выглядело так: В. Трофимов, В. Николаев, В. Бобров, К. Бесков, А. Ильин.

Играть с противником, которого знаешь, которого видел, куда легче. Составляя план повторного матча, мы учли особенность игры защиты и полузащиты гостей, которые не следовали вплотную за своими подопечными, а преимущественно охраняли зону. Было решено взламывать оборону соперников с помощью скоростного ма-

невра, умелого обыгрывания противника короткими неожиданными передачами.

— Дайте нашу советскую скорость! — было последнее напутствие Бориса Андреевича Аркадьева, провожавшего нас на поле.

Начали мы молниеносно. Уже на 4-й минуте Антадзе отличным пасом выводит в штрафную Бескова, тот оттягивает на себя защитника и очень расчетливо навешивает мяч на дальнюю от вратаря штангу. Опытный Стефанишин опаздывает с выходом, и я в прыжке ударом головы посылаю мяч мимо него в сетку ворот. Начало многообещающее!

Однако в дальнейшем ход поединка выровнялся. Польские футболисты вновь продемонстрировали отличную техническую подготовку. Особенно на меня лично произвело впечатление их умение мгновенно, не тратя ни одной секунды на обработку мяча, производить удары по воротам. Только очень высокое мастерство и мгновенная реакция Леонида Иванова спасли нас от нескольких голов. Справедливости ради отметим, что мы тоже имели ряд реальнейших возможностей увеличить счет, но неточность завершающих ударов и надежная игра Стефанишина не позволили их использовать.

В раздевалке кто-то сказал:

— Сегодня не везет...

Пожалуй, это был день, когда нам действительно не везло. Посудите сами: пять раз подряд мяч, пробитый Константином Бесковым, попадает в штангу. Дважды, находясь прямо перед воротами, я падаю и теряю мяч. Только незадолго до конца ударом метров с 20 мне удается увеличить счет. Но тут же Цезлик, герой первого матча, спасает свою команду от «сухого» счета.

2:1. Итак, один проигрыш и один выигрыш при общем счете 2:2.

Матч с национальной сборной Польши помог нам лучше узнать гостей из-за Вислы. Должен признаться, что их игра явилась для всех нас подлинным откровением.

До войны панская Польша отнюдь не котирировалась на международной футбольной арене. Но за годы народной власти спорт в стране, в том числе спортивные игры, сделал гигантский шаг вперед. Уже тогда это была команда международного класса.

Футболисты Польши через несколько лет оказались соперниками сборной СССР в отборочных играх чемпионата мира 1958 года. И вновь они показали свою грозную силу. Проиграв в Москве со счетом 0:3, они взяли реванш в Хожуве. Несмотря на минимальный счет, мировая спортивная пресса очень высоко оценила эту победу. Только в дополнительном состязании нашим ребятам удалось взять верх.

Урок двух выступлений против национальной команды Польши показал нам, что нападение сборной отличается плохой сыгранностью, между игроками отсутствует взаимопонимание. Казалось бы, необходимо было наметить какой-то основной состав пятерки и, коль времени оставалось удивительно мало, наигрывать его — разумеется, с заменами, различными пробами. Но этого, как мне помнится, сделано не было. В комплектовании пятерки допускались резкие колебания. Это могло быть и было бы оправдано при наличии достаточного времени. Но это было ошибкой при скоротечной подготовке. Ибо, в конце концов, при наличии определенного числа игроков примерно одинакового уровня главным должно была стать сыгранность, сыгранность и еще раз сыгранность.

25 мая 1952 года даже для видавшей виды футбольной Москвы был особый день. К нам в гости для тренировочных матчей прибыла национальная сборная Венгрии. Слава ее в те дни разнеслась по континенту и далеко за его пределами. В ее составе был целый набор «звезд» первой величины: Д. Грошич, И. Божик, Н. Хидегутти, П. Палоташ, М. Лантош, И. Бузански, Ж. Лорант — каждое из этих имен могло составить гордость страны, которую они представляли, а все эти имена были собраны в данном случае вместе. В течение ряда лет и до и после Олимпийских игр в Хельсинки команда социалистической Венгрии одерживала громкие победы, была вторым призером чемпионата мира 1954 года, причем в подгруппе буквально разгромила будущего чемпиона команду ФРГ, нанесла тяжелое поражение национальной сборной Англии и на своем и на ее поле. Одним словом, это был один из самых выдающихся ансамблей за всю историю мирового футбола.

Нужно ли говорить, с каким интересом и, не скрою, волнением мы ожидали предстоящей встречи. Ожидала

ее вся Москва. Дирекция стадиона «Динамо», вмещавшего фактически не более 65 000 зрителей, получила только заявок на 350 000 билетов. Посмотреть игру чародеев кожного мяча хотели представители всех городов нашей страны. На матч прибыло восемьдесят футбольных обозревателей из различных стран.

И вот под взволнованный гул трибун мы выходим на поле. Цвета сборной на этот раз защищают Л. Иванов, К. Крижевский, А. Башашкин, Ю. Нырков, Г. Антадзе, А. Петров, А. Ильин, В. Николаев, В. Бобров, Н. Деметьев, С. Сальников.

Уже на первых минутах мы увидели, что наш соперник действительно на голову выше всех, с кем нам приходилось до этого встречаться. Сборную Венгрии прежде всего отличало налаженное до автоматизма, глубоко продуманное и отшлифованное взаимодействие линий. Защитники при каждом удобном случае стремились послать мяч ближайшему полузащитнику. Если кто-либо из игроков подвергался атаке, он тут же, немедленно отдавал мяч ближайшему партнеру, не боясь при этом и передач назад. Длина паса в таких случаях никогда не превышала 8—10 метров. Но, как только представлялась возможность, гости длинными, очень точными передачами выводили своих нападающих на свободные места, сразу создавая угрожающие ситуации в непосредственной близости от наших ворот.

Всех без исключения венгерских футболистов отличала высокая индивидуальная техника. Я обратил на это внимание еще во время разминки. Каждый из гостей был с мячом, что называется, «на ты». Но в ходе матча мне стало ясно, что у наших грозных соперников есть и серьезный недостаток: они явно теряли чистоту исполнения технических приемов при той большой скорости, в которой мы повели состязание, и, применяя в защите зонную систему, плохо, а порою почти беспомощно боролись против персональной опеки. Об этой системе обороны я еще выскажусь.

Итак, игра началась. Первые минуты наладить атаки попытались гости, но наша защита сразу же заявила о своей силе. Центральный защитник Анатолий Башашкин наглухо выключил из игры девятого номера Ф. Суса. Он не только не давал ему действовать свободно, но систематически и очень умело перехватывал передачи,

идушие от него и к нему. Это, естественно, сразу же нарушило стройность венгерского нападения.

Итак, попытки первого штурма были пресечены, и мы, осмелев, сами бросились вперед. На 14-й минуте происходит эпизод, который помнился мне еще очень долго после окончания матча. Получив отличную передачу от Николая Дементьева, я на полной скорости вошел в штрафную площадку, обыграл финтом центрального защитника венгров Я. Бэржеи и вышел один на один с вратарем. Нас разделяло расстояние в каких-нибудь 7—8 метров. Я взглянул вперед, увидел, как Грошич отличным рывком, которому мог бы позавидовать первоклассный спринтер, выходит из ворот, и ударил верхом. Почти в то же мгновение тело вратаря венгров промелькнуло в воздухе на пути мяча и с мячом в руке рухнуло на траву. Стадион неистово гудел.

Грошич сыграл великолепно, он показал, что обладает завидной реакцией. И все-таки в том, что не был забит гол, конечно, моя вина. Стоило бы мне послать мяч низом, по земле, и никакая реакция не спасла бы Грошича. Никогда не старайтесь в подобных ситуациях бить сильно, никогда не поднимайте мяч. Удар низом мимо выбегающего вратаря — это всегда гол.

На 35-й минуте первого тайма я доказал эту истину. Вновь создалась аналогичная ситуация, вновь, обыграв Бэржеи, я вышел один на один с Грошичем. Вновь он рванулся вперед. Но мяч, посланный по земле чуть в сторону, закончил свой полет в сетке. Мы повели со счетом 1:0.

По-видимому, такой оборот дела не устраивал наших соперников на поле. После отдыха они буквально предприняли штурм наших ворот. Вот где пришлось защите показать все свое искусство. Дважды, казалось, успех уже приходил к венграм: мяч миновал выбегающего Леонида Иванова, и дважды из пустых ворот, почти с линии ворот, его выносил в акробатическом прыжке Константин Крижевский.

Константина Крижевского как футболиста отличала огромная работоспособность, умение точно выбрать место, нагнуло закрыть своего подопечного игрока и, наконец, совершенная техника. Каждому, кто видел его хотя бы в двух-трех матчах, несомненно, запомнится такой, например, его коронный номер. Вот нападающий

прорвался по краю и точно послал мяч на штрафную площадку несколько переместившемуся вправо центральному нападающему. Кажется, не перехватить этой прострельной, идущей на уровне полутора метров от земли передачи. Сейчас центрфорвард примет ее и неотразимо пробьет по воротам. Но вдруг в акробатическом прыжке, буквально пролетев 1,5—2 метра в воздухе, Крижевский выполняет свои знаменитые «ножницы», и мяч оказывается далеко в середине поля у одного из динамовцев.

За 15 лет своей футбольной карьеры Константин Крижевский выступал против многих десятков центральных нападающих. Он вступал в единоборство с Г. Федотовым, Б. Пайчадзе, Н. Симоняном, А. Пономаревым, сдерживал грозного Лаутона, прикрыл неудержимого Хидекути, боролся за мяч со знаменитым французом Р. Копа и многими другими. Боролся — и выходил победителем. Мне тоже доводилось не раз выступать против него, и я считаю, что это был один из сильнейших защитников советского футбола.

Я написал об этом и подумал, что мы еще мало пропагандируем опыт, мастерство, богатейшее наследие далекого и близкого прошлого.

Однако я отвлекся от матча со сборной Венгрии. Итак, наши гости бурно атаковали, и Константин Крижевский дважды спас нас от неминуемого гола. Но натиск не ослабевал. Венгерские футболисты методически усиливали давление, выдвигая вперед полузащитников и даже защитников. Так, дважды отлично прошел по краю Е. Бузански, и его навесные передачи в центр штрафной площади заставили нас поволноваться.

Значительное оживление в игру своей пятёрки внес совсем еще тогда молодой П. Палоташ, заменивший в центре Ф. Суса. Быстрый, стремительный, он доставлял куда больше неприятностей Башашкину, нежели его предшественник. На 53-й минуте ему удается в результате несложной комбинации с полузащитником уйти от опеки. Следует сильнейший удар, и Леонид Иванов, несмотря на отчаянный бросок, не может достать мяч. 1:1. С таким «спокойным» счетом закончилась эта далеко не спокойная, красивая игра.

Через два дня мы встретились вновь. Советская сборная подменила лишь в полузащите Г. Антадзе на

И. Нетто. В остальном состав на этот раз не претерпел никаких изменений.

Сразу же бросаемся в атаку. Решено поддерживать еще более высокий темп, чем в предыдущем состязании. Чувствуем, что наша скорость не по нутру гостям. Они иногда просто-напросто сдерживают нас... руками, за что неизменно штрафуются. Несколько трудных мячей берет Грошич. Публика от души приветствует его мастерство.

Между прочим, тогда, получив мяч, Грошич выбивал его чуть ли не до нашей штрафной площадки, и нападение венгров, зная об этом искусстве своего вратаря, шло вперед, принимало мяч и сразу же оказывалось с ним в непосредственной близости от ворот, защищаемых Ивановым. Сильный выбивающий удар вратаря был для всех нас в то время новшеством. О нем сразу заговорили.

Теперь этим уже никого не удивишь. Почти все наши вратари легко посылают мяч далеко за центр поля. Но вот вопрос: всегда ли это выгодно? Лично мне кажется, что нет. В приеме снижающегося с большой высоты мяча защитники, а их теперь так много, обращенные лицом к линии его полета, всегда имеют некоторое преимущество. И мяч далеко, а следовательно, почти бесприцельно (на точность здесь рассчитывать трудно) выбитый вратарем, по моим наблюдениям, почти всегда оказывается у противника. Нет уж, куда правильнее, с тактической точки зрения, даже выбросить его рукой близко и свободно стоящему защитнику или полузащитнику. Это не значит, что от сильных посылов следует вообще отказаться. Иногда бывает, что один из крайних нападающих своей команды после очередной атаки противника оказывается свободным. Быстрая и точная передача ему мяча вратарем может сразу же привести к атакующей ситуации. Полезны, на мой взгляд, дальние выбивы и тогда, когда центр поля и зона впереди надежно заняты вашей командой. Во всех остальных случаях я за передачу мяча свободному игроку.

В тот раз, о котором идет речь, наша защита тоже очень, быстро освоилась с тактикой дальних выбивов и в большинстве случаев перехватывала их. На 18-й минуте Анатолий Башашкин как раз и овладел мячом, выбитым Грошичем. передал его Петрову. Из линии полузащиты мяч мгновенно ушел на край к Анатолию Ильину, тот в одно касание отослал его выходящему на прорыв Ва-

лентияу Николаеву, и тот красивейшим, очень сильным ударом под планку открыл счет.

Борьба еще более усилилась. До перерыва ряд острейших моментов возникал у тех и других ворот. Очень сильно сыграл Ленья Иванов. Особо мне запомнился такой эпизод. Минут за пять до конца первого тайма венгерский полузащитник И. Божик неожиданно и очень сильно пробил по воротам метров с двадцати. Мяч шел в верхний угол ворот, Иванов прыгнул и невероятным усилием достал его, отбил в поле и упал. Мяч попал прямо в ноги вырвавшемуся из-за спины защитника П. Палаташу. Он был один перед пустыми воротами и лежащим на земле вратарем. Ударил несильно в угол. Но Иванов в это же мгновение успел вскочить на ноги, снова совершил отчаянный бросок и достал совершенно безнадежный мяч. Ну и аплодировали же ему зрители. И по заслугам!

Венгры так и не смогли преодолеть нашу защиту. А их оборона в тот раз не могла противостоять такому оружию, как скорость. На 8-й минуте второго тайма, освободившись от опеки двух неизменно стороживших меня защитников, я резко ухожу на левый край и сейчас же получаю сюда передачу от Николая Дементьева. Стараюсь срезать угол. Снова два «моих» защитника бросаются за мной. Это уже ошибка, непростительная для игроков такой классной команды. Два — за одним — зона осталась открытой. Туда быстро перемещается Анатолий Ильин. Отдаю ему мяч. Удар. 2:0!

Итак, с сильнейшей командой Европы, а, может быть, в то время и всего мира мы один матч свели вничью, а один выиграли. И, хотя это не было официальным соревнованием, оно в известной мере показывало, что наш советский футбол ни в коей мере не утратил своей силы, что мы по праву можем состязаться на равных с самыми сильными командами.

Об этом же говорил в беседе с нами тренер венгерской команды.

— Коллектив сборной Москвы, — заявил он, — боевая команда. Советские футболисты показали себя с самой лучшей стороны. Особо следует отметить линию защиты, где выделить кого-либо очень трудно. Все же стоит назвать особо понравившихся мне Анатолия Башашкина и Константина Крижевского. Центральный защитник Ба-

пашкин — несомненно игрок международного класса. Он отлично чувствует место, тонко разбирается во всех осложнениях, возникающих на поле. Говоря о полузащите,— продолжал наш собеседник,— прежде всего хочется отметить умение ее игроков как бы «прилипнуть» к своим подопечным, следовать за ними на всех участках поля, в то же время сохраняя силы для того, чтобы в удобное время участвовать в атаке ворот соперников. Вообще принцип индивидуальной опеки, причем плотной и планомерно осуществляемой, показал свою эффективность. Нашим нападающим лишь в очень редкие моменты удавалось действовать свободно...

Мне бы очень хотелось еще раз заострить внимание на этом высказывании венгерского тренера, несомненно очень крупного специалиста футбола. Он в полной мере признал силу и полезность персональной опеки в ее чисто советской интерпретации. И действительно, наше умение «намертво» держать опасных нападающих, буквально «прилипнуть» к ним всегда отмечалось всеми футбольными специалистами как одно из грознейших оружий. Так зачем же теперь, как это советуют некоторые наши теоретики, отказываться и напрочь отвергать его? Нет, в нужную минуту и против определенного противника персональная защита и сегодня может оказаться очень и очень полезной.

Ну, а теперь продолжим рассказ тренера национальной сборной Венгрии 1952 года.

— Команда Москвы,— заявил он в заключение,— показала в матчах с нами свою высокую подвижность на поле. Это, на мой взгляд, одно из самых ценных качеств советских футболистов.

Может быть, читатель заметил, что все тренеры иностранных сборных, приезжавших к нам, ставили на первое место именно подвижность и скорость наших спортсменов на поле в борьбе за мяч и при движении с мячом. Это было фундаментом, базой, на которой основывались возрастающие успехи наших команд на международной арене. И, может быть, поэтому следует еще раз сказать, что эту черту нашего футбола, черту, которая, к великому сожалению, стала кое-где стираться, нужно всячески поддерживать, развивать, пропагандировать. Вот еще качества, которые с восхищением отмечали у советских футболистов наши гости, венгерская спортивная пресса:

большая, ни с чем не сравнимая работоспособность, умение действовать на поле решительно, настойчиво, мужественно и целеустремленно. Пусть же эти черты воспитывает и сегодня в своих учениках каждый тренер, пусть выработает их у себя каждый футболист.

...Через несколько дней после отъезда венгерской сборной в гости к нам приехала команда Софии. Против нее под флагом ЦДСА выступал тренировочный состав нашей олимпийской команды. Оба состязания с командой Болгарии выдались на редкость тяжелыми. Гости из Софии продемонстрировали прекрасные физические и волевые качества, а также достаточно высокую технику. Счет 2:2 был зафиксирован и в первый и во второй игровые дни. Причем интересно, что в первом матче Василий Трофимов открыл счет, а во втором закрыл его. Вообще в тот раз динамовец был, бесспорно, лучшим игроком на поле. Как-то после второй встречи в раздевалке Василий Трофимов сказал мне:

— Крепкий орешек — эта команда. Не хотелось бы мне играть с ней в олимпийском турнире.

О том, сбылось ли пожелание Василия Трофимова, я скажу несколько позже.

24 июня мы принимали сборную Румынии, победив ее со счетом 3:1, а 29-го уже выступали в Хельсинки против национальной сборной Финляндии. Здесь опять мы пробовали новый состав нападения. В частности, был введен в пятерку ленинградец Ф. Марютин. Победили со счетом 2:0.

Оба гола удалось забить мне с подач снова прекрасно игравшего Василия Трофимова.

В Финляндии мы играли на только что законченном реставрацией хорошо, уютном олимпийском стадионе. Тогда уже было известно, что советские атлеты примут участие в XV Играх, и корреспонденты многих газет мира, приехавшие в Хельсинки заблаговременно, буквально набросились на нас с различными вопросами. Помню, очень важный, самоуверенный американец из «Нью-Йорк пост» спросил меня:

— Как вы думаете, сможет ли советская команда оказать сопротивление спортсменам штатов?

— Мы не любим полицейских терминов, — ответил я. — Но думаю, что у нас в СССР найдется не меньше хороших спортсменов, чем у вас в США.

— Никогда! — резко ответил он и ушел. К сожалению, после окончания Игр я его не видел. Может быть, разительные успехи наших спортсменов так испортили ему настроение, что он досрочно сбежал с Олимпиады. Может быть.

Только вернулись из Хельсинки — нас уже ждет, в Москве сборная команда Чехословакии. Точного состава команды гостей я не записывал, но хорошо помню, что центральным нападающим был Плускал. Высокий, безупречно подготовленный технически, великолепно играющий головой, он привлек всеобщее внимание своей хорошей, умной игрой. С тех пор он непрерывно до сего времени продолжал выступать за национальную сборную своей страны. В 1962 году на мировом чемпионате в Чили он был признан одним из лучших полузащитников мира и вместе со своим товарищем. Масопустом составил лучшую и самую надежную линию команды. А, как известно, эта команда добилась значительного успеха и, вопреки всем прогнозам, заслужила право играть в финале.

К чехословацкому футболу лично я всегда относился с очень большим уважением. Я помню, еще в первые послевоенные годы наша команда ЦДКА совершила поездку, и надо сказать весьма неуспешную, по стране. Мы проиграли тогда один матч, один свели вничью и 3 д.вух.добились победы с минимальным преимуществом.

Выступление сборной команды страны тоже произвело на меня глубокое впечатление. Чехи не любят дешевых эффектов и ненужной красоты, но играют очень напористо, трудолюбиво, в хорошем смысле этого слова зло. По-спортивному зло.

Наша встреча проходила в теплый дождливый июльский вечер. Поле стало мокрым, но, несмотря на это, чешские друзья показывали очень высокую технику во всех линиях. И все-таки больше всего мне понравилась игра вратаря Йонекса. Он взял совершенно немислимые мячи от Гогоберидзе и Николаева, вытащил из «девятки» мяч, посланный Ильиным с линии штрафной площадки.

Вообще чехам везёт на хороших вратарей, тут у них прямо какая-то национальная традиция. Так, до войны на весь мир гремела слава Планички. На последнем предвоенном чемпионате он был награжден специаль-

ным призом, «за красивую и надежную игру». А в 1962 году в Чили лучшим вратарем чемпионата мира также был признан страж ворот национальной команды Чехословакии Шройф. Между этими двумя великанами есть еще целый ряд отличных вратарей. И думаю, что Йонек, выступавший против нас в июле 1952 года,— далеко не последний из них. На 30-й минуте матча, ликвидируя прорыв Трофимова, Йонек совершил красивый и просто героический бросок в ноги, получил повреждение и уступил свое место Павлису, кстати тоже показавшему неплохую игру.

Первая половина закончилась вничью — 0:0. А после отдыха на поле завязалась еще более острая, волнующая игра. После состязания тренер нам сообщил, что только во второй половине матча у обоих ворот было подано 19 угловых ударов, 4 раза мячи попадали и штангу, 17 раз их отражали вратари. Уже одни эти цифры достаточно убедительно показывают напряжение матча.

На 53-й минуте гости получают право на штрафной удар примерно метрах в двадцати от наших ворот. Выстраиваем «стенку», но полусредний нападающий Якубчик находит в ней щель и резким сильным ударом в верхний угол открывает счет. Леонид Иванов только разводит руками — да, такие мячи не берутся.

Мы еще более усиливаем темп. Но чехи отлично выдерживают его. Вообще нужно сказать, что из всех побывавших у нас в то лето команд они произвели самое выгодное впечатление в смысле физической закалки и скоростной выносливости. Оборонялись упорно. Все же на 60-й минуте мне удается сравнять счет, а через семь минут заменивший Валентина Николаева Тенягин с подачи Гогоберидзе выводит сборную СССР вперед. 2:1.

Матч окончен. Мы крепко жмем друг Другу руки, и чехословацкие друзья от чистого сердца говорят нам:

— Желаем успеха на Олимпийских играх! Больших побед!

Да, это был последний контрольный матч. Через несколько дней предстоял недолгий путь в Хельсинки.

Сейчас, вспоминая нашу подготовку к турниру XV Олимпиады, я думаю о том, что шла она все-таки не очень правильно. Уже одно перечисление проведенных нами товарищеских состязаний показывает, что вся тре-

нировка сборной в последние два-три месяца шла по одному руслу: игры, игры, игры. Конечно, мы приобретали в них большой опыт международных встреч, которого нам тогда так не хватало. Но подумать только, сколько нервной энергии, сколько силы отдавали мы каждому матчу. Ведь соперники все как на подбор представляли грозную силу. Нужно было с каждым из них выкладывать все, что умел. Тут уж было не до учебы, не до опробования и наигрывания комбинаций. Куда полезнее было бы май и середину июня отвести тренировкам, легким, не имеющим большого значения играм для самоконтроля, а уж потом, когда все было бы налажено, сыграть по-настоящему. Конечно, со стороны, с дистанции десяти лет оно виднее. Но я это пишу отнюдь не для того, чтобы обвинить кого-то. Просто как одно из объяснений того, что, в конце концов, привело нас к неудаче...

Итак, мы ехали в Финляндию. От Ленинграда поезд отошел поздно вечером, но за окном было еще совсем светло. Вскоре показался Сестрорецк. Мы стояли у окна с Леонидом Ивановым и, ничего не сказав друг другу, только многозначительно переглянулись. Вот он, город, где прошло наше детство и юношество, вот завод, где нас научили любить труд, вон пустыри, где мы начинали гонять мячи, а вот стадион, где пришло к нам первое признание. Поезд набирал скорость. Городок уже скрылся из вида, и только видны были освещенные корпуса нашего родного завода имени Воскова. Колеса выстукивали:

— Счастливый путь!

Официальное открытие Игр состоялось 19 июля, но мы вступили в борьбу 15 июля. В городе Котке в отборочном матче к финалу мы встречались с олимпийской командой Болгарии. Как видите, мольбы Василия Трофимова о том, чтобы избавить нас от этого соперника, не помогли.

Нет, недаром боялся динамовец. Сборная Болгарии и на этот раз играла очень сильно. Девяносто минут основного времени не дали результата. Дается добавочное время, и буквально на первых минутах болгарские спортсмены забивают нам гол. Бросаемся в контратаку, но соперники, ушли в глухую -защиту, сгрудились на штрафной площадке, иногда умышленно тянут время,

откровенно посылая мячи далеко за боковую линию. Чувствую, ребята очень нервничают.

— Играть шире, как можно шире!—кричу я Вале Николаеву.— Передай!

И поползло по цепи, как в бою, от одного к другому:

— Играть пошире!

Последняя смена ворот. А счет по-прежнему 0:1. Наконец мне удастся один из любимых рывков. Ухожу от защитника, чувствую за собой его горячее дыхание. Надо бить, а то сейчас произойдет толчок. До ворот — метров восемнадцать. Бью. Чувствую, как кто-то виснет на мне. Догнал защитник. Но мяч уже в сетке. Перед самым финальным свистком снова выхожу в прорыв, остаюсь один на один с вратарем. Он падает в ноги, но я успеваю отбросить мяч набегающему Трофимову, и он вкатывает его в пустые ворота. Завидное хладнокровие! Пожелай Василий ударить, красиво, «со звоном», и мяч мог спокойно уйти за лицевую, ибо находился наш нападающий под очень трудным углом к воротам.

Итак, победа! Трудная победа, вырванная на последней секунде. Остается лишь добавить, что через четыре года, в далеком Мельбурне, жребий вновь свел эти команды в олимпийском турнире. И их встреча в полуфинале оказалась до мельчайших подробностей похожей на ту, которую мы разыграли в финском городке Котке. Посудите сами: в 1952 году девяносто минут основного времени не дали результата — и в 1956 году, когда прошли два тайма, счет был 0:0. В 1952 году, как только началось добавочное время, центральный нападающий болгар Колев забил гол Леониду Иванову — и в Мельбурне тот же самый Колев вновь вывел свою команду вперед — 1:0. И окончательный счет сражения — 2:1 в пользу советских футболистов — тоже одинаков и там и там. Трудно, пожалуй, найти в мировой футбольной истории еще два таких матча-близнеца.

Правда, справедливости ради следует отметить, что время, словно требовательный режиссер, не пожелало полностью копировать сценарий футбольной драмы, разыгранной в Котке, и внесло в него в Мельбурне свои суровые поправки. Во втором тайме во время борьбы за мяч тяжелую травму — перелом ключицы — получил защитник нашей сборной Тищенко. Через десять минут, весь забинтованный, он вернулся на поле, чтобы хоть

чем-нибудь помогать своей команде. С серьезной травмой сражался до конца Валентин Иванов. Это был героизм, настоящий героизм!

Но перенесемся из далекого Мельбурна 1956 года в маленький, утопающий в зелени финский городок Тампере, где 21 июля 1952 года в матче второго круга олимпийского турнира встречались национальные сборные Советского Союза и Югославии.

В тот памятный день стадион собрал невиданное для этого городка число зрителей.

Перед тем как описать ход матча, я позволю себе, напомнить, что сборная Югославии в то время, впрочем, как и сейчас, являлась одной из сильнейших в мире. В ее составе играли такие виртуозы мяча, как Бобек, Чайковский, Митич, которых мировая пресса не без основания называла «редким по яркости созвездием». Сборная из Белграда была отлично сыгранна, она выступала в неизменном составе в течение нескольких лет.

И, все-таки поначалу казалось, что ничего страшного нет. Первые минуты инициатива полностью в наших руках. Пятерка нападения то и дело прорывалась в штрафную югославской команды. Уже на 3-й минуте Трофимов упускает реальнейшую возможность забить гол. Он открывается, получает пас, но с 8 метров бьет неточно, и мяч рядом со штангой уходит на свободный. Через несколько минут Бесков сильно бьет с 15 метров, мяч попадает в штангу, отскакивает в поле, его подхватывает Николаев, снова бьет... и опять — штанга.

Наш натиск — увы, бесплодный — длился минут пятнадцать. Отбив его, югославы сами пошли в наступление. Несколько трудных мячей сразу же взял Иванов. Но вот на 29-й минуте сильнейший удар Бобека достигает цели. 0:1.

Неожиданный, после наших атак, бурный натиск противника и пропущенный гол породили среди нас растерянность. И, что особенно плохо, дрогнула защита. Леонид Иванов играл великолепно, и, может быть, если бы ни он, счет был бы гораздо большим. Но грубейшие ошибки К. Крижевского, Ю. Ныркова, А. Башашкина, явившиеся следствием излишней нервозности, привели к тяжелым последствиям. На отдых мы ушли со счетом 0:4. Пожалуй, не стоит особенно подробно описывать наше настроение. Оно и так понятно.

В раздевалке я увидел слезы на глазах у Лени Иванова. Но это были не обильные детские слезы, которые много лет назад он ронял в нашем родном Сестрорецке, а скупые слезы мужчины и бойца.

— Ничего, старина,— сказал я ему, положив свою ладонь на его горячее плечо,— подожди, еще разыграемся.

— Не утешай, Сева. Не верю я в это.

Честно говоря, я и сам не очень-то верил в то, что говорил. Однако...

На моем спортивном веку промелькнуло немало напряженных футбольных матчей. Но, пожалуй, матч с олимпийской командой Югославии превзошел все по остроте, по накалу страстей, по спортивной ярости.

В начале второго тайма мне удалось забить гол, но югославы, точно желая заверить нас в том, что надеяться не на что, тут же провели еще один мяч. 1:5.

Что же произошло на поле? Право, трудно сейчас вспомнить, у кого что не ладилось, кто в чем виноват. Все свелось к одному: что ни предпринимали мы вначале, стремясь как-нибудь перехватить инициативу, ничего не получалось. А югославам все давалось легко и просто. Что ж, так очень часто бывает в спорте, когда первая неудача, первый промах надолго выбивают из колеи. И нужна чья-то неиссякаемая энергия, чей-то заразительный пример, огромная воля, чтобы изменить ход поединка.

Казалось, все уже ясно. Югославы, уверовав в победу, оттянулись в защиту, мы тоже сбавили темп. И только Василий Трофимов, всегда собранный, боевой игрок, продолжал действовать остро и энергично. И когда до финального свистка оставалось меньше пятнадцати минут, он как-то по-своему, по-трофимовски, резко срезав угол, пошел с края к воротам, обвел одного защитника, второго и очень хладнокровно, метко и сильно пробил в дальний от вратаря угол. Счет стал 2:5.

В далекие детские годы в зимние вечера мы с братом и сестрой часто собирались тесным кружком возле мамы и слушали из ее уст замечательные русские сказки. Помню, на меня особенное впечатление производили рассказы о чудесном веществе, оживляющем мертвых богатырей. Я, самый маленький в семье, десятки раз спрашивал:

— Мам, а правда есть такое лекарство?

— Есть, есть,— улыбалась она.

— А как называется?

— Я же уже говорила тебе — бальзам, понимаешь, бальзам...

Вот таким чудесным, оживившим нашу сборную бальзамом и явился второй гол, забитый Василием Трофимовым. Оцепенение, владевшее всеми нами, исчезло. Словно Василий своим спортивным подвигом, своим смелым поступком сказал всем нам:

— Смотрите, можно же играть в такой трудной обстановке. Можно бороться с ними. Можно и нужно верить, что еще далеко не все потеряно!

Мы рванулись вперед. Югославы еще не поняли, не почувствовали назревающего в нас подъема, не уловили наметившегося перелома в игре, а счет 2:5 по-прежнему убавкивал их бдительность, К тому же до конца состязания — я посмотрел на большие часы на башне стадиона — оставалось ровно тринадцать минут.

Но как опасна, как неопишимо опасна в спорте самоуспокоенность. Как только в мозгу игрока появляется мысль, что игра выиграна, что исход поединка решен,— он перестает быть бойцом, перестает быть нужным человеком на поле. Помните, молодые друзья: настоящий спортсмен имеет право только тогда думать об отдыхе и о лаврах победителя, когда прозвучит финальный свисток!

Эту азбучную истину забыли футболисты Югославии. А мы о ней хотя и поздно, но все же вспомнили. Наша пятерка снова идет на ворота соперников развернутым фронтом. Я бегу по центру, а в висках все стучит и стучит одна неотступная, навязчивая мысль: «Надо забить, во что бы то ни стало забить!»

Мы спешим. Но не теряем чувства разумного. Очень хорошо помогают полузащитники. Особенно разыгрался Саша Петров. Он прекрасно отдал мяч вышедшему на свободное место Трофимову, тот отбрасывает его чуть назад Николаеву, а Валя хорошо заученным знакомым движением переправляет его мне на свободное место между центральным защитником и воротами. Рывок. Уже я у мяча. Игрок соперников — в нескольких сантиметрах от меня. Каждую секунду он может помешать. Медлить нельзя. Перекладываю мяч с ноги на ногу и

бью по воротам. Видел, как взметнулся в воздухе вратарь, но не достал летящий шар, и он затрепыхал в сетке.

Стадион, еще совсем недавно хранивший гробовое молчание, превратился вдруг в бурлящий поток страстей. Все или почти все зрители встали. В сплошном неумолчном гуле, перекатывавшемся по рядам, мы явно слышали отчетливое скандирование земляков:

— Е-ще да-вай! Е-ще да-вай!

Вместе с ними кричали на разных языках финны, шведы, англичане... Они болели за нас, они искренне желали нам успеха. Они хотели стать свидетелями футбольного чуда, ибо история всех олимпийских игр еще не знала, чтобы команда, проигрывающая со счетом 1:5, спасала свое положение. И они думали: неужели сейчас свершится необычное?

Стадион гудел, а мы продолжали играть. Собственно говоря, слово «продолжали» не совсем подходит в данном случае. Последние пятнадцать минут матча совершенно не были похожи на остальные семьдесят пять. Это была вдохновенная, неудержимая, ни на минуту не затухающая атака. Только что мы забили третий гол, и снова сильнейший удар Трофимова по воротам. Вратарь в броске едва достает его. Он выбивает мяч, его принимают наши защитники и точно посылают вперед, на правый край, где на этот раз играет Константин Бесков. Он очень резко идет вдоль бровки, отдает точный пас мне, я мгновенно возвращаю мяч, и югославы, спасая положение, выбивают его за линию ворот.

Угловой. Его подает Бесков. Мяч идет точно в штрафную площадь, примерно в район один-надцатиметровой отметки. Я бегу навстречу ему, бегу изо всех сил, прыгаю. Одновременно со мной в воздух поднимаются два защитника. Но даром у Бориса Андреевича Аркадьева долгие годы мы учились искусству ударов головой, даром посвящали этому долгие часы тренировки. Мастерство, добытое трудом, всегда отблагодарит тебя в трудную минуту. Сейчас, успев опередить соперников на какую-то долю секунды, я бью в угол. Могу вас заверить, что это был сильный удар. Вратарь в броске достал мяч, но не смог удержать его. 4:5!

Дорогие друзья-читатели! Поверьте, если в тот день вы не были на стадионе в Тампере, вам не представить,

что там творилось. Наши запасные игроки потом рассказывали, что многие зрители — а ведь это были в своем большинстве невозмутимые северяне — стали подбрасывать вверх шляпы, пиджаки, плащи... Из-за сплошного рева нельзя было расслышать слов бегущего рядом товарища.

Все вокруг кипело страстью, а мы бежали к центру поля", чтобы скорее начать. Ведь теперь время тоже было нашим соперником. Вперед, быстрее вперед!

Опять нарастает наше давление. Василий Трофимов, идущий по краю, чуть отпустил мяч. Югославский защитник совершенно откровенно я недвусмысленно отправляет его в аут, далеко на трибуны. Расчет прост: пока его вернут в поле, пройдет тридцать-сорок секунд, собьется темп. Все это очень правильно, однако очень неспортивно. Но наши соперники уже не считаются с этим. «Не до жиру — быть бы живу». Они еще и еще раз бьют по аутам, задерживают выбивание бокового. Дело доходит до того, что английский судья Эллис останавливает игру и делает строгое предупреждение.

А время бежит. За пять минут до конца штанга отражает сильнейший удар Николаева. Затем мяч, пробитый мной, проходит прямо над перекладиной. Остаются четыре минуты, три, две, одна... Свалка у ворот. Прорвавшегося Марютина сбивает с ног вратарь, они оба падают, а мяч медленно катится в ворота. Я уже кричу от радости, но в самое последнее мгновение один из защитников в неимоверном прыжке выбивает мяч за ворота.

Последний угловой. Двадцать девять секунд до конца. Последняя надежда. Подает Трофимов. Все нападение закрыто. Василий отбрасывает мяч за штрафную площадку, его принимает набегающий полузащитник Александр Петров и пушечным ударом вбивает гол. Я вижу, как вратарь, не дотянувшийся до мяча, лежит на земле и от злости стучит кулаками. И вижу, как Эллис поднимает две руки. Конец! Счастливый, неожиданный конец.

Впрочем, какой там конец! Ведь по олимпийским правилам в матче обязательно должен быть выявлен победитель. И сейчас будут назначены дополнительные тридцать минут.

Судья подходит к капитанам и предлагает играть не делая перерыва: уже темнеет, а на стадионе нет искусственного освещения. Соглашаемся сразу.

Мяч снова вводится в игру. Играли мы теперь тоже хорошо, но не так. Считали, что самое трудное уже позади. Уравняв, казалось бы безнадежный, счет, озадачив самоуверенных югославских футболистов, мы сами попали в плен самоуверенности. Мы больше думали о том, что уже сделано, а не о том, что нужно сделать. И это погубило нас... Не скрою, мы имели неоспоримый территориальный и игровой перевес в дополнительной тридцатиминутке, но использовать его не смогли. Даже сейчас, десять лет спустя, тоска сжимает сердце, когда вспомнишь, как много моментов мы не использовали. Я пробил в штангу. Валя Николаев метров с шести-семи послал мяч прямо во вратаря. Саша Петров и Константин Бесков тоже угодили в штангу. Ах, если б не эта штанга! Но виновата, конечно, не она... Мы играли уж очень скученно, очень нервозно, и результат остался неизменным — 5:5. Предстояла еще одна игра. Футбольной драме предстояло быть в трех действиях, и это третье, последнее, действие нужно было разыграть на следующий день.

И на этот второй матч с югославами мы выходили с желанием обязательно добиться победы. За двадцать четыре часа отдыха мы успели многое понять, многое передумать. Решено было, если, конечно, это удастся, сразу захватить инициативу, атаковать с первых минут, подключая для этой цели обоих полузащитников.

— Нужно постараться сразу же добиться успеха, прочно захватить центр поля, заставить противника обороняться,— говорил нам на установке наш тренер Аркадьев.

Поначалу все шло по плану. Мы прочно заперли соперников в зоне штрафной площади, и на 6-й минуте мне снова удалось забить гол. 1:0 — впервые за два дня в счете повела наша команда. Однако через тринадцать минут югославы проводят ответный мяч. А еще через десять минут на поле произошел трагический для нас случай. Кто-то из югославских полузащитников навесил мяч на штрафную площадь. Здесь не было ни одного нападающего команды соперников. Анатолий Башашкин размахнулся для удара, но в этот момент мяч, уда-

рившись об неровный участок поля, отскочил в сторону и попал нашему защитнику в руку. И хотя не было никакой реальной угрозы воротам, хотя каждому мало-мальски знакомому со спортом было ясно, что это досадная случайность, не влияющая на течение борьбы, англичанин Эллис, судья, бесспорно, хороший, творчески мыслящий, на этот раз оказался педантом. Он назначил одиннадцатиметровый удар. Бобек пробил сильно, точно. И счет стал 2:1.

Мы пережили трудный матч с Болгарией. Мы вырвали ничью при счете 1:5. Но этот глупый случай надломил наши силы. А когда после перерыва во время острой атаки соперника тот же Толя Башашкин случайно вбил мяч в свои же ворота, стало ясно, что это конец...

Я специально уделил так много места описанию этой страницы нашей футбольной биографии. К сожалению, до сих пор о ней писали очень мало и очень стыдливо, как о чем-то недостойном. Более того, игроки сборной были встречены после Олимпиады весьма сдержанно, а команда ЦДСА, на базе которой создавалась сборная, была расформирована. Борис Андреевич Аркадьев, один из лучших наших тренеров, фактически оказался отстраненным от работы. Все это было не чем иным, как проявлением культа личности в спорте.

Поэтому сейчас, в радостные и светлые дни, я считаю своим долгом, делом своей чести реабилитировать в глазах общественного мнения сборную 1952 года и все, что она сделала.

Во-первых, я уже отмечал выше, что сборная формировалась наскоро, в пожарном порядке и, по существу, не имела времени для нормального учебно-тренировочного режима.

Во-вторых, нельзя забывать, что это было наше первое за всю историю советского футбола выступление в официальном международном турнире вообще и на олимпийских играх в частности.

В-третьих, в упорной и равной борьбе мы уступили сильнейшей югославской сборной, ставшей впоследствии финалистом олимпийского турнира. И хотя мы выбыли из соревнований — от проигрыша никто не гарантирован, — славы и репутации советского футбола не уронили. Об этом красноречиво свидетельствуют высказывания зарубежной прессы.

Вот что, например, писал швейцарский обозреватель Ватель: «Кто бы мог подумать, что русские сумеют избежать поражения при счете 5 : 1 в пользу югославы за пятнадцать минут до финального свистка! Каким хладнокровием, какой волей к победе надо обладать, чтобы выправить казалось безнадежное положение!..» Корреспондент финского радио после матча, закончившегося со счетом 5 : 5, передал в эфир: «Русские играли великолепно. Это команда очень высокого класса». А газета «Юманите» в своем футбольном обозрении писала: «Хотя советская сборная проиграла, она оставила очень сильное впечатление. Матч, сыгранный ею с сильнейшей в истории Югославии сборной, несомненно, войдет во все учебники футбола как образец выносливости, мужества, ошеломляющей скорости. Да, русские проиграли. Но их сборную сегодня можно сравнить с сапером, взорвавшимся при разборе неизвестной мины, но успевшим объяснить товарищу тайну действия взрывателя. И кто знает, может быть, опыт, приобретенный советскими футболистами на земле Суоми, поможет им в далеком Мельбурне».

Можно лишь добавить, что это предсказание оказалось пророческим. Сборная СССР в 1956 году стала олимпийским чемпионом. В ее составе сражались вместе с молодежью Анатолий Башашкин и Игорь Нетто, два ветерана, два бойца старой гвардии, прошедшей испытание огнем в маленьком финском городке Тампере.



„НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ...“

Глава, из которой явствует, что мы хорошо поняли эту пословицу, выступая на чемпионате мира.

оккей с шайбой все прочней и прочней входил в нашу спортивную советскую жизнь. Еще совсем недавно зрители с любопытством и удивлением рассматривали причудливо одетых спортсменов, и необычно маленькое поле с высокими бортами, и такие низкие, узкие ворота, что казалось, в них совсем

невозможно забить гол... Все, что когда-то было новым, теперь уже считалось само собой разумеющимся. Даже в тысячах дворов можно было увидеть мальчишек, с усердием гонявших шайбу. Игра становилась нашим национальным достоянием, она завоевывала огромные симпатии. А это всегда, как правило, ведет к повышению мастерства, к появлению новых талантов, к обильному притоку в ряды команд талантливой молодежи.

Все интереснее, все напряженнее проходили чемпионаты страны. В 1950 году за звание чемпиона боролись уже двенадцать команд. Впервые вошли в группу сильнейших московский «Локомотив», «Динамо» (Свердловск), «Даугава» (Рига), «Большевик» (Ленинград).

Появились и новые имена. В команде ЦДКА в этом сезоне впервые заиграл Николай Сологубов, которому в дальнейшем суждено было стать одной из самых ярких звезд нашего хоккея. О нем еще пойдет речь впереди. В этом же сезоне впервые начали играть за армейский коллектив Владимир Елизаров и Дмитрий Уколов. Последний уже через год был включен в основной состав сборной страны и проявил себя с самой лучшей стороны. Много способной молодежи было и в других командах.

Из года в год росло напряжение встреч, оттачивалось мастерство команд и игроков, накапливался все больший опыт.

Росли коллективы, росли и люди. Каждый из нас был далеко не только спортсменом, но прежде всего гражданином своей великой страны, ее слугой и одновременно ее хозяином. Каждый из нас всегда думал о том, чтобы сделать что-то хорошее для Родины, стремился поступать так, как она учит.

В наших армейских коллективах — футбольном и хоккейном — подавляющее большинство людей являлось офицерами Вооруженных Сил. Мы каждый день и час видели, как неизмеримо растут наша армия, авиация и флот, какой новейшей, первокласснейшей техникой оснащает их советский народ. Для того чтобы управлять ею умело, нужны были огромные знания, богатейшая эрудиция, высокая культура. И многие товарищи решили пойти учиться. Стал и я слушателем Краснознаменной Военно-воздушной академии Советской Армии.

В наших Вооруженных Силах физкультуре и спорту уделяется большое внимание. Воздушная академия,

куда я пришел учиться, могла бы служить в этом отношении примером. Она располагала очень хорошей спортивной базой. Прекрасный, утопающий в зелени стадион с двумя игровыми футбольными полями, площадки для волейбола, баскетбола, тенниса, городков, плавательный бассейн, замечательный зимний зал — все располагало к физической культуре.

Нелегко труд слушателя академии. Напряженная теоретическая учеба, лабораторные занятия, семинары, учебные полеты и воздушные бои... Но как только выпадала свободная минута, подавляющее большинство офицеров шло заниматься спортом. В нем черпали мы силы для новых творческих свершений, он был для нас ни с чем не сравнимым веселым и полезным отдыхом.

Широко развит спорт и в других московских академиях. Ежегодно они разыгрывают между собой первенство по различным видам спорта. Сборные команды нашей Краснознаменной не раз оказывались победителями футбольных, хоккейных, баскетбольных и волейбольных турниров. Не раз в составе футбольной и хоккейной команд академии выступал и я. И это было тоже своеобразной и весьма полезной тренировкой к выступлениям на арене большого спорта.

В 1953 году в моей жизни произошло одно из самых больших, самых значительных событий. Меня приняли в ряды нашей родной партии. На общем собрании коммунисты-спортсмены спросили меня:

— Какое участие принимали в общественно-политической жизни коллектива?

И мне вспомнилась та большая, постоянная, разнообразная партийно-политическая работа, которая проводилась у нас в армейских футбольной и хоккейной командах и в которой мы все активно участвовали. Прочное партийное и комсомольское ядро — Нырков, Афанасьев, Меньшиков, Соловьев, Портнов и другие — все время держало нас в центре событий нашей советской жизни. В команде регулярно проводилась политическая учеба, выходила интересная, хорошо иллюстрированная стенная газета. Часто по приглашению тренера к нам приходили видные ученые, деятели литературы и искусства, инженеры, рабочие. Они рассказывали о всем новом, интересном, заслуживающем внимания, и это расширяло наш

кругозор, еще больше спланивало в единый, дружный творческий коллектив.

Шли годы, заполненные интересными играми, увлекательными соревнованиями, острейшей борьбой на хоккейных полях. И с каждым сезоном наша спортивная общественность с удовлетворением отмечала возрастающее мастерство советских хоккеистов. В этом не было ничего удивительного. Спортсменов ведущих клубов страны — я говорю о них, ибо наблюдал их ежедневно, — отличал огромный, не знающий усталости и самоуспокоенности тренировочный труд.

В те годы много говорили о нашей тройке, в которой долгое время вместе со мной сражались Евгений Бабич и Виктор Шувалов. Многие объясняли ее игру очень просто — удачным подбором от природы одаренных игроков. Нет ничего неправильнее и обиднее для нас такого мнения.

Сила тройки этой, как и многих других, определялась большой, очень серьезной и вдумчивой работой. Например, уже после окончания очередной тренировки мы обязательно оставались втроем на поле и учились бить по воротам. Мы совершали как минимум 300—400 бросков с различных мест площадки, из различных положений, под самыми различными углами. Товарищи, уходившие на отдых, частенко называли нас «фанатиками». Но именно этот фанатизм, эта искренняя влюбленность каждого члена тройки в игру и помогали нам добиваться того, чего мы хотим.

Нет, никакой талант без труда ничего не значит, ничего не сможет, ничего не добьется. Это очень и очень хорошо подтверждает один пример. В детстве, когда мы еще жили в Сестрорецке, я познакомился с парнишкой, которого все почему-то звали чужим и смешным именем «Боб». На самом деле это был никакой там не боб и не горох, а самый что ни на есть наш простой русский парень Борька Забегалин. Он играл в футбол и в хоккей, играл очень здорово. Еще раньше, чем меня и брата, его взяли из Сестрорецка в юношескую сборную области. Ленинградцы тех лет его прекрасно, наверное, помнят. Ему прочили славу звезды первой величины.

Действительно, играл Борька здорово, даже очень здорово, намного сильнее всех нас. Его стремительные рывки, смелые проходы, сильный удар с обеих ног, очень

остроумные финты всегда вызывали восхищение и у игроков и у зрителей.

— Молодец, Борька!

— Здорово, Забегалин! — неслось со всех сторон.

Эти неизменные похвалы вскружили голову парню. К тому же от природы он был удивительным лентяем. На тренировки ходить он отказывался, а если и приходил, то баловался.

— Вот еще, буду я ломаться. И так сыграю, — высокомерно заявлял он тренеру, когда тот настаивал на том, чтобы Забегалин напористо работал.

Прошли годы. Мальчишки, смотревшие на Борьку Забегалина с завистью и восхищением, в результате упорного труда выросли в больших мастеров и научились обращаться с мячом куда лучше, красивее и изящнее, чем их вчерашний кумир. А «Боб» остался на бобах. Лень подвела. И большой талант так и угас, не вспыхнув ярким пламенем. Думаю, что мораль тут ясна.

В дальнейшем я еще вернусь к описанию нашей тройки, ее метода игры. Но об одной характерной особенности звена армейской команды и сборной страны хочется сказать уже сейчас. Ее особенностью была большая, очень трогательная, скупая на слова, но, могу вас заверить, верная мужская дружба.

Мы часто ходили вместе в кино, бывали друг у друга в семьях, ездили в отпуск вместе... И это помогало нам узнать тонкости характера товарища, его любимые привычки, даже характерные движения, даже выражение лица в радости и печали...

Кстати, о дружбе. Являясь фундаментом наших взаимоотношений в жизни, она являлась, на мой взгляд, величайшим вкладом в силу и мощь той команды, за которую мы выступали. Вот мой совет всем: если вы хотите, чтобы ваша команда побеждала, если вы желаете ей добра—относитесь хорошо к товарищам. Что я имею в виду под этим? Вот что.

Если, например, в результате коллективных усилий команды атака оказалась успешной, а завершить ее, забросить шайбу доверили вам, то у всей остальной пятерки должна быть полная уверенность, что вы хотите разделить выпавший на вашу долю успех со всеми. Может быть, стоит подъехать и пожать руку тому, кто отдал вам умный пас, может быть, просто похлопать по плечу това-

ришей — в конце концов, форма не важна. Важно, чтобы каждый отмечал вклад других и все вместе отмечали усилия каждого. Такое поведение способствует поддержанию коллективизма, хорошего и постоянного взаимодействия. Если же заслуга тех, кто подыгрывает, кто создает возможности, будет каждый раз оставаться незамеченной, то они невольно будут чувствовать некоторое неудовлетворение и, вольно или невольно, это скажется отрицательно на характере командной игры.

Это одна сторона дела. Нельзя не сказать и о другой. Бывает так, что вы один, два, три раза удачно выходите на ворота, занимаете удобную позицию, но не получаете передачи. Если вы хотите добра своей команде, никогда не выражайте неудовольствия по этому поводу и тем более не устраивайте, как это иногда бывает, открытых демонстраций. Это сразу может испортить все дело: начнутся раздоры, взаимные обиды... «А что же делать, если я отлично играю без шайбы и десятки раз выхожу на очень удобную позицию, а меня упорно не видят?» — можете спросить вы. Подъезжайте спокойно к своим товарищам и тихо подскажите им их ошибки, объясните, что вы можете внести свой вклад в успех команды, попросите, пусть лучше смотрят. Но все это — спокойно, сдержанно, по-товарищески. Не забывайте этого неуклонного правила. Сделайте его законом своего поведения на льду.

Все, что я советую вам, — не плод досужих размышлений, а результат большого опыта, многих наблюдений, сделанных за годы спортивной практики.

Да, все мы набирались опыта, все изо дня в день мечтали о том дне, когда сможем выйти на арену больших, официальных международных соревнований. Наконец этот день, а точнее, этот год наступил. 1954 год. Было принято решение об участии советской сборной в очередном чемпионате мира и Европы. Нужно ли говорить, как мы были счастливы и вместе с тем как несказанно взволнованны. Во всех командах оживленно обсуждались перспективы, предстоящего участия в соревнованиях. Оживленно дебатировался вопрос: можем ли мы претендовать на какое-нибудь приличное место или нет?

— Канаду нам, конечно, не обыграть, а вот кого-нибудь из европейских китов — скажем, Чехословакию или Швецию — напугать можем, — то и дело прикидывал Вик-

тор Шувалов. — Как ты думаешь, Сева, можем? — тут же уточнял он.

— Бросьте вы, ребята, как гадалки, причитать: можем — не можем. Нужно готовиться.

Да, нужно было готовиться — настойчиво, упорно, самоотверженно.

Уже в ноябре наша сборная выехала в Чехословакию, к своим старым и верным друзьям, чтобы с ними, встречаясь в товарищеских матчах, вместе готовиться к предстоящей борьбе. Эта поездка тогда представлялась особенно полезной потому, что у нас в стране еще не было хорошего летнего катка, а у наших друзей они имелись. Значит, задолго до наступления морозов можно было понастоящему попробовать свои силы.

Первая встреча состоялась в Праге, на прекрасно оборудованном, до отказа заполненном зрителями Зимнем стадионе. Мы вышли на поле первыми, а вслед под дружные аплодисменты всего стадиона появились хозяева с огромными букетами живых цветов. К микрофону подошел один из сильнейших игроков Чехословакии, ее капитан, Властимил Бубник.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Мы всегда несказанно рады приезду советских друзей. Но сегодня эта радость двойная. Ведь через два дня у наших товарищей из Москвы большой и радостный праздник — день Великой Октябрьской социалистической революции. Это и наш с вами праздник. Ибо свет Октября озарил нашу жизнь, указал Чехословакии новый, радостный и счастливый, путь. Пусть же вечно светит нашим народам звезда великой революции. Пусть крепнет наша дружба!

Нужно было видеть в ту минуту Зимний стадион древней Праги. Все встали и, взявшись за руки, долго скандировали простые, знакомые каждому, от сердца идущие слова:

— Москва! Прага! Дружба!

Потом над трибунами разразился шквал аплодисментов — неудержимый, все нарастающий. А мы стояли на льду, высоко подняв букеты алых цветов. Как хотелось в эту минуту крикнуть всем этим людям от души:

— Спасибо, братья! Мы навеки с вами.

Состязание в тот раз началось с опозданием, но никто об этом не жалел. Никто.

После сигнала судьи мы бросились вперед, введя в бой главное оружие — скорость. Наши соперники, по-видимому, не успели подготовиться к такому темпу и сразу же позволили нам создать несколько острейших моментов. Вот уже и первая шайба — в их воротах, за ней — другая. Мы выигрываем первый период со счетом 2:0.

В этих матчах из-за травм я не принимал участия как игрок на поле и, сидя рядом с тренером, мог наконец-то посмотреть на игру нашей сборной со стороны, спокойно, как зритель. Должен сказать, что, несмотря на начало сезона, на несыгранность отдельных линий (в нашу тройку, например, был подключен совсем еще молодой тогда Юрий Пантюхов, которому не доводилось играть с Шуваловым и Бабичем), команда производила очень хорошее впечатление.

Особенно понравилась мне ее игра во втором периоде — и это несмотря на то, что именно он был проигран со счетом 2:3. Но дело в том, что в эти двадцать минут чехословацкие хоккеисты бросили на чашу весов все свое умение, всю силу воли и мастерства, желая во что бы то ни стало сравнять результат. Они рвутся вперед всей командой, поддерживаемые неистовым ревом трибун. Пражские зрители беспредельно влюблены в хоккей и не хотят видеть свою сборную проигрывающей.

— До-то-го!

— До-то-го! — несется со всех трибун клич, зовущий спортсменов вперед.

И чешские спортсмены забивают одну ответную шайбу, потом — вторую. Публика ликует. Но рано. Наши находят в себе силы забить еще одну шайбу. Хозяева поля опять уравнивают счет — 3:3. И лишь перед самым концом периода впервые введенный в состав сборной двадцатидвухлетний Иван Трегубов сильным ударом издалека снова выводит вперед свою команду. 4:3!

Напряжение второго периода, высокое мастерство нашей команды сделали свое дело. Хозяева явно устали, их боевой задор увял, а силы иссякли. После отдыха они выглядели куда слабее и одну за другой пропустили три шайбы. Общий счет поединка — 7:3 в нашу пользу. Отличная победа!

День 7 ноября мы встретили в Праге. С утра вместе с нашими товарищами по спорту, игроками чехословацкой сборной, были на демонстрации. Мы шли в колонне

трудящихся, пели песни, плясали вместе с нашими новыми знакомыми — пражскими рабочими,—на мгновение забывали, что находимся не в Москве. Так все тепло, по-братски было вокруг. Потом был товарищеский обед. И хотя за столом не было ни капли спиртного, мы провозгласили тосты за наши страны, за наши народы, за наши партии.

Девятого матч в Остраве, потом в Братиславе. Оба они закончились вничью — 2:2. Хозяевам так и не удалось взять реванш.

В феврале, перед самым чемпионатом, сборная Чехословакии нанесла нам ответный визит. На этот раз в ее составе было все самое лучшее, что имела эта страна. Вернулся в строй после болезни Владимир Забродский, к прекрасно игравшему Властимилу Бубнику подключился его брат — Вацлав. Отлично проведя матч, они на этот раз добились победы со счетом 5:3. Правда, в нашей команде было много игроков второго состава.

Но вот вся подготовка закончена. 19 февраля мы вылетали в Стокгольм. Проводить нас на Внуковский аэродром столицы пришли товарищи по спорту, родные, знакомые.

— Смотрите не подкачайте!—кричит кто-то, когда мы уже шли по бетонке к ожидающему у начала взлетно-посадочной полосы самолету.

Да нам и самим очень хотелось не подкачать. Но что понимать под этим словом? Как играть? Что нас ждет? Какие они — непобедимые канадцы? Эти и многие другие вопросы волновали нас.

Один за другим поднимаются товарищи по трапу. Евгений Бабич, Михаил Бычков, Александр Виноградов, Алексей Гурышев, Павел Жибуртович, Борис Запрягаев, Александр Комаров, Юрий Крылов, Валентин Кузин, Альфред Кучевский, Григорий Мкртчян, Борис Петелин, Николай Пучков, Генрих Сидоренков, Иван Трегубое, Александр Уваров, Дмитрий Уколов, Николай Хлыстов, Александр Черепанов, Виктор Шувалов... Каждому из этих парней Родина доверила защищать свою спортивную честь. О чем они думают сейчас? Впрочем, долго копаться в этом вопросе нечего. Все мы думаем об одном: надо сыграть хорошо!

Стокгольм встретил нас не по-зимнему мягкой, почти теплой погодой. На аэродроме — десятки корреспондентов

тов. И у каждого — десятки вопросов. Мне, как капитану команды, достается особенно:

— На какое место надеется ваша сборная?

— Мы согласны на любое, какое нам позволят занять, — отшучиваюсь я.

— Чем объяснить ваш последний проигрыш чехам?

— Хорошей игрой чехословацких спортсменов и недостаточной хорошей нашей подготовкой к матчу.

— Что вы можете сказать о канадцах?

— Только одно: мы их почти не знаем.

На следующий день одна из газет, приведя этот диалог, писала: «Русские отказываются от серьезного разговора». Мы искренне смеялись. Ну разве можно быть серьезным, когда тебе задают такие совсем несерьезные вопросы.

Разместились в очень удобной, современной гостинице «Мальме». Не успели распаковать чемоданы, как заходит наш старший тренер Аркадий Иванович Чернышев, говорит:

— Ребята, через сорок минут канадцы играют тренировочный матч со сборной Швеции. Поедем?

— Конечно! — вскричали все мы в один голос.

На специально прикрепленном к нашей делегации автобусе добрались очень быстро. Команды еще проводили разминку. Прежде всего мы обратили внимание, что трибуны для зрителей едва заполнены на одну треть. В чем дело? Мы сразу представили Москву. У нас на таком состязании, как говорится, яблоку негде было бы упасть.

— Неинтересно разве? Не любят у вас смотреть хоккей? — спрашиваем у соседа, жителя шведской столицы.

— Очень интересно. А хоккей у нас любят больше всех игр, — отвечает он. — Только билеты дорогие, не каждому они по карману, господа...

Вот оно оказывается что. Так происходит первое столкновение с капиталистической действительностью. Спорт тут тоже преимущественно для богатых.

Когда по радио объявили составы, по рядам прошел гул. Оказывается, хозяева поля выступали без целого ряда своих ведущих игроков. Гул этот перерос сначала зрелый ропот удивления, потом восхищения, когда шведские хоккеисты, не боясь громких титулов и громкой славы заокеанских гостей, решительно бросились в атаку. Вот уже одна шайба в воротах канадцев, вторая, третья...

Только после этого кандидаты в новые чемпионы мира заиграли более активно. Нас больше всего поразило их высокое умение играть корпусом и большое искусство меткого броска. Буквально за несколько минут они забили три ответных гола. Счет стал ничейным. Но после этого шведы вновь предприняли ряд острых атак, зажали соперников в зоне и выиграли — 5:3.

На следующий день проигрыш фаворитов стал главной сенсацией. Газеты на первых полосах давали отчеты об этом поединке. Жирные «шапки» красноречиво спрашивали: «Так ли сильны канадцы?», — кричали: «Шансы национальной сборной расцениваются высоко», — предупреждали: «Канадцы темнят. Не верьте им».

Через два дня состоялось повторное состязание Канада — Швеция. Этот матч стоит того, чтобы вспомнить о нем более подробно. Он показал нам изнанку буржуазного спорта, его неприкрытый цинизм, умение не брезговать никакими средствами ради достижения цели.

Дело в том, что канадцы решили на этот раз во что бы то ни стало взять реванш, поднять тем самым свой престиж и нагнать страх на всех предстоящих соперников. Но игра вначале пошла не по задуманному ими плану. С первым свистком шведы бросились в атаку и, разыграв молниеносную комбинацию, открыли счет. На трибунах это вызвало, естественно, бурю восторга. Игра пошла под непрерывный аккомпанемент отнюдь не стеснявшихся в изъяснении своих чувств зрителей. Вскоре гостям удастся провести ответную шайбу. Это еще более накаляет обстановку. Несколько, острых атак канадцев срывает отлично играющая защита хозяев поля. И тогда гости начинают грубить — откровенно, зло. Я видел, как один из канадцев открыто ударил противника клюшкой по спине.

Проходит несколько минут. Очередная свалка у ворот. Канадцы сбивают с ног одного из защитников и начинают... бить его коньками. Судьи наконец-то останавливают игру, удаляют двух игроков сборной Канады с поля на две минуты. Решение оправданное, даже очень мягкое. Канадцам оно не нравится. Они обступают судью, кричат на него, жестикулируют. Зрелище совершенно недостойное спортивного соревнования.

Но судья, несмотря ни на что, остается непреклонным. И тогда тренер канадцев уводит свою команду с поля в

раздевалку. Это, естественно, вызывает возмущение зрителей. В течение десяти минут над стадионом стоит ни с чем не сравнимый оглушительный свист. А в это время под трибунами канадцы ведут возмутительный торг, требуя отмены решения судей. Наконец их кое-как удается уговорить. Игра продолжается. Но настроение уже испорчено — и у зрителей и у шведских хоккеистов. Может быть, в значительной степени этим объясняется, что к концу матча они фактически прекратили сопротивление и проиграли с разгромным счетом 3:12.

Кстати, эта победа породила серию высокомерных высказываний заокеанских спортсменов. Так, например, их капитан заявил представителям газет:

— После крупной победы над сборной Швеции мы не видим здесь серьезных противников и считаем, что выиграем первое место и звание чемпионов.

Согласитесь сами, что такое высказывание выглядит не очень-то скромным.

Готовясь к старту в чемпионате, мы тоже провели ряд тренировок и товарищескую встречу со стокгольмским клубом АИК. Выиграли ее со счетом 6:0. На следующий день пресса широко осветила исход этой встречи, поместив много различных фотографий и большие отчеты своих спортивных обозревателей.

«Наше первое знакомство с русскими хоккеистами, — заявляла «Свенска дагбладет», — ставит нас перед вопросом: как они могли за такой короткий срок получить такую хорошую школу? Ведь они играют в хоккей всего семь лет. Но когда дело касается русского спорта, ничему не приходится удивляться».

Еще целую неделю мы видели себя во всех газетах шведской столицы. Корреспонденты ловили нас за обедом, на тренировке, на улицах города, а какой-то особо пронырливый репортер даже умудрился заснять Павла Жибуртовича... в ванне.

Но вот, наконец, наступил долгожданный день 26 февраля — день открытия чемпионата. Он превратился в большое торжество. На Королевском стадионе Стокгольма на морозном ветру полыхали флаги восьми государств, приславших свои команды на первенство. Участников парада приветствует президент Шведского олимпийского комитета наследный принц Бертиль. Затем с речью выступает президент Международного союза хок-

кеистов швейцарец Фриц Краатц. Между прочим, он говорит, что участие в нынешних соревнованиях сборной команды Советского Союза делает их особо представительными и значительными.

Окончена официальная часть. И вот уже на лед вызывается первая пара: Чехословакия — Швейцария. Мы внимательно следим за игрой наших предстоящих соперников. В хорошей форме чехи. У них сильно играет боевое ядро: Властимил и Вацлав Бубники, Владимир Забродский, Бацилек, Тут. Но остальные по классу ниже своих товарищей. Это, несомненно, уязвимое место команды.

После первого периода уходим снаряжаться. В раздевалке царит сосредоточенное молчание. Ведь хорошо, правильно одеться — это тоже чрезвычайно важно для спортсмена. Нужно все подогнать так, чтобы форма и защитное снаряжение лежали удобно, чтобы ботинки были идеально зашнурованы и достаточно плотно завязаны, сообщая ноге необходимую устойчивость. Чтобы, наконец, каждая складка на форме, на носках была аккуратно разглажена. Во-первых, это избавит от каких-либо неудобств, а может быть, и от более неприятных вещей. Я, например, знаю случай, когда один очень известный игрок оделся перед матчем небрежно, не расправил носок и так натер себе ногу, что в третьем периоде не смог выйти на поле.

Но, что еще важнее, старательное одевание, любовь к своему спортивному костюму дает спортсмену необходимую психологическую окраску, создает необходимое игровое настроение. Это можно сравнить вот с чем. Вам, вероятно, приходилось в праздники надевать свой новый, самый лучший костюм. И вы сразу чувствуете себя как-то выше, торжественнее, вам хочется, чтобы каждый ваш шаг был красивым и правильным. Вот таким новым, праздничным костюмом должна быть для игрока его спортивная форма.

Я хорошо помню, как наша тройка готовилась к каждому матчу. Мы даже клюшки свои прилаживали накануне часами. Старательно обматывали изоляционной лентой, строго в тех местах, где привыкли держать руки, примеряли, правильно ли все, никогда не ленились переделывать...

Иногда нас опрашивали:

— И охота вам так возиться? Ведь эти клюшки через пять минут поломаются!

Мы отвечали на это очень просто:

— Человек, который задает такой вопрос, показывает, что он не любит игру. Все в спорте должно быть прекрасно, все должно его настраивать на красивую игру, все должно способствовать ей...

Наш первый соперник на чемпионате — команда Финляндии. Она упорно сопротивляется, показывая грамотную и довольно жесткую игру в защите. Чувствуем, что ей явно не хватает скорости: наши нападающие все время легко обходят своих соперников. Счет забитым шайбам открывает Александр Уваров. Это ветеран нашего хоккея, принимавший участие еще в первых, самых первых, соревнованиях семь лет тому назад. Вместе со своими товарищами по команде московского «Динамо» он был первым чемпионом страны. За прошедшие годы вырос в большого мастера. Мы все знаем его как очень тонкого стратега, опытного дирижера в своей тройке.

Общий результат встречи — 7:1. Что ж, для начала совсем неплохо.

Остаемся посмотреть канадцев. Они значительно обновили состав по сравнению с тем, который выставляли на товарищеские встречи. Вызвали нового вратаря, защитника и тройку нападающих. Команда заиграла куда серьезнее и сдержаннее в смысле дисциплины. Высокая техника спортсменов, их умение вести игру на больших скоростях, отличная игра корпусом произвели на каждого из нас большое впечатление.

Нужно тут же сказать, что ни одной игры с участием канадцев мы не пропустили. Тренеры Аркадий Иванович Чернышев и Владимир Кузьмич Егоров заставляли нас изучать буквально каждого игрока этой команды, которую вся пресса называла бесспорным кандидатом в чемпионы. По утрам, собираясь вместе на технические летучки, мы докладывали о своих впечатлениях, делились мыслями и планами, сообща думали над тем, как сражаться, что противопоставить этому несомненно сильному боевому коллективу игроков.

Совершенно по-иному относились к нам канадцы. Они пришли посмотреть игру советской сборной только однажды, с шумом заняли места на трибунах и с еще большим шумом, очень похожим на демонстрацию, покинули

стадион минут через двадцать. На следующий день все стокогльмские газеты поместили фотографии, запечатлевшие этот эпизод, с подписями примерно такого содержания: «Играет советская команда. Канадцы уходят со стадиона. Им нечему учиться у русских». Так афишировалось ни с чем не сравнимое высокомерие и зазнайство заокеанских спортсменов. Но эти качества еще никому и никогда не сослужили хорошую службу в спорте.

А соревнования шли своим чередом. Мы последовательно выигрывали у своих менее опасных противников: Финляндии, Западной Германии, Норвегии. Играли с ними и канадцы. Причем они всеми силами стремились добиваться как можно большего счета. У команды Финляндии, например, они выиграли с баснословным результатом — 20: =1! Газеты назвали это «психологической атакой», предпринятой против всех основных конкурентов. Что ж, в какой-то мере это было правильно и даже оказывало свое влияние на некоторых наших игроков, но об этом я еще скажу впереди.

Наконец и для нас наступила полоса серьезных, очень ответственных испытаний. Первый матч из серии трудных — со сборной Чехословакии. Сколько раз мы уже скрещивали клюшки на ледяных полях. Но то все были, по существу, ни к чему не обязывающие товарищеские состязания, а здесь — борьба за мировую корону. Как-то она сложится?

Чехи начали игру своей лучшей пятеркой. В борьбу на льду вступили Вацлав Бубник, Гут, Забродский, Данда, Властимил Бубник. Они специально ввели в первый эшелон Владимира Забродского, обычно игравшего в третьей тройке, чтобы сразу создать давление и полностью захватить инициативу.

Наши тренеры тоже нашли чем озадачить противника. На поле вышла очень сильная пара защитников Уколов — Кучевский и тройка нападающих Хлыстов — Гурышев — Бычков, славящаяся своим умением начинать игру в очень быстром темпе. Руководство решило, что этот состав сможет противостоять главной ударной силе чехов, измотать их темпом, а против менее подготовленных и уступающих основным силам игроков выступит наша первая тройка, которая, таким образом, получит возможность действовать более свободно.

Сразу же на льду разгорелся захватывающий поединок. Наша «реактивная» линия явно переигрывает своих соперников. Вот один на один с вратарем выходит Хлыстов, но шайба, с силой брошенная им, ударяется в штангу. Через минуту товарищи выводят на прорыв Алексея Гурышева. Он тоже один перед воротами и тоже — надо же, такое невезение! — бьет в штангу.

Смена составов. Теперь в атаку бросается вторая тройка. Но нас постигает неудача. Перехватив шайбу, чехи начинают контратаку из глубины. Видлак, нападающий чехословацкой сборной, неожиданно совершает бросок издалека. Мимо плеча Мкртчана шайба влетает в сетку ворот.

На лед выходит наша, как ее называют, первая тройка. Стремимся изо всех сил восстановить равновесие. Наконец мне удается на большой скорости обвести двух защитников — и счет уже 1:1. Он держится до перерыва.

Второй период. Мы атакуем — и снова неудача. В один из моментов, когда игра перешла на нашу сторону, Властимил Бубник получает шайбу за воротами, резко разворачивается и проталкивает ее в сетку между штангой и коньком Мкртчана. Во многих сражениях испытанный наш вратарь допустил две непростительно грубые ошибки. Диагноз был ясен каждому: волнение. Как ток по проводам, оно передавалось всем нам, вселяя в сердца неуверенность — самого страшного врага на поле.

Вот в этот момент мы и увидели, что Мкртчан по знаку тренера покидает площадку и на смену ему выезжает с виду несколько угловатый, непроницаемо спокойный Николай Пучков. Подъехал к воротам, по-хозяйски, деловито счистил клюшкой снег с черты, и тут же — свисток.

Снова закипела борьба. Снова бросились мы в бой. Только, признаюсь, успел я подумать: «Если уж более опытный Мкртчан не выдержал, то этот и того хуже сыграет».

Чехи, ободренные удачей, снова рванулись вперед. Они хотели во что бы то ни стало закрепить успех. Казалось, что вот-вот им это удастся. С 4 метров сильно бьет по воротам Властимил Бубник, но в самую последнюю долю секунды Николай каким-то чудом отбивает шайбу. Через некоторое время отчаянным броском в ноги про-

рвавшемся Забродскому наш молодой вратарь еще раз спасает команду от, казалось бы, неминуемого гола.

Спокойная, надежная, уверенная игра Пучкова вернула нам веру в свои силы. Когда раздался финальный свисток, счет был уже 5:2 в нашу пользу. Ни одной шайбы не пропустил Николай. В раздевалке ребята, отнюдь не склонные к сентиментальности, обнимали его, говорили:

— Молодец! Без тебя мы бы не выиграли!

С тех пор прошло более восьми лет. Много еще напряженных, ответственных игр провели мы с «Медвежонком», как иногда в шутку называли товарищи Николая Пучкова. Но именно тогда, в зимнем Стокгольме, увидели мы все, что он вырос в спортсмена, достойного носить имя первого вратаря страны.

Вырос? А как же он рос?

Я впервые увидел Николая в декабре 1949 года во время разминки перед матчем популярных в то время хоккейных команд ВВС и «Динамо». У летчиков тогда основным вратарем был игрок сборной страны, очень сильно выступавший Х. Меллупс, его иногда подменял Н. Исаев. И вдруг — новичок.

— Не знаешь, кто это? — спросил я у сидевшего рядом со мной на трибуне Николая Сологубова.

— Нет, не знаю. Но вижу: отчаянный парень, смелый.

Действительно, это качество Пучкова сразу же всем бросилось в глаза. Он тогда еще был совсем юнцом в хоккее, а в его ворота хлестал град шайб, посылаемых такими мастерами удара, как Ю. Жибуртович, Р. Шульманис, В. Шувалов... Но Николай ни разу не отвернулся от шайбы.

Уже через несколько лет во время одной из наших зарубежных поездок я спросил Пучкова, почему он выбрал для себя роль вратаря и в футболе и в хоккее. Ведь другого такого примера, пожалуй, и не найдешь. Владимир Никаноров был замечательным стражем ворот в футбол, но на хоккейном поле играл защитником. Лев Яшин одно время тоже сражался в хоккее, но предпочитал не отражать, а забивать шайбы — он был нападающим. И это понятно: ведь вратарь в каждой игре испытывает огромное нервное напряжение. Право же, стоит отдохнуть от него зимой или летом. Но, когда я высказал эту мысль Пучкову, он ответил:

— А мне нравится. Понимаешь, очень нравится чувствовать всегда эту особую ответственность за исход каждой встречи.

Тут мы подошли к еще одной чудесной черте этого человека — его исключительной влюбленности в спорт. Еще в детстве не было, пожалуй, такого вида, который бы не перепробовал Николай. Он сражался на ринге, выступал на беговой дорожке, играл в баскетбол. Был чемпионом школы, а затем одной из московских типографий, где работал печатником. Дома до сих пор у него хранятся значки первого спортивного разряда, которые он имел по боксу, акробатике, баскетболу, и значок мастера спорта по футболу.

О его футбольной биографии тоже стоит сказать несколько слов. На протяжении нескольких лет Пучков выступал вратарем в очень сильном коллективе Военно-Воздушных Сил. Забить ему мяч было трудно. Он обладал удивительной реакцией и прекрасным чувством места, что позволяло ему доставать многие «безнадежные» мячи. Лично я был свидетелем, как в одном матче Николай отразил два одиннадцатиметровых удара!

Но, конечно, истинной стихией Пучкова стал хоккей с шайбой. Здесь в полную меру раскрылись все его замечательные спортивные качества. Здесь всю раскрылся его большой, самобытный талант.

Однако не следует думать, что выдающееся мастерство пришло к Пучкову само по себе. Оно, как и всякое мастерство, далось ему ценой труда. Мы, игравшие рядом с ним, лучше всех знаем это.

Современная тренировка команд мастеров длится часами. Но после каждой из них Николай обязательно просил кого-нибудь из нас — игроков армейской команды — остаться и «пошвырять» ему шайбу. Мы не отказывали. Бросали. Однажды я поработал с ним около часа и, устав, отправился в душ. Иду домой и вижу, что Пучков стоит в воротах и отбивает удары ребят из клубной команды. Ну прямо как одержимый.

— Кончай уже! — крикнул я ему.

— Не торопи. Для вас же стараюсь! — весело крикнул он.

Невероятное трудолюбие, настойчивость — вот фундамент того большого спортивного мастерства, которое

он с таким блеском демонстрирует на протяжении многих лет.

В каждом спортивном поединке, сколько бы людей в нем ни участвовало, всегда отличишь одного или нескольких спортсменов, чья роль в достижении победы наиболее велика. И почти всегда в сражениях, которые вели сборная страны и команда ЦСКА, эта «особая роль» принадлежала Николаю Пучкову. Не случайно в Праге в 1959 году на очередном чемпионате ему был вручен приз лучшего вратаря мира.

Одного этого случая вполне бы хватило иному человеку для славы. А у Пучкова это лишь обычная страница большой и яркой биографии. Ведь Николай начал играть в хоккей с шайбой в 1950 году, через два года уже выступал за команду мастеров, в 1954 году стал чемпионом мира и заслуженным мастером спорта. Девятикратный чемпион Советского Союза, пятикратный чемпион Европы, дважды чемпион мира и чемпион олимпийских игр — подумайте, сколько игр за его плечами!

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не сказал о Николае хотя бы несколько слов как о человеке, о товарище. Он всегда поражал нас всех своей неиссякаемой бодростью, душевной теплотой. Страстный любитель музыки и книг, человек, рвущийся к знаниям, — вот таков в обычной жизни лучший вратарь страны.

Да, лучший. Сейчас Николаю Пучкову 33 года. Кое-кто уже начинает поговаривать о его «старости». Мне хочется заметить по этому поводу, что уже не раз нашему спорту наносили ущерб люди, пытавшиеся определять возраст спортсмена количеством прожитых лет. Форма, тренированность, физическая подготовка — вот критерий в этой области.

Я уже давно не играю с Николаем рядом. Но мне лично кажется, что он не потерял своих лучник боевых качеств. И я уверен, что еще не раз увижу его на ледяном поле — в кипении жарких хоккейных схваток. Там, именно там, его стихия...

Вот написал еще об одном своем товарище и подумал: как летит время! Уже нужно «защищать» его от старости. А тогда, в Стокгольме, он был чуть ли не самым молодым среди нас...

Но вернемся к Стокгольму 1954 года. Итак, матч с

Чехословакией мы выиграли — 5:2. Это была очень важная и очень воодушевившая нас победа.

Пресса высоко оценила наш успех. Во всех газетах было помещено заявление президента Международной федерации хоккея доктора Крааца, который сказал:

— Победа русских над сильнейшей командой Чехословакии не является неожиданностью. Я давно слежу за успехами советских хоккеистов.

Матч с Чехословакией был закончен. Наскоро помывшись, мы буквально прибежали на трибуны, чтобы посмотреть одну из центральных встреч: Канада — Швеция. Но уже на первых минутах увидели, что хозяева поля проигрывают: они избрали с самого начала явно неверную, пассивную тактику, надеясь переиграть противников в обороне. А когда пропустили несколько шайб и пытались на ходу перестроиться, было уже поздно. В итоге крупный проигрыш — 0:8.

В этом матче канадцы играли совсем по-иному, чем в товарищеских матчах: меньше откровенно грубили и больше работали. Мы увидели одно из их самых сильных качеств — умение всех без исключения игроков мгновенно переходить от нападения к обороне и наоборот. Хорошо на этот раз, не переходя рамок дозволенного, провели они силовую борьбу. Облик будущего соперника вырисовывался перед нами все отчетливее.

Через день сборная Канады выиграла у Чехословакии с «нашим» счетом — 5:2. Чехи играли сверх всяких похвал и, несомненно, добились бы лучшего результата, но их подвели вратари. Сначала Рихтер пропустил две легкие шайбы. При счете 1:3 его заменили на Калоуха. Владимир Забродский проводит еще одну шайбу.. 2:3, и спортсмены Чехословакии буквально сидят на воротах противника. Кажется, вот-вот счет будет выровнен. Но Калоух не замечает дальнего броска канадцев. Этот грубый промах надломил наших друзей, и они как-то сразу сникли. Да, велика роль вратаря в каждой игре.

В тот же день мы встречались со сборной Швеции. Нужно сказать, что хозяева поля очень серьезно готовились к игре с нами и не скрывали этого.

— Наша мечта хорошо сыграть с советской сборной, — заявил представителям печати их капитан Свен Юханссон, известный не только у себя на Родине, но и

миллионам советских болельщиков. — Мы наметили себе план, по которому должны выиграть или у России, или у Чехословакии.

Нужно сразу Сказать, что этот план шведские спортсмены в тот раз перевыполнили.

Встреча с «ими была для нас едва ли не самой трудной. Хорошую игру показал вратарь шведской сборной Изаксон. Он спас своих товарищей от целого града шайб. Умело организуя оборону, шведские хоккеисты очень резко встречали наших нападающих корпусом, сбивая темп. Два периода кончились безрезультативно — 0:0.

На 1-й же минуте заключительной двадцатиминутки Г. Юханссон забивает нам шайбу. И тут же начинает резко портиться погода. Сначала пошел дождь, потом повалил густой мокрый снег. Через шесть минут после начала периода судьи вынуждены остановить игру и попросить администрацию расчистить площадку: матч продолжать невозможно, — шайба застревает в сугробах.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, шведы решают удержат счет любой ценой. Вся их пятерка сгрудилась у ворот. Стадион гудит, поддерживая своих спортсменов. В такой тяжелейшей обстановке мы ведем непрерывный штурм, а счета нет. Наконец за шесть минут до конца наша тройка разыгрывает удачную комбинацию, и Шувалов бьет в угол. Я вижу, как шайба пересекает линию ворот и, застряв в снегу, даже не доходит до сетки. Но этого вполне достаточно. 1:1 — это уже ничего. Даже хорошо.

На следующий день шведы выиграли 4:2 у Чехословакии.

Итак, оставался последний матч: СССР — Канада. Все знатоки и просто любители спорта, все игроки чемпионата, все члены судейской коллегии не сомневались в его исходе. «Победит Канада» — таково было общее мнение.

Должен со всей прямоотой сказать, что и у некоторой части наших товарищей сначала царило пессимистическое настроение. Сравнивая число забитых нами и канадцами шайб, они делали вывод, что проигрыш неизбежен. Но спорт ведь, к счастью, ничего общего не имеет с арифметикой. И в каждом конкретном случае побеждает тот, кто сильнее духом и телом в данном матче.

Наши тренеры проводили в эти дни большую психологическую подготовку игроков. Участвовал в этой большой работе и я, как капитан команды и руководитель делегации.

Подготовка к матчу с канадцами велась по всем линиям. Организовывались беседы. Устраивались специальные совещания нападающих, защитников. Пригласили мы в гости Владимира Забродского, и он рассказал нам о том, как их команда выигрывала у канадцев.

— Мы били их, вы бьете нас — значит, можете побить их, вот такая задача получается, — закончил он свою беседу под аплодисменты нашей команды.

Очень правильным было и то, что в дни, предшествующие решающему матчу, тренеры регулярно вывозили команду на веселые кинофильмы, устраивали импровизированные концерты... Команде создавалось боевое, непринужденное настроение. Мне думается, большую роль сыграло и то, что ни Чернышев, ни Егоров не ставили перед нами задачи выиграть во что бы то ни стало.

— Проиграете — никто вас ругать не будет. Но играйте в полную силу, постарайтесь достойно представить наш спорт, — не раз заявляли они. И это снимало с людей чувство напряженности, расправляло крылья.

Утром в день матча в комнатах гостиницы «Мальме», занятых советскими спортсменами, звучал смех. И это было лучшим свидетельством того, что «психологическая атака» тренеров удалась.

После завтрака мы собрались на последнюю установку.

— Итак, — говорил Аркадий Иванович Чернышев, — мы решили с вами полностью использовать все недостатки канадцев и создать на поле, непривычные для них условия игры. Мы видели, что канадцы с трудом выдерживают предельно высокий темп — будем действовать на самых больших скоростях. Канадцы не любят играть в своей зоне — нужно запереть их там, атакуя все время и всей пятеркой.

Одним словом, следовало играть так, как этого не хочет противник. Нужно было озадачить его, лишить уверенности, выбить из рук инициативу.

Все это было десятки раз обговорено. Но как удастся осуществить задуманное на практике?..

Снова бой начинает тройка из команды «Крылья Советов». Она сразу же задает тон поединку. Взяв такой темп, что дух захватывает. Наши игроки то и дело про-скакивают вперед. Но счета нет. Вот уже одна смена состава, вторая. Канадцы так и не перешли еще ни разу по-настоящему центральной линии. Наконец на 5-й минуте Хлыстов, перехватив шайбу за воротами, точно и быстро отдает ее назад Гурышеву, тот немедленно бьет — и счет 1:0! Стадион взрывается аплодисментами. Никто не ждал такого начала.

Растет стремительность наших атак. Две шайбы подряд удается забросить мне, а перед концом периода следует очень красивая комбинация Гурышев — Бычков, и счет уже 4:0.

В раздевалке царит возбуждение. Чернышеву с большим трудом удается успокоить ребят.

— Отдыхайте, — приказывает он. — И ни в коем случае не думайте, что победа уже в кармане. Сейчас они полезут в контратаку.

Матч мы выиграли. До самого финального свистка не верили, что все идет так хорошо. Но вот игра окончена: 7:2 в нашу пользу. Победа! Победа над четырнадцатикратным чемпионом мира! Мы подбрасываем вверх клюшки, целуемся, смотрим друг на друга, не в силах поверить в свое счастье. К нам прямо на лед выбегают сотрудники советского посольства, крепко жмут руки.

Посольство — частица нашей страны на чужой земле. И рукопожатие этих людей нам кажется сейчас рукопожатием матери-Родины. Нужно отдать должное и канадцам: они первыми и очень сердечно поздравили нас. А их капитан Томас Кемпбелл заявил представителям печати тут же на стадионе:

— Советские спортсмены блестяще провели игру. Мы просто не представляли себе, что в хоккей можно так играть. Мы с большим счетом победили команду Швеции, а русские сыграли с ней вничью. Тем не менее, в решающем состязании мы оказались разгромленными. Нас поразили работоспособность русских, умение вести игру в необычайно стремительном темпе...

Пресса единодушно назвала нашу победу «сенсацией номер один». Еще бы, ведь перед началом матча по стадиону во всеуслышание передавали объявление, что переигровка СССР — Швеция за второе место назначена

на следующий день... Да вот послушайте, что говорила по этому поводу «Дагенс нюхетер».

«Перед заключительной игрой вряд ли было какое-либо сомнение в том, что Канада непременно выиграет, а команды СССР и Швеции должны будут провести еще встречу за звание чемпиона Европы. Но советская команда разрушила все эти надежды... Как могло это случиться? Дело в том, что русская команда является лучшей командой. Русские завоевали первое место благодаря своей скорости и сыгранности».

«Переполненный стадион, — вторила ей «Моргенпостен», — явился свидетелем того, что новичок в области хоккея с шайбой СССР обращался с хоккеистами Канады, как со школьниками. Никогда еще никто не играл так замечательно в хоккей с шайбой, как СССР в матче против Канады».

Нужно ли говорить, как были мы счастливы от сознания, что достойно защитили спортивную честь своей Родины..

Кроме сенсационных заголовков и восторженных откликов, многие газеты уже в первые дни начали детально анализировать причины поражения канадцев. Очень неглубокое замечание сделала «Свенска дагбладет».

«Почему выиграли русские? Почему была побеждена команда Канады?» — спрашивала она. И сама же давала ответ: «Подобные вопросы могут ставиться сотни раз, но ответы могут быть разноречивыми..Канадская команда была единственной, которая усердно избегала учебы у своих противников в первых матчах. Канадцы вообще отсутствовали на стадионе, когда играли другие. Они назвали сами себя».

Трудно не согласиться с этим. Но, конечно, далеко не одним высокомерием канадцев объясняется их проигрыш. Все-таки главная причина была в нас- Что же это за причина? Что помогло нам разгромить очень сильного и опытного противника? Давайте еще раз разберемся в этом.

Во-первых, как и было отмечено выше, правильный план борьбы на льду, навязывание противнику игры, в которой он слабее, которую не понимает и не любит. Этот план благодаря высокой игровой дисциплине был выдержан нашими спортсменами точно, почти безупречно.

Во-вторых, мы явно превосходили — и это отметили буквально все обозреватели, специалисты — остальные команды, в том числе и канадцев, в скорости. Это было нашим козырем, нашим главным оружием. К сожалению, сейчас оно заржавело. Почему? Об этом я скажу в конце книги.

Мы выиграли потому, что атакующие тройки сборной страны целиком были взяты из наших ведущих команд. Это обеспечивало абсолютную сыгранность, взаимопонимание спортсменов, доведенное до автоматизма, но отнюдь не автоматически осуществляемое, большую дружбу в каждом звене. К счастью, этот принцип комплектования команды сейчас, после ненужных экспериментов, вновь возрожден.

О тройках сборной страны 1954 года следует сказать еще немного. Каждая из них имела свой ярко выраженный почерк, не схожий ни с чьим другим. Первая тройка, армейская, имея очень надежную оборону в лице двух сильнейших защитников, располагая В. Шуваловым, умеющим прекрасно обороняться, в качестве излюбленного приема применяла контратаку из глубины с мгновенно нарастающей скоростью. Наша тройка, что особенно важно, всегда умела в ходе игры перестраивать свой тактический план.

Вот пример. В матче с канадцами в 1954 году, выйдя на поле, мы, как и было оговорено, закрыли противника в его золе, пользуясь на второй линии поддержкой защитников. Но канадцы стойко, тактически грамотно оборонялись, и мы скоро убедились в том, что лобовой штурм не принесет успеха. Стоило ли дальше тратить силы?

Нет, конечно. И тройка умышленно ушла назад, вытягивая соперников в нейтральную зону. Потом при помощи своего основного оружия. — скорости — мы обыгрывали канадцев и приходили к их воротам уже с численным преимуществом. Так были забиты вторая и третья шайбы.

Вторая тройка — динамовская — очень любила играть, набирая большую скорость уже в своей зоне, атаковать широким фронтом, завершая свои усилия мощными бросками. «Крылышки», как у нас любовно называют команду «Крылья Советов», отличались безукоризненным розыгрышем сложных и неожиданных комбинаций в зоне защиты противника, выводом, как правило, на удар

Алексея Гурышева, обладавшего сильнейшим броском-шелчком.

Это игровое своеобразие троек сборной давало нам колоссальное преимущество. Противник никак не мог приспособиться к нашей манере игры. Находя ключ к одному тактическому плану, он тут же вынужден был «открывать» другой.

— Когда мы встречаемся с вами, — сказал мне однажды в дружеской беседе защитник чехословацкой сборной Бубник, — мне всегда кажется, что против нас играет не одна, а три команды.

Это заявление я воспринял как высшую похвалу. И очень бы хотелось сегодня тоже видеть тройки наших ведущих команд разнообразными, со своей характерной манерой атаки, а не похожими как две капли воды друг на друга. Ибо «похожесть» — всегда следствие отсутствия творчества.

...Утро следующего дня — первое утро обладания высоким титулом чемпиона мира — нас встретило телеграммами. Первая из них была от жителя Стокгольма Брор Бюре «Здорово вы шелкнули по носу этих заносчивых канадцев, — писал он. — Восхищаюсь вами. Обнимаю как героев». В тот же день Аркадий Иванович Чернышев и я — тренер и капитан — посетили господина Бюре, выразили ему свою глубокую признательность и подарили клюшку с автографами всех игроков сборной. Это очень растрогало его.

А вечером в ярко освещенной, принарядившейся гостинице «Мальме» был устроен торжественный вечер по случаю закрытия турнира. Снова звучал Государственный Гимн Советского Союза, когда каждому из нас вручали золотые медали чемпионов мира и Европы. Не скрою, мы были очень, очень счастливы.

Потом начался концерт художественной самодеятельности. Мы исполняли свои народные русские песни. Под сводами древней гостиницы звучали канадские и чешские, шведские и немецкие мелодии. Мы пели их, взявшись за руки, чувствуя как никогда великую и объединяющую силу спорта, силу дружбы молодых и сильных сердец.

С торжественного вечера я уходил в особенно приподнятом настроении. На закрытии турнира президент Международной федерации хоккея от имени шведского коро-

ля вручил мне часы — приз «Лучшему игроку чемпионата». Они и сейчас стоят в моей комнате на самом видном месте, напоминая о прошлой славе, о том замечательном времени, когда мы завоевали большую и радостную победу. Я смотрю на них и думаю с уверенностью: они, эти часы, еще пробьют час, извещающий о том, что новое поколение советских хоккеистов вновь вернуло нашей сборной звание сильнейшей в мире.

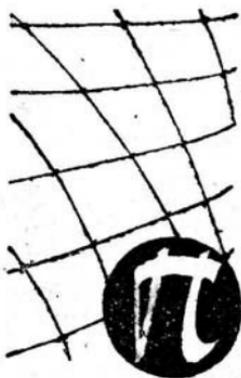
...Все проходит. Прошли и дни чемпионата. Мы прилетели в Ленинград. Тысячи друзей пришли нас встречать в аэропорт. И первым их вопросом, хотя они уже все знали, было:

— Ну как, ребята?

Женя Бабич оглядел притихшую толпу, приложил палец ко рту и сказал доверительно:

— Знаете, товарищи, в самом деле не так уж страшен черт, как его малюют...

Дальше ему говорить не дали. Вспыхнули аплодисменты, начались рукопожатия, объятия, разговоры... Мы снова были среди тех, кто послал нас в Стокгольм, чью честь мы защищали на чужом льду, — среди простых, бесконечно близких, бесконечно любимых советских людей.



ПАДЕНИЯ И ВЗЛЕТЫ

Это глава, продолжающая историю советского хоккея.

ервое выступление на чемпионате мира — и первая победа! В гуле торжественных речей, раздававшихся в адрес команды, в цепи ликований, восторженных похвал как-то незаметно на задний план отодвинулись два имени, два человека, чей вклад в свершившееся был самым большим, самым значительным. Я говорю о наших тренерах, о людях, создавших команду и сумевших ее провести через горнило трудных испытаний.

Тренеры! Их неутомимый, тяжелый, вдохновенный труд очень часто остается у нас совершенно незамеченным. Мы узнаем их только в связи с большими неудачами того или иного спортсмена, той или иной команды. Тогда на семь бед находится один ответ: «тренер не обеспечил». А когда мы в зените славы, ее приятно ласкающие лучи уж больно сильно освещают ученика и куда меньше учителя. Я думаю, что здесь во многом виноваты наши газеты и журналы, наша спортивная пресса.

Я не писал бы так, но подобное явление, к сожалению, стало типичным. Все и у нас в стране и за ее пределами хорошо знают замечательного стайера Петра Болотникова. Но кто его тренирует, кто помог ему на долгие годы сохранить прекрасную спортивную форму, бережно распределить силы, умно и планомерно штурмовать рекорды? Я не могу считать себя человеком далеким от спорта, но имени этого человека я не знаю. Сколько восторженных, вполне справедливых, фраз посвятила пресса новому молодому чемпиону страны по современному пятиборью В. Пичужкину. Его портреты заняли все газеты, корреспонденты не жалели труда, расписывая его биографию. Но нигде даже не промелькнуло имя тренера, давшего этому юноше силу и мужество бойца, тонкий расчет стратега, гибкую мысль тактика...

Да, так часто бывает. И поэтому мне очень хочется, пусть с некоторым опозданием, исправить эту несправедливость по отношению к двум нашим наставникам, подготовившим сборную Советского Союза к столь удачному дебюту.

Аркадий Иванович Чернышев — человек много сделавший для нашего спорта. Во-первых, долгие годы он сам с подлинным блеском выступал на футбольных и хоккейных полях. В футболе он выступал на месте крайнего полузащитника, а затем центрального защитника. Его фамилия вписана в боевой состав московского «Динамо», сделавшего в 1937 году золотой «дубль», т. е. выигравшего звание чемпиона страны и Кубок Советского Союза. Он участник многих международных встреч, и в каждой из них в полном блеске раскрывалось его высокое мастерство. После матча со знаменитой болгарской «Славией», выигранного динамовцами в

1940 году со счётом 4:0, одна из софийских газет писала:

«В сильной советской команде особенно выделялась линия полузащиты, где прекрасно проявили себя Алексей Лапшин и Аркадий Чернышев».

Аркадия Ивановича всегда отличали на поле большая, почти необъяснимая трудоспособность, высокий дух коллективизма и глубокое понимание тактических ситуаций, возникающих на поле.

Уже в послевоенные годы, выступая на месте центрального нападающего команды ЦДКА, я встречался с Чернышевым, что называется, лицом к лицу на футбольном поле. Аркадий Иванович играл тогда на месте центрального защитника в минской команде «Динамо». Это был спортсмен, обладавший огромной игровой культурой, чрезвычайно корректный, высокотехничный. Особенно запомнилось мне его безукоризненное мастерство борьбы за верховые мячи и еще больше его глубокое понимание игры. Каждый отданный им пас был, как правило, началом интересно задуманной комбинации, началом атаки.

В хоккейной биографии Аркадия Ивановича как в капле воды отразилась история этого вида спорта в нашей стране. Он был одним из основных игроков и одновременно тренером первого чемпиона страны — московского «Динамо». Мы знали его как мастера клюшки, игры в пас. Со временем Чернышев ушел с поля как игрок, но на долгие годы остался бессменным руководителем команды, ее тренером. Под его руководством столичные динамовцы в 1953 году выиграли Кубок СССР, последовательно победив сильнейшие коллективы ВВС и ЦДСА, через год стали чемпионами страны, одержав в чемпионате 15 побед и потерпев всего лишь одно поражение. Из года в год они входили в призовую тройку и по праву считались сильнейшим коллективом страны. В 1962 году значительно обновленный состав динамовцев показал игру, полную тактического блеска. Команда Чернышева оказалась способной дважды нанести поражения сильнейшему составу ЦСКА — первый раз с разгромным счетом 14:5, а второй, несмотря на огромную жажду реванша со стороны армейцев, со счетом 4:2.

Работу Аркадия Ивановича как тренера всегда отличали постоянное творчество, большое трудолюбие, безу-

пречное знание дела и влюбленность в него. Он мог часами беседовать с каждым из нас, высказывая свои взгляды на игру, свое понимание роли того или иного хоккеиста. Он, кроме больших знаний, обладает великолепным тактом, сердечностью и терпеливостью педагога, соединяющего различных людей в единый, дружный коллектив.

Кроме больших знаний, опыта, тренерских навыков, Аркадий Иванович одарен огромной спортивной наблюдательностью. Никто так, как он, не умеет понять противника, определить его слабости и наметить план, позволяющий наилучшим образом использовать их.

И, наконец, мне всегда помнится его исключительная жизнерадостность, неиссякаемый оптимизм. Как бы сложен и ответствен ни был предстоящий матч, он всегда найдет для ребят хорошие, искренние, простые слова, снимающие с души «психологическую напряженность». Но это не значит, что сам Чернышев спокоен. Он просто умеет хорошо успокоить других, скрыть свое волнение.

У Аркадия Ивановича хорошая, дружная, любящая спорт семья. Его супруга — в прошлом прекрасная баскетболистка и легкоатлет, а два сына уже сейчас увлекаются футболом и хоккеем. Они очень гордятся своим отцом.

В лице Чернышева я и мои товарищи видели не только умного, знающего учителя, но и человека большой культуры, разносторонних интересов. Он очень любит музыку, литературу, очень хороший собеседник. Большое счастье иметь такого тренера.

Его постоянным помощником в работе со сборной был Владимир Кузьмич Егоров. Любители хорошо помнят этого мастера спорта по его выступлениям за футбольную и хоккейную московские команды «Крылья Советов». Кроме того, он был прекрасным теннисистом. Закончив выступать, Егоров перешел на тренерскую работу и создал в своем клубе замечательный коллектив, известный многими победами на первенствах страны — «Крылышки», тренировавшиеся под его руководством, уже в 1951 году стали обладателями Кубка страны, несколько лет подряд становились вторым призером чемпионата СССР, а в 1957 году завоевали почетное звание чемпиона. Под руководством Владимира Кузьмича вырос целый ряд мастеров советского хоккея, таких, как

А. Кучевский, А. Гурышев, Ю. Пантюхов, М. Бычков, Н. Хлыстов, Ю. Цицинов, Е. Грошев — несколько поколений выдающихся защитников и нападающих. И в сборную Егоров вложил немало своего ума, таланта, вдохновения, своей любви к спорту.

Вот эти тренеры и привели нас к большой победе весной 1954 года.

Но чемпионат мира уже становился яркой страницей нашей спортивной истории. А впереди были горячие, напряженные будни.

Уже летом мы приступили к напряженным тренировкам. Команды ЦСКА и ВВС, разобщавшие силы армейских спортсменов, были слиты в одну — ЦСКА. Но, несмотря на то, что в ней были собраны очень хорошие игроки, команда в сезоне 1953/54 г. выступила слабо. Мы уступили первенство столичным динамовцам. Почему? Да потому, что не было коллектива, не было дружбы, не было единой цели. А без этого никогда ничего не получается.

Теперь, летом 1954 года, команда начинала исправлять понятия и прочувствованные ею ошибки. Был создан тренерский совет, в состав которого вошли опытные мастера — Пучков, Бабич, Бобров, Мкртычан, Виноградов — и руководитель клубных команд Афанасьев. Мы собирались, чтобы вместе обсудить планы, давали индивидуальные задания, а когда начался сезон — разбирали игры троек, рассматривали вопросы дисциплины, выступали перед молодежью с беседами. Мы всеми силами боролись за сильную, дружную, высокотехническую команду.

В коллектив влились молодые силы, новые игроки, многим из которых суждено было вскоре стать славой нашего хоккея: И. Трегубов, Ю. Баулин, В. Брунов, Ю. Пантюхов. В двух играх предварительного турнира в Новосибирске дебютировал еще совсем юный Константин Локтев, один матч провел сразу обративший на себя внимание Вениамин Александров.

Серьезная тренировка, серьезное отношение к делу сыграли свою роль — мы стали чемпионами, выиграв 17 встреч и только одну проиграв. 14:16 — вот соотношение шайб, которое вряд ли требует комментария.

Старый год был уже на исходе. Мы готовились к очередному чемпионату мира. В середине декабря сборная

прибыла в Стокгольм. Мы даже не ожидали, что у нас здесь теперь так много искренних друзей. Советских хоккеистов узнавали везде. Нас окружали на улицах, просили автографы, а то просто приветствовали двумя хорошо понятными каждому из нас словами:

— Мир! Дружба!

Тренировочный матч против сборной Швеции собрал 17 000 зрителей. Газеты напоминали, что на чемпионате наши команды сыграли в труднейших условиях вничью — 1:1. «Сегодня спор продолжается. Его исход очень важен для определения истинного соотношения сил в континентальном хоккее»,— писала «Моргенпоетен».

Первый матч прошел в красивой борьбе. Шведы показали очень упорную игру в обороне, правильное, допускаемое правилами силовое единоборство, Только в конце первого периода Юрий Крылов забил шайбу. Во втором периоде две шайбы провела наша тройка. Общий результат — 3:0. На следующий день нужно было улетать, но хозяева обратились к нам с просьбой сыграть матч-реванш.

Что ж, реванш так реванш. Мы согласились. Встреча была назначена на 28 декабря. Накануне капитан шведской сборной заявил представителям прессы: «Мы постараемся победить во что бы то ни стало. Если нам это не удастся — значит, сделать это было просто невозможно».

Нужно отдать справедливость хозяевам поля, они играли великолепно. И, может быть, реванш удался бы, если бы не великолепная игра нашей защиты. Она проявила подлинный героизм, сдерживая натиск рвущихся в атаку шведских спортсменов. Мы победили с минимальным счетом — 3:2.

Здесь, в столице Швеции Стокгольме, в уже хорошо знакомом нам отеле «Мальме» встречали мы новый, 1955 год. В одном из номеров соорудили елку, украсили ее флагами Советского Союза, Швеции, нарядно одели. Часов в десять вечера пришел к нам первый гость — господин Брор Бюре. Тот самый обыкновенный житель шведской столицы, который первый нас поздравил телеграммой со званием чемпиона мира.

— Вы навсегда мои лучшие друзья. А Новый год принято встречать с друзьями,— сказал он.

Получили мы от него новогодний подарок — альбом

вырезок из шведских газет и журналов, посвященных нашей сборной.

Через полчаса приехали шведские хоккеисты. Они тоже решили быть в эту ночь с нами, отказавшись от домашнего уюта. Мы были очень растроганы этим дружеским жестом. Но приятные сюрпризы не кончились на этом. Позвонил портье и попросил спуститься за телеграммами. Целая гора телеграмм. От сборной Чехословакии. От спортсменов Германской Демократической Республики. От сотен друзей из СССР...

Без четверти двенадцать, когда в номере гремит музыка, звучат песни, вдруг раздается телефонный звонок. Вызывает Москва. На проводе — председатель Комитета физкультуры Н. Н. Романов.

— Поздравляю вас, дорогие друзья, — говорит он. — Знайте, что Москва, вся страна с вами.

Да, мы знали это. Это чувство никогда не покидало нас.

Посетив Швейцарию и выиграв у ее сборной 11:2, мы вернулись домой, а уже 7 января в Москве принимали гостей — сборную Швеции. Матч с ними, как всегда, был очень интересным и закончился нашей победой — 4:2. Потом провели тренировочный матч со сборной Чехословакии и тоже выиграли — 3:0. Все, кажется, шло хорошо.

Но на очередном чемпионате мира нас ожидало очень горькое и обидное разочарование. Мы заняли второе место, проиграв сборной Канады с крупным счетом 6:5. Ни завоеванное звание чемпионов Европы, ни второй приз не могли нас утешить.

Однако надо было спокойно разобраться в том, что же произошло, почему такая неудача, что послужило причиной падения после высокого взлета. Я думаю, что выводы, к которым мы пришли тогда, не вредно вспомнить и сейчас. Они дают пищу для раздумий.

Перед первенством мира 1954 года в некоторых контрольных играх, в частности в первой игре со сборной Чехословакии, мы потерпели поражение. Это настраивало нас на критический лад, заставляло глубже и всесторонне анализировать ошибки, больше смотреть вперед. Накануне чемпионата 1955 года сложилось несколько иное положение: все без исключения контрольные игры были нами выиграны. Вольно или невольно это породило

ло настроение некоторой самоуспокоенности, благодушия, а это, конечно, само по себе весьма страшная вещь.

Крупный проигрыш во многом объяснялся и тем, что мы позволили себе играть так же, как год назад, по тому же тактическому плану. Это было грубейшей ошибкой. Канадцы изучили его и приготовили противоядие. Зная наше стремление к атаке, к немедленному давлению, к высокому темпу, они очень плотно и правильно построили оборону. Применяя плотную персональную опеку, они встречали наших нападающих корпусом, отделяли от шайбы и остро контратаковали. Не очень сложно, но правильно. Следовательно, наш проигрыш был расплатой за примитивизм в тактике, за допущенную шаблонность, за повторение пройденного. Никогда нельзя быть тем, чем ты был вчера. Иначе — неизбежный провал. Это истина. И ее должен знать и помнить каждый спортсмен.

Уже в ходе решающего матча, проигрывая канадцам 0:2, мы совершили еще один грубый тактический просчет. Состязание велось в бешеном темпе; наши соперники, чтобы поддержать его, все время пользовались кислородом. У них, как говорится, игра шла. Что нужно было в этом случае сделать нам? Ну конечно же постараться немедленно сбить темп, «укачать» соперников спокойно раскидкой, а потом перевести матч в нужное нам русло.

Мы этого не сделали. Мы поддались безрассудному азарту, перестав думать об обороне и стремясь лишь к одному: отквитать шайбы. Такая опрометчивость, невыдержанность стоила нам еще трех шайб.

Ну и конечно проигрыш во многом объяснялся силой наших соперников. Потерпев сенсационное поражение в Стокгольме, канадцы на этот раз — впервые в истории — привезли на чемпионат по существу не одну клубную команду, как они это делали всегда раньше, а сборную, собрав в нее все лучшее, что имелось в любительском хоккее этой страны. Например, блестящую, полную боевого задора и филигранной техники игру продемонстрировали братья Уорвик.

Что ж, недаром говорят: «за битого двух небитых дают». Поражение многому нас научило, многое подсказало. В частности, мы увидели, что для побед над пер-

воклассными командами, кроме арсенала средств, которым мы располагали, необходима была безукоризненная игра корпусом, умение вести единоборство с «жестко» играющим соперником.

Мы вернулись домой, и жизнь пошла своим чередом. В полном разгаре были игры на Кубок страны. К сожалению, Брунов и я из-за полученных травм играть не могли. Наше место в боевом строю заняла молодежь. В моей родной тройке Бабич по-прежнему играл слева, Шувалов переместился в центр, а справа от него стал тогда еще семнадцатилетний Вениамин Александров. Во второй тройке вместо Брунова в связке с Черепановым и Копыловым начал играть Константин Локтев.

— Ты знаешь, Сева,— сказал мне однажды Евгений Бабич,— прямо душа радуется, когда смотришь на этих ребят. Хорошая смена растет. И уходить уже не страшно.

— Погоди уходить,— вмешался в разговор Виктор Шувалов.— Нужно их сначала научить, поводить с собой по льду, а уж потом пусть сами...

Мне навсегда запомнился этот никем не подслушиваемый, душевный разговор ветеранов. Глубокая озабоченность о росте молодежи, о судьбах нашего хоккея была заключена в нем.

Но дело, конечно, не только в разговорах. Дело в той постоянной повседневной помощи, которую оказывали в нашей команде более старшие товарищи молодежи.

Помнится, например, разговор, который произошел между Виктором Шуваловым и Вениамином Александровым накануне полуфинала Кубка СССР, в котором наша команда играла с опытным и грозным соперником— московским коллективом «Крылья Советов».

— Не бойся брать на себя ответственность, Веня,— говорил своему юному товарищу ветеран.— Не получится — никто не заругает. Но если стесняться будешь — худо. Шайба, она, брат, застенчивых не любит.

И, когда грянул спортивный бой, Виктор Шувалов все делал, чтобы втянуть в игру новичка, дать ему почувствовать свою силу в трудном, ответственном поединке. Трижды Шувалов — я это помню отлично,— имея полную возможность бить по воротам лично, доверял Вениамину Александрову в самые ответственные и критические моменты матча право завершающего броска. Три

шайбы забросил в том матче наш новичок (мы выиграли 5:1). Я видел, каким счастьем горели после встречи глаза парня. Я знал, в этом сражении у него выросли крылья.

В финальном матче против московских динамовцев не менее отличился Константин Локтев. Молодежь оправдывала доверие. И всегда оправдает, если ей будут помогать, если в нее будут верить, если с ней будут сердечно обращаться старшие.

...Шли дни. Что бы мы ни делали, чем бы ни занимались, нет-нет да и защемит сердце непонятной тоской, когда вспомнишь о тяжелом поражении на чемпионате мира. А тут еще как-то попался в руки канадский спортивный журнал, где какой-то обозреватель с ученым видом знатока доказывал, что наша победа в Стокгольме, дескать, была случайной. «Предстоящие олимпийские игры еще раз подтвердят это», — заключал неизвестный писака.

Нужно ли говорить, как нам хотелось, как нам очень хотелось, доказать обратное. Но в спорте, если хочешь чего-либо добиться, путь только один — труд, труд и еще раз труд.

В тот год — сначала в своих клубах, а затем и в составе сборной — мы работали особенно упорно и много. Каждый из нас — я говорю об армейцах, входивших в состав сборной, — был уже тогда достаточно опытным игроком, обладающим известным запасом технических средств и приемов. Но мы неустанно совершенствовались, разучивали новые броски и новые комбинации, думали над тем, как обогатить и сделать еще более разнообразней свою хоккейную практику. Эта работа не всегда доставляет только удовольствие. Но она неизбежна. Ибо никогда нельзя удовлетворяться одним-двумя видами бросков по воротам, одним-двумя приемами, если даже они были в большинстве случаев удачно применены и оправдывали все наши надежды. Самодовольство и самолюбование — страшнейшие враги спортсменов. Мы старались всегда разучивать новые трюки, комбинации, способы ведения атаки. Ибо хоккеист, который перестает расти в техническом и тактическом отношении, очень скоро обнаружит, что среднее число шайб, забитых им в игре, катастрофически падает, падают его престиж и боевая слава.

В своей большой тренировочной работе немало времени мы уделяли отработке и совершенствованию искусства ведения шайбы. Сейчас, к сожалению, очень часто приходится слышать высказывания, что теперь это, мол, необязательное качество. Как глубоко заблуждаются подобные «теоретики».

Как бы ни менялись правила игры, какой бы характер она ни принимала, работа над ведением шайбы всегда принесет — как и приносила — огромную пользу. А если ведение шайбы сочетается с другими приемами владения клюшкой, хорошей передачей и бегом на коньках, то это и есть то сочетание, которое превращает обыкновенного спортсмена в большого мастера.

Как это ни странно, но в чемпионате мира 1955 года Аркадий Иванович Чернышев обнаружил и доказал нам, что не все у нас в порядке с передачами. Недостатком многих из нас являлась медлительность. Передача иногда оттягивалась до тех пор, пока передающий игрок советской команды не сближался вплотную с противником. Это, как правило, приводило к тому, что передачи перехватывались, задерживались клюшкой или коньком.

— Лучше немного поспешить с передачей, чем слишком промедлить,— часто говорил нам тренер.

Мой последующий игровой опыт подтвердил полную справедливость этих слов. Поэтому мне хочется еще раз посоветовать молодежи: никогда не медлите с передачей. Чем быстрее передача, тем успешнее будет комбинация, так как у защиты противника остается меньше времени для того, чтобы закрыть игрока, получившего шайбу.

Раз уж я взялся говорить о передачах, то позволю себе в нескольких словах остановиться на искусстве приема передач.

Хоккеист, который хорошо владеет приемом шайбы и может поэтому не только обрабатывать все типы-передач, но и использовать и исправлять неточные, а иногда просто плохие передачи, будет всегда очень ценным, нужным членом коллектива.

Какой можно дать совет в этом отношении? Принимая шайбу на клюшку, всегда обращайтесь с ней мягко и нежно. Никогда не тыкайте в нее, никогда не принимайте ее на «жесткую» клюшку. Расслабьте руки и кисть

ти так, чтобы клюшка была свободной. Правило здесь то же самое, что при приеме сильного мяча в волейболе или футболе; когда шайба касается клюшки, та отходит немного назад, амортизируя удар.

Не выносите клюшку навстречу шайбе — пусть она сама подойдет к вам. Эта ошибка, вызываемая напряжением и волнением, часто происходит в игре: игрок вытягивает клюшку вперед, чтобы поскорее встретить шайбу, хотя она и идет прямо на него. Сохраняйте спокойствие, действуйте всегда правильно и четко.

...Итак, мы учились, учились упорно, не стесняясь иногда начинать с азав, возвращаться к исходным позициям, глубоко анализируя ошибки и исправляя их. И всегда — на тренировках, в учебных классах, в часы отдыха — рядом со мной были мои неразлучные друзья, мои неизменные товарищи по спорту заслуженные мастера Евгений Бабич и Виктор Шувалов. Каждый из них может служить примером высокого понимания долга, неумолимости, постоянного совершенствования.

Женя Бабич родился в Москве, в 1921 году, в старом домике, что в Самарском переулке. Семья его была большой, дружной. Все здесь работали, и все горячо любили спорт. Отец, Макар Николаевич, и мама, Анна Федоровна, очень увлекались лыжами, были заядлыми конькобежцами. Старший брат, Николай Бабич, был в довоенные годы одним из лучших хоккеистов Советского Союза, неоднократно выступал за сборную Москвы, славился виртуозным искусством обводки. Сестра, Надя, выступала долгие годы за знаменитую команду «Буревестник», возглавлявшуюся «матерью русского хоккея» заслуженным мастером спорта Верой Прокофьевой.

Нужно ли после этого удивляться тому, что с самых детских лет Женька буквально влюбился в хоккей. И, конечно, по семейной традиции он тоже стал членом добровольного спортивного общества «Буревестник». Теперь мы не видим флага этого общества на полях большого хоккея, а до войны оно было подлинной кузницей хоккейных кадров. Здесь получили путевку на лед Михаил Якушин, Александр Виноградов, Николай Бабич и другие выдающиеся мастера.

Здесь в третьей клубной команде начал свой путь спортсмена Евгений Бабич. Его очень скоро заметили среди других ребят, и несколько раз восемнадцатилетний

парень играл рядом с братом в первой сборной, когда кто-нибудь из основных игроков не мог прийти на матч.

— Ничего, Женька, — говорил брат, когда юноше вновь приходилось уступать место вернувшемуся в строй ветерану, — способности у тебя есть, трудиться любишь. Так что скоро быть тебе навсегда в первой команде.

Но тут грянула война. В 1942 году Евгений Бабич был призван в ряды Советской Армии и стал курсантом военного училища. Закончив его, он, несмотря на неоднократные просьбы послать на фронт, был оставлен преподавателем.

— Вы прекрасный спортсмен и должны передавать свою закалку, свои навыки молодежи. Это поможет ей в боевых условиях, — говорил ему генерал, возвращая рапорт о немедленной отсылке на передовую.

Работая в училище, Евгений Бабич отдавал все свои силы, все знания и опыт подготовке молодых офицеров. Он часто получал от своих учеников письма с передовой. Среди многочисленной корреспонденции тех лет ему запомнилась одна весточка от гвардии лейтенанта Михаила Хмельницкого,

«Дорогой Евгений Макарович, — писал ему фронтовик, — во время учебы в училище мне как-то довелось вас увидеть на футбольном поле в товарищеском матче с соседями. Я сам играл до войны и поэтому кое-что смыслю в этом деле. И говорю вам прямо: у вас большие способности. Берегите их. Мне думается, что со временем вы будете не менее знамениты, чем сейчас братья Старостины или подобные им звезды. Не смейтесь над моими словами. И не стесняйтесь правдивых слов. Ведь стать большим мастером любимой игры — это значит сделать что-то очень большое не только для себя, но и для всех нас...»

Женька написал теплое, задушевное письмо, обещал помнить его советы и работать, очень много работать. Но конверт пришел обратно: гвардии лейтенант погиб на Висле. Женька спрятал письмо и стал тренироваться в пять, в десять раз больше, чем раньше.

В 1946 году Борис Андреевич Аркадьев, человек, очень любивший наблюдать игры различных клубных армейских команд, в которых выступала молодежь, увидел Бабича на поле и тут же взял его в дубль знаменитой армейской команды. Потом он много раз выступал

за основной состав, и весьма успешно. Так, в 1949 году в матче с динамовцами Тбилиси, значившем для нашей команды очень многое, Евгений забил единственный и решающий гол.

Но, конечно, в его жизни и характере сказывалось наследственное тяготение к зимним видам спорта, к хоккею, который уже давно стал «семейной» игрой Бабичей. Евгений был одним из энтузиастов шайбы и вскоре стал мастером этой красивой, атлетической, мужественной игры.

Он был настоящим виртуозом, но никогда ни на минуту не прекращал совершенствоваться. Если эту книгу возьмет в руки какой-нибудь болельщик, ходивший на игры лет 10—15 назад, он, несомненно, вспомнит, что одним из наших самых, любимых и самых эффективных приемов атак была комбинация с оставлением шайбы. Эту или, вернее, эти комбинации — мы знали десятки их вариантов — Женя Бабиц заставлял нас отрабатывать часами, по сто, по двести раз. Да, кто из молодых хочет когда-нибудь достигнуть его мастерства и славы, должен сначала проявить его трудолюбие, настойчивость и бескорыстную любовь к спорту.

Я думаю, что особо надо подчеркнуть еще одно неопенимое, выделявшее его среди всех нас, качество — игровое мужество Бабица. Он никогда не боялся силовой борьбы, всегда был в кипении жарких схваток, оставаясь при этом большим спортсменом и честным бойцом.

Сейчас майор Евгений Бабиц — тренер хоккейной команды Ленинградского Дома офицеров. Это сравнительно молодой, но уже набирающий силу коллектив. Мне хочется верить, что мой друг, товарищ по спорту сумеет передать молодежи частицу своего таланта и большого мастерства.

Третьим в нашей связке был Виктор Шувалов. Его детство и юность прошли на Урале, в дружной и крепкой рабочей семье. Еще мальчишкой пристрастился к конькам, а чуть позже — к хоккею, который в тех исконно русских местах был особенно популярен. После школы поступил на знаменитый Челябинский тракторный завод, работал токарем и играл в хоккей — сначала за цеховую, потом за первую клубную. О нем стали складывать легенды — не было ни одного матча в хоккей или футбол, чтобы Виктор ушел с поля без гола.

В послевоенные годы, когда хоккеем с шайбой начал завоевывать все большую и большую популярность, на Урале зародилось немало хороших команд. Одной из них был челябинский «Трактор», где сразу же Виктор Шувалов выделился своей красивой, темпераментной игрой. Через год его призвали в Советскую Армию, и он сразу же стал основным нападающим очень сильной в то время команды ВВС. А потом был принят в ЦСКА.

Виктор Шувалов был буквально незаменим на поле. Его всегда характеризовали огромная работоспособность, изумительное умение обводки, сильный, я бы даже сказал, сильнейший, бросок. В то же время, когда это требовалось, он прекрасно выполнял оборонительные функции, действовал тактически грамотно, являясь зачинателем большинства наших комбинаций.

...Вместе, в одном ряду, локоть к локтю, сидели мы в самолете, уносившем нас из родной Москвы на землю Италии. Эта страна, а точнее, один из ее небольших северных городков, приютившийся среди скалистых вершин Доломитовых Альп, был избран местом проведения VII Зимних олимпийских игр. Этот городок с красивым названием Кортина д'Ампеццо оказался в те дни в центре внимания мировой спортивной общественности.

Олимпийские игры всегда вызывали живой, горячий интерес. Но на этот раз их начала ожидали с особым чувством. Ведь на этот раз в зимней олимпиаде впервые принимали участие советские спортсмены. И это сразу сделало ее еще более яркой, более представительной. Подобную мысль высказывали все.

Мы прибыли в Кортину за несколько дней до начала состязаний и были прежде всего озадачены одним вопросом: как в таком очень небольшом городке смогло разместиться такое огромное количество приезжих. По улицам бесконечным потоком двигались спортсмены, судьи, корреспонденты, туристы... Разные костюмы, разные наречия, разный цвет кожи... И только одно одинаково: любовь к спорту.

— Где, скажи ты мне, размещается такая масса людей? — спросил однажды Евгений Бабич.

Я пожал плечами. На вопрос гораздо позднее ответил хозяин гостиницы.

— Наш городок — курортный и почти целиком приспособлен для приема туристов. Смотрите, — он показал

Это были вторые олимпийские игры, в которых мне довелось участвовать. Мне сразу бросилось в глаза, что здесь, в Кортине, дух дружелюбия, взаимопонимания, сердечности давал о себе знать еще больше, чем в Хельсинки. Это было очень приятно и радостно сознавать. Значит, олимпийские идеи торжествуют, овладевают сердцами и умами все больше и больше.

Дебют советских спортсменов на зимних олимпийских играх, как известно, ознаменовался большим успехом представителей нашей Родины. 7 золотых, 3 серебряные, 6 бронзовых — такого урожая медалей не собрала ни одна страна. Еще раз с непреклонной очевидностью мир увидел великую жизнеутверждающую силу нашего спорта — спорта страны, строящей коммунизм.

Лыжные гонки и захватывающие поединки конькобежцев, головокружительные поединки слаломистов, напряженные дуэли двоеборцев, жаркие схватки в эстафетах — все это было прекрасно по своему накалу, остроте, красоте.

И все-таки не хвастая можно сказать, что самое пристальное внимание тысяч любителей спорта было приковано к хоккейному турниру Олимпиады.

Как всегда, пресса строила прогнозы. Большинство обозревателей сходились во мнении, что вновь победят шестикратные олимпийские чемпионы — канадцы. Для таких предположений были все основания — ведь родину хоккея с шайбой представляла знаменитая команда «Китченер Ватерлоо Датчмен» — двукратная обладательница Кубка Аллана, самого почетного в стране приза. Немало лестных слов говорилось о хоккеистах США, Чехословакии, Швеции... Различной в устах многих была оценка возможностей нашей команды: одни вспоминали ее феерический взлет в 1954 году, другие — «падение» в 1955.

Состязания начались играми в подгруппах. Одну составили Чехословакия, США и Польша, другую — СССР, Швеция, Швейцария, третью — Канада, Германия, Италия, Австрия. По два победителя выходили в финал. Результаты предварительных игр в решающей шестерке не учитывались. Все это до некоторой степени снизило остроту борьбы на первом этапе и не позволяло особо строго судить об игре каждого из наших соперни-

ков. Однако нужно обязательно сказать о том, что и здесь ряд игр прошел чрезвычайно интересно и до некоторой степени сенсационно.

Взять, к примеру, матч Канада — Италия. Если бы до начала турнира меня бы попросили предсказать его счет, я бы, пожалуй, ответил, что он может выразиться в астрономических цифрах. Но... гадать всегда легче, чем играть.

Я был на этом матче и хорошо помню, что хозяева поля, подбадриваемые своими земляками, с первых минут начали играть так дружно и самоотверженно, что сразу же завоевали симпатии всего стадиона. А когда их нападающему удалось провести в ворота соперников первую шайбу, на трибунах начало твориться что-то невероятное. Все вскочили на ноги и так, стоя, досматривали весь матч — настолько он был захватывающим.

Первый период закончился со счетом 1:1. После отдыха заокеанские спортсмены предпринимают отчаянные попытки сломить неожиданное сопротивление итальянцев, но не тут-то было. Хозяева падают под шайбы, нацеленные в ворота, плотно опекают нападающих, сами рвутся в атаку. Чувствуется по всему, их посетило вдохновение, а ведь давно уже известно, что оно удваивает, утраивает силы.

Кончается второй период, а счет не меняется. Остается пять минут до конца — на световом табло по-прежнему 1:1. Наконец канадцам удается провести вторую шайбу. Хозяева поля тут же бросаются в ответную атаку. Откуда у них только взялись силы! Канадцы буквально прижаты к воротам. Стадион неистовствует. Уже не гул, а какой-то душераздирающий визг повисает в воздухе.

Все смотрят то на поле, то на циферблат огромного секундомера. Остается ровно минута. И тут два итальянских нападающих красиво вырываются вперед и остаются один на один с вратарем канадцев Бродером. Но спортсменов подводят нервы: один из них бьет еще издалека, Бродер отбивает шайбу вновь на итальянцев, два подоспевших защитника падают им в ноги — начинается свалка...

Итальянцев «не хватило» на одну минуту, и они проиграли — 1:3. Но этот матч запомнится навсегда каждому, кто его видел. Ибо не уходят бесследно встречи, в

которые вложены человеческая страсть, неугасимый темперамент, огонь молодых сердец. Только равнодушные и ремесленничество не оставляют никаких следов.

Но вот отсеивание в группах было закончено, и шесть лучших начали борьбу за золотые медали. СССР, Канада, США, Чехословакия, Швеция, Западная Германия. Слабых среди них не было. Борьба предстояла на редкость упорная — ведь победитель получал звание чемпиона Олимпийских игр, чемпиона мира, а может быть, и чемпиона Европы. Игра, как говорится, стоила свеч.

Финальный турнир открыли сборные США и Западной Германии. Уж в этом матче американцы показали свою грозную силу. Первый период был выигран ими со счетом 6:0. Они добились этого, ошеломив соперников бурным натиском, градом ударов по воротам. Что ж, это было тактическим шагом — и, как показали события, весьма правильным.

Нас жребий свел со старым противником — сборной Швеции. В предварительном турнире мы уже победили ее со счетом 5:1, в финале счет был 4:1. Но победа на этот раз досталась очень тяжело. Вот счет по периодам: 1:1; 1:0; 2:0. Только в завершающей двадцатиминутке мы склонили чашу весов решительно в свою пользу. Особенно запомнился мне четвертый гол. На льду была тройка из наших «Крылышек». Пантюхов — Гурышев — Хлыстов разыграли очень красивую комбинацию. Алексей Гурышев с силой бросает шайбу вперед. Пантюхов, находясь перед самыми воротами, мгновенно разворачивается навстречу ей, точно желая принять передачу. И вдруг резко прыгает вверх, намеренно пропуская шайбу под ногами. Вратарь не ожидал такого подвоха, и шайба уже в сетке. Да, неожиданный, необычный тактический ход всегда принесет успех!

Как всегда, огромный интерес вызвала встреча Канада — Чехословакия. Она была настолько поучительна в тактическом отношении, что и сейчас ее стоит привести как классический образец неправильного распределения сил.

Чехословацкие спортсмены с самого начала предложили невероятно высокий темп. Они первыми забили гол, а во втором периоде вели 2:1. Но на большее их не хватило. Они не смогли удержать ими же самими предложенной скорости, очень устали и все чаще и чаще стали

по собственной инициативе уходить в свою зону, не имея сил для наращивания атак.

А в этот момент, словно специально дождавшись его, все быстрее и быстрее начали играть канадцы. Они сохранили силы, ведя активную оборону, а теперь начали штурм. Это совершенно озадачило наших друзей: чехи стали действовать бессистемно, допускать много ошибок. В итоге — проигрыш — 3:6. «Сборной Чехословакии на этот раз не хватило кислорода. Она сварила себя в своем же собственном круто заваренном темпе», — писал спортивный обозреватель «Юманите». Да, умения правильно рассчитать силы на этот раз не хватило.

Эта неудача сильно надломила сборную Чехословакии. На следующий день она с еще более тяжелым счетом — 0:5 — проиграла Швеции — и практически выбыла из борьбы за призовое место.

Вечером 31 января игроки сборной Чехословакии пришли к нам в гости.

— Сегодня у нас черный день, — сказал мне Властимил Бубник — Не думали, что все так сложится. Ну, а в минуту горькую хочется побыть среди настоящих, искренних друзей.

Мы были растроганы. И еще большее впечатление произвело на нас то, что в эти горькие минуты наши дорогие товарищи нашли в себе силы подробно поделиться своими впечатлениями об игре канадцев, рассказать об их сильных сторонах, дать характеристику каждому игроку.

— Желаем вам успеха, — говорили они.

Да, все-таки нет дружбы сильнее, чем дружба людей, близких по духу, по идеям, по цели.

После уверенной победы над командой Чехословакии шансы канадцев на получение золотых медалей, казалось, еще более упрочились. И вдруг...

Каждый раз, выходя на лед, американские спортсмены совершают своеобразный обряд: они обступают тесным кружком своего вратаря и дотрагиваются до него клюшкой. Это — «на счастье».

Подобный ритуал совершили американцы и перед встречей с Канадой. Сидевший рядом с нами один из корреспондентов итальянского радио сказал серьезно:

— Жаль, но эта молитва им не поможет...

Не знаю, молитва или что-нибудь другое помогло, но

американцы уверенно победили своих очень именитых соперников со счетом 4:1. Это произвело сенсацию. Лидерами стали сборные СССР и США — 4 очка. За ними следовали Канада и Швеция.

— Мы не сказали своего последнего слова. Мы будем продолжать борьбу за первое место. И пусть никто не надеется, что мы легко сдадимся, — заявил представителям прессы тренер канадцев.

Нам предстояли очень ответственные встречи. И все понимали, что самые главные из них — с американцами и канадцами.

О спортсменах США можно и нужно сказать здесь несколько слов. В начале олимпийского турнира они не казались особенно сильными. Мы, например, их видели во встрече с чехословацкими хоккеистами еще в подгруппе. Тогда гости из-за океана не смогли остановить атак чехов и проиграли — 3:4. В финале они взяли убедительный реванш — 9:4. Победили канадцев. Буквально разгромили шведов (6:1). Очень многие спрашивали тогда: что же происходит, откуда такие успехи?

После окончания соревнований я повторил эти вопросы лучшему нападающему американцев Джону Мейасичу.

— Мы неустанно учились, — ответил он. — Мы не тратили буквально ни минуты, наблюдая за игрой лучших команд, изучая их опыт, тактику, навыки.

Вот, оказывается, что значит умело использовать время. Учеба! Она дает силу слабому и крылья не умеющему летать. Она в короткий срок способна сотворить чудеса. Разумеется, при условии, что ученик прилежен и способен.

3 февраля, поздно вечером, начался наш матч с командой Америки. Но, пожалуй, стоит сначала отодвинуться еще на несколько часов назад и побыть на установке, которую давал нам Аркадий Иванович Чернышев.

— Вы видели матч США — Канада, — говорил он. — Американцы выиграли, удачно строя контратаки. Они постараются повторить эту тактику. Я знаю против нее только одно оружие — скорость. И атака. Атака, не позволяющая думать ни о чем, кроме обороны.

Этим оружием мы и победили сборную США. Победили в очень трудной борьбе. Два периода счет был ничейным. И в этом прежде всего «виноват» вратарь аме-

риканцев Уиллард Айкола. Он играл великолепно. Просто великолепно. Пожалуй, это был один из самых замечательных вратарей, которых мне когда-либо довелось видеть. Только в конце второго периода блестящий проход Пантгохова завершается точным пасом в центр и ударом Хлыстова. Мы повели — 1:0!

В раздевалке было тихо. Только тренер спросил:

— Можно еще увеличить темп?

Я был капитан. Я ответил за всех:

— Думаю, что можно.

— Тогда давайте. Мне кажется, больше они не выдержат. Хотя, — добавил он, — физически они оказались сильнее всех. Сильнее всех, с кем мы уже играли.

Да, тренер оказался прав. Несмотря на возросший до предела темп, американцы сопротивлялись до конца. Но и они не устояли против скорости. Все чаще защита допускает ошибки. Все меньше в ее игре бдительности. Вот идет вперед на полной скорости Бабиш. И вдруг хорошо знакомым мне заученным приемом оставляет шайбу на льду. Бью. Шайбы не вижу: глаза слепит красный свет, вспыхнувший над воротами. Это было все. То, чего мы не смогли сделать за весь матч, было сделано за последние минуты: забито еще три шайбы. Победа — 4:0!

В раздевалке нас уже ждал тренер американцев Д. Мариучи.

— Это была лучшая игра, которую я когда-либо в своей жизни видел, — сказал он. — От души поздравляю вас.

На следующий день предстоял последний, и решающий, матч — с Канадой. Интересно, что две встречи, которые состоялись до этого между нами, не дали никому преимущества: счет матчей — 1:1, соотношение шайб — 7:7.

Мы выходим на лед. И вдруг слышим с трибун, совсем как в родной Москве, несется дружное чисто русское:

— Шай-бу! Шай-бу!

Мы радостно переглядываемся. Это кричат наши туристы, пришедшие посмотреть матч. Представьте, это милое, привычное слово, эти родные голоса так поднимают настроение!

Свисток. Игра началась. Нужно прямо сказать, ни в 1954 году в Стокгольме, когда победа осталась за нами

со счетом 7:2, ни в 1955 году, когда победили канадцы, ни раньше, ни позже на наши ворота никогда не обрушивалось такого града ударов. Двадцать минут непрерывно вся пятерка «Китченер Ватерлоо Датчмен» таранила нашу оборону. План канадцев был очень похож на тот, по которому играли против них чехословацкие спортсмены: все силы, всю энергию, все мастерство бросить на весы сразу, постараться сломить нас в первом периоде.

В эти минуты у нас была одна задача: устоять, устоять во что бы то ни стало! Разумеется, особо большая нагрузка выпала на защиту и вратаря. Нужно отдать им справедливость, они со своей задачей справились с честью. Именно за игру в этом матче Николай Сологубов был провозглашен лучшим защитником чемпионата. А итальянская спортивная газета написала: «Связка Николай Сологубов и Иван Трегубов является одной из самых надежных линий защитников мирового хоккея. Можно позавидовать стране, имеющей таких игроков экстракласса».

В этом сражении — а матч по напряженности, по остроте атак, по значению, которое ему придавалось, очень напоминал сражение — мы идеально точно выдержали тактический план, проявили высокую игровую дисциплину. Приказ был строг: вперед не ходить. И мы не ходили, даже оставаясь в численном большинстве, вернее, ходили, конечно, но не зарывались. Помнили, главное для нас на первом этапе — не дать соперникам забить гол, лишить их уверенности, измотать силы.

В перерыве Чернышев говорит:

— Дело сделано. Они уже глотают кислород. Можно теперь—можно и нужно! — атаковать самим.

Второй период наш. Бросаемся в атаку. Зажимаем соперников в зоне. Проводим серию бросков. Один из них, бросок Крылова, на 7-й минуте завершается голом,

— Мо-лод-цы! Еще шай-бу! — скандируют на трибунах наши.

Играть трудно. Соперники все чаще очень умело применяют силовую борьбу. Их тоже изо всех сил подбадривают канадские туристы. Они даже выбросили транспарант, на котором что-то написано большими буквами. Потом развертывают национальный флаг. Зовут своих спортсменов:

— Вперед! Вперед!

Может быть, внемля этому зову, а может быть, просто понимая, что второй период все решит, канадцы вновь начинают штурм. Борьба идет очень напряженно. Ведь каждая ошибка, каждый неверный шаг могут оказаться роковыми.

Звучит сирена. Последний перерыв. И за ним — последняя двадцатиминутка. Тренер дает последние указания. Все слушаем очень внимательно: ведь иногда одно замечание специалиста, наблюдающего твою игру со стороны, может избавить от многих ошибок.

В эти минуты немало работы и у нашего доктора. Некоторые ребята получили серьезные травмы. Три повязки делают герою сегодняшнего матча Николаю Сологубову.

— Сможешь продолжать игру? — спрашивает его Чернышев.

— Конечно, Аркадий Иванович! — отвечает защитник.

Молодец Николай! Сколько раз я восхищался этим простым, скромным, мужественным игроком. Я несколько раз играл против него в русский хоккей в первые послевоенные годы, когда Сологубов выступал за первую команду московского мясокомбината, где он работал слесарем. Уже тогда все отмечали его незаурядную технику, тактическое чутье, скорость..

В хоккей с шайбой он начал играть с 1949 года, то есть почти с момента зарождения этой игры у нас в стране, и почти сразу же выдвинулся в число лучших защитников страны. Через год он уже был введен в состав сборной команды СССР, где бессменно выступал в течение двенадцати лет. Я думаю, что и в сезоне 1963 года нелегко будет найти ему замену.

Спортивная судьба надолго соединила нас. Но так получилось, что два или три сезона мы выступали в разных коллективах. Сологубов — за ЦДКА, я — за Военно-Воздушные Силы. Встречи этих команд всегда носили острый, сугубо принципиальный характер.

Никогда не забыть мне нашу встречу в январе 1950 года. Армейцы прикрепили ко мне Николая Сологубова. В тот раз он начисто выключил меня из игры. Я выступал против знаменитых канадских, чехословацких, шведских, английских, американских защитников, но никогда мне не приходилось так тяжело, как в тот раз. Я увидел,

что этот человек обладает неопенимым качеством защитника — «железной хваткой», умением изолировать опасного игрока в команде противника.

Но мастерство Сологубова всегда заключалось в его универсализме, в умении хорошо и, часто помогать нападению. Кроме того, он обладал очень сильным, точным ударом с дальних позиций и нередко сам завершал неожиданным броском усилия своей команды. Тренеры канадских команд не раз заявляли, что и у них в стране, даже среди профессионалов — а игра канадских профессионалов представляет явление исключительное в спорте, — Сологубов являлся бы выдающимся игроком.

Но вот перерыв окончен. Начался третий период. Не успели ввести шайбу в игру, как динамовская тройка устремляется вперед, Уваров обводит защитника, вытягивает на себя второго игрока и точно отдает шайбу Кузину. Удар — гол!

Большого сделать ни мы, ни наши соперники не смогли. 2:0. Желанная победа! Она дала нам три золотые медали — чемпионов Олимпиады, мира и Европы.

Корреспонденты бросились к международным телефонам, передавая свои впечатления о матче. На следующий день читатели шведской газеты «Ню даг» прочли на первой полосе такие слова: «Олимпийские золотые медали советских хоккеистов означают триумф европейской школы хоккея». Итальянская спортивная газета писала: «Пожалуй, в хоккее с шайбой еще никогда не было более достойного олимпийского чемпиона, чем нынешний». «Юманите» поместила интервью с тренером канадцев Робертом Бауэром. Он заявил:

— Мы, конечно, ужасно огорчены результатом игры, но тут уж ничего не поделаешь. Советская сборная выиграла заслуженно. Мы играли в целом неплохо. Такой игры хватило бы для того, чтобы выиграть матч у любой команды, выступающей в хоккейном турнире, но для победы над русскими этого оказалось явно недостаточно. Команда СССР была лучшей на протяжении всего турнира. Она играла просто блестяще, и даже у нас, в Канаде, ее можно было бы побить с трудом.

Но все это мы узнали потом. А сразу же после матча, высыпав на лед, мы стали обнимать и целовать друг друга. Сюда же сбежались наши туристы, работники посольства, журналисты...

Потом потух свет. Яркий луч прожектора упал на флашток, по которому медленно, величаво поднимался Государственный флаг Страны Советов. Торжественные звуки нашего гимна плыли над ледяным стадионом, над отелями и притихшими домиками итальянского городка, над седыми вершинами Альп... И все, услышав эти звуки, поднимались и замирали в торжественном молчании, отдавая дань стране, добившейся такого успеха в спорте. И мы стояли плечо к плечу, равняясь на флаг Отечества. Стояли олимпийские чемпионы: Н. Пучков и Г. Мкртчян, Н. Сологубов, И. Трегубов, Г. Сидоренков, Д. Уколов, А. Кучевский, Е. Бабич, В. Шувалов, В. Бобров, Ю. Крылов, А. Уваров, В. Кузин, Ю. Пантюхов, А. Гурышев, Н. Хлыстов, В. Никифоров.

Потом мы все отправились в раздевалку. Сюда пришли наши туристы, корреспонденты, товарищи по спорту. Долго сидели мы здесь, усталые и счастливые. Кто-то запел. Знакомый, родной мотив сразу подхватили все:

И Москвой я привык гордиться,
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва.

Да, всегда наши мысли, наши поступки, наши дела были с ней и для нее — для родной Москвы, для любимой советской Родины.

МОСКВА-СПОРТИВНАЯ СТОЛИЦА МИРА



Так называю я главу, которая должна была бы открывать книгу, но которой мне хочется ее завершить.

чередной чемпионат мира по хоккею решено провести в Москве! Весть эта с быстротой молнии облетела советскую общественность и, несомненно, обрадовала ее. Наконец-то наш зритель сможет увидеть самые сильные, самые прославленные команды земного шара. Увидеть не просто в това-

ришееких матчах, а в ожесточенной, увлекательной, волнующей борьбе за первенство.

В метро, в автобусах, в учреждениях, на заводах и фабриках шли горячие споры о возможных победителях. И, конечно, среди них непременно назывались имена заокеанских мастеров шайбы — спортсменов Канады и США.

Мы с интересом читали рассказы о напряженных тренировках канадцев и американцев, об их горячем желании вновь скрестить клюшки с лучшими командами Европы. И вдруг сообщение: они не приедут.

Виновником этого стали, оказывается, государственный департамент США и министерство иностранных дел Канады. Два государства, любящие покричать о своей пресловутой преданности «свободе», наложили полицейский запрет на встречу спортсменов. И это отнюдь не единственный случай, когда империалисты и их приспешники, трусливые стратеги из НАТО, злобствующие реваншисты всех мастей мешают политике и спорт.

Спортсмены всего мира поднимают свой гневный решительный голос против этой вопиющей несправедливости. Встречи спортсменов служат великому делу сближения народов, укрепляют дружбу и взаимопонимание между ними. Кто против спортивных встреч народов, тот разоблачает себя в глазах общественности как враг мира, дружбы.

Конечно, было обидно, что не приедут сборные Канады и США. Радость, прелесть спорта состоит во встрече с сильными и опытными соперниками, в равной борьбе, в напряжении схваток. Но, конечно, ни жалкие потуги госдепартамента, ни рабское послушание его коллег из министерства Канады не могли омрачить или сорвать праздник хоккеистов земного шара. Он должен был состояться, и он состоялся, несмотря ни на что.

Упорно готовились к предстоящим состязаниям олимпийские чемпионы — советские хоккеисты. Мы отлично понимали, что удержать звание сложнее, чем завоевать его.

Вот почему на этот раз хоккеисты начали сезон как никогда рано. Уже в конце сентября на искусственном льду катка «Сокольники» был дан старт турниру с гандикапом на приз газеты «Советский спорт», который с тех пор стал традиционным и популярным состязанием

наших мастеров. Среди нас, участников, он вызвал сразу же большой интерес. Особенно нравилось то, что «фору», т. е. количество данных вперед шайб, сильнейшая команда узнавала только после окончания состязаний. Это учило каждого из нас сражаться до последней минуты, с полной выкладкой всех физических и моральных сил. А подобное качество просто необходимо настоящему бойцу.

Все острее и острее становился в нашем большом хоккее вопрос замены старой гвардии молодым пополнением. Многие из ветеранов, те, что стояли у колыбели новой игры в нашей стране, первое поколение советских хоккеистов, уже один за другим выходили из строя. Но на смену им неудержимым потоком, радуя бурно расцветающими талантами, шла молодежь.

Это особенно стало ясно после поездки второй сборной нашей страны, по существу молодежной сборной, в Мекку европейского хоккея — Чехословакию. Шесть побед при блестящем соотношении забитых и пропущенных шайб — 52:12 — и всего одна нулевая ничья — такому результату юных можно было только позавидовать. Особенно хорошо проявила себя в те дни тройка нападающих, в составе которой были Вениамин Александров, Константин Локтев и Александр Черепанов. Теперь ее знает каждый школьник. Но тогда она только всходила на горизонте большого хоккея. Хорошо проявили себя в турне по Чехословакии также Владимир Гребенников, Виктор Пряжников, Юрий Копылов и другие.

«Победы советских хоккеистов на чемпионатах мира, — писал в те дни спортивный обозреватель газеты «Руде право», — мы связывали неизменно с именами выдающихся хоккеистов, с целой плеядой талантов, променявших в свое время мяч на шайбу и бывших основоположниками фактически новой для советских людей игры. Теперь мы видим новое поколение мастеров, воспитанных на святом уважении к шайбе — только к шайбе и никакой другой игре. И мы видим, что это поколение уже заявляет о себе во весь голос, уже достаточно окрепло для того, чтобы беречь и умножать традиции прошлого».

Мы были согласны с этой оценкой и гордились тем, что наш спорт из года в год набирает силы, мужает и растет.

И, как бы подтверждая эту оценку, эту преемственность традиций, в январе 1957 года, когда к друзьям в Чехословакию выехала первая сборная страны, в ее состав целиком вошла тройка Александров — Локтев — Черепанов.

Еще в Москве эти ребята, мои товарищи по армейскому клубу, узнав о своем назначении, стали внимательно выпытывать, узнавать все, что можно, о предстоящих противниках. По их просьбе я и Евгений Бабич много рассказывали молодым о тактике чехов, об их выдающихся мастерах. Особенно интересовали наших нападающих, конечно, защитники.

— А что характерного в игре Вацлава Бубника?

— А правда ли, что Карел Гут не любит играть за воротами?

— А как проявил себя в последнем чемпионате Славомир Бартошь? — сыпался на нас град вопросов.

— Ну и любопытные же вы, ребята, — сказал им однажды кто-то из спортсменов, видя, как они ведут на меня и Бабича очередную «атаку».

Любопытные! Хорошее слово, хорошее качество. Трижды счастлив спортсмен, обладающий им. Игрок в хоккей должен изо дня в день воспитывать и развивать в себе это качество. Уметь наблюдать за игрой соперников, учиться у других, подмечать новые приемы и способы действия на поле — все это чрезвычайно интересно и важно, все это обогащает, дает новые силы.

Каждый хоккеист, например, просто обязан изучать, причем весьма тщательно, всех вратарей команд противника, с тем чтобы твердо уяснить себе их слабые и сильные стороны, их любимые и нелюбимые удары. Не жалейте труда для этого, посещайте все матчи на первенство, даже тогда, когда ваша команда не играет, пристально следите за игрой тех, кто завтра или послезавтра будет противостоять вам. Проявляйте любопытство в этом отношении, и чем больше, тем лучше. Вы увидите, что, выйдя на поле против игрока и защитника, против нападающего, хорошо знакомых своей манерой игры, вы станете значительно сильнее.

— Ну, а если встречаешься с командой впервые, если никогда ее не видел раньше? — могут спросить меня.

Конечно, тут дело сложнее. Но вы можете очень многое узнать даже только понаблюдав за вратарем сопер-

ника на разминке. Отдыхая на скамье, хоккеист тоже может при желании узнать многое о вратаре и о других игроках противника. Могу привести вам на этот счет очень поучительный пример.

Я уже писал в предыдущей главе, что одним из самых трудных состязаний в моей жизни была встреча с олимпийской сборной США в Кортине д'Ампеццо. Особенно хорошо играл тогда вратарь американской команды Уиллард Айкола, который впоследствии по праву был признан лучшим вратарем турнира. Мы засыпали его градом ударов, но все время шайба оказывалась то у него в руке, то перед его клюшкой.

— Просто волшебник какой-то,— шепнул мне Евгений Бабич, когда после очередной серии бесплодных атак мы, усталые, уступали место следующей тройке.

Я стал внимательно следить за Айколой. И через несколько минут имел о нем уже куда более подробные сведения, чем раньше. Во-первых, я установил, что вправо он перемещается гораздо быстрее, чем влево. Во-вторых, что он очень не любит верхних мячей а нервничает, когда шайба идет не по льду. Наконец я понял, что основа его мастерства лежит в непрерывном контроле за шайбой. Потерять хоть на миг ее из поля зрения было для него равносильно потере глаз.

Все это позволило мне составить наиболее эффективный план действий. В один из моментов второго периода мы с Бабичем разыграли нашу любимую комбинацию с оставлением шайбы. Суть ее состояла в том, что один из нас, получив шайбу, стремительно двигался вперед и вдруг, словно нечаянно, оставлял шайбу для партнера, двигавшегося сзади. Так было и в тот раз. Евгений выполнил прием идеально быстро, точно и продолжал двигаться вперед так, будто шайба еще у него, заслоняя вратаря. В мгновение подскочив к шайбе, я произвел молниеносный бросок в верхний, левый от вратаря, угол ворот. Так был забит второй гол, по существу решивший исход нашего поединка.

На торжественном закрытии Игр, перед построением, Уиллард разыскал меня и, пожимая руку, сказал:

— Из всех голов, пропущенных мною на Играх, самый страшный был от вас. Страшный потому, что мне показалось, вы разгадали мои слабости. Я очень не люблю верхний левый угол. Он — как проклятие...

— Я знал это,— сказал я ему.— Я следил за вами все время и увидел, что даже у такого вратаря, как вы, есть свои слабости.

— О, тогда этот удар вдвойне ценен,— произнес Айкола. И добавил.— Да, когда знаешь наши вратарские слабости, становишься сильнее. Верно ведь?

Из этой истории можно сделать вывод: всегда следите за игроками, изучайте их, будьте по-спортивному любопытными...

... Итак, 1957 год был знаменателен интенсивной подготовкой к очередному чемпионату и значительным притоком в большой хоккей новых, свежих сил. Во второй сборной наше внимание уже тогда привлекли Якушев, Петухов, Чистов. Радовали свежей игрой команды Горького, Свердловска. А на первых всесоюзных юношеских соревнованиях мы впервые услышали о братьях Майоровых, о Юрзинове и других подрастающих талантах.

Неудержимо несло вперед время. Приближался день открытия чемпионата мира, хозяевами которого на этот раз были мы. Хотелось все подготовить как можно лучше, встретить каждого гостя с распростертыми объятиями, с открытой душой.

В дни, предшествующие соревнованиям, все мы, москвичи, все советские люди, получили изумительный, я бы сказал, сказочный, подарок — Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Человеку свойственно забывать все плохое, забывать быстро. И сегодня, размещаясь на удобных трибунах изумительного Дворца, мы редко вспоминаем, как часами стояли на ярусах Восточной трибуны «Динамо», ежась от холода и леденящего ветра. Все теперь выглядит красивее, удобнее. С вводом Дворца в строй хоккей стал «теплее» и ближе. Не правда ли?

И наши гости, приезжавшие один за другим на чемпионат, с чувством удовлетворения отмечали это.

— Я могу от души поздравить советских спортсменов и болельщиков с этим прекрасным Дворцом,— сказал после первой тренировки наш большой друг Властимил Бубник.— Здесь есть все, о чем можно только мечтать.

А вот заявление Свеча Юханссона, знаменитого «Тумбы».

— Я уже слышал не раз,— сказал он,— что в вашей стране Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание физическому воспитанию народа. Теперь я убеждаюсь в этом своими глазами. И этот прелестный Дворец и весь стадион, в комплекс которого он органически вплетен, могут поспорить с любым спортивным сооружением мира. Поверьте мне, человеку, объездившему чуть ли не весь земной шар.

Мы гордились этой оценкой. Гордились и любовались своим Дворцом, как любят дети игрушкой, о которой они давно мечтали и которую заботливые родители преподнесли им к большому празднику.

За неделю до открытия чемпионата начался съезд гостей. Одними из первых в советскую столицу прибыли посланцы далекой Японии. Нет, они еще не были искушенными бойцами.. Но они тоже хотели играть, и мы дружелюбно принимали их.

Мне несколько дней пришлось провести среди японских хоккеистов. По их просьбе я помогал им освоиться с техникой и тактикой игры. Наши новые друзья попросили дать им возможность ознакомиться со спортивной жизнью столицы. Конечно, их просьба была удовлетворена. Они побывали на стадионе, в игровых залах, в легкоатлетическом манеже и бассейне Московского государственного университета, смотрели календарные матчи на первенство автозавода имени Лихачева, видели работу школы фигурного катания на коньках при стадионе Юных пионеров...

— Мы успели многое увидеть за эти дни,— заявил на пресс-конференции глава японской делегации.— Ваш город, ваша Москва, несомненно является сегодня спортивной столицей мира. Нас нередко удивляли разительные успехи представителей вашей страны на мировых чемпионатах и олимпиадах. Теперь мы видим истоки этой победы, ее разгадку. Она в том, что у вас спорт — истинно всенародное достояние.

Накануне соревнований газета «Советский спорт» провела анкету между капитанами участвующих команд. Она спрашивала, как подготовились к борьбе сборные коллективы, какое событие в истории команды мы считаем самым примечательным и что думаем о будущем хоккея.

Сейчас уже трудно, конечно, вспомнить, что ответил каждый из капитанов. Но все они отмечали, что их сборные тренировались перед встречами в Москве очень напряженно и с интересом ждут начала борьбы. Все они желали, чтобы хоккей с шайбой завоевывал все большую популярность.

Как капитан сборной СССР, ответил на анкету и я. Я рассказал, что нынешний год характеризуется в нашей команде сменой поколений, назвал в качестве дебютантов тройку Локтев — Александров — Черепанов, дав ей, как она этого заслуживала, самую высокую оценку.

«Девять лет тому назад, — продолжал я писать в анкете, — мы мечтали научиться играть по-настоящему, мечтали окрепнуть в борьбе и стать равными среди лучших. Что ж, хорошие мечты сбываются. Сбылись и наши. Советский хоккей вышел на широкую дорогу и стал не менее знаменитым, чем чехословацкий и даже канадский.

А мы и сегодня мечтаем. О чем? О том, чтобы в будущем хоккей был еще более знаменательным, еще более захватывающим и красивым».

В этой анкете я позволил себе особо поговорить о силе. О значении силы в развитии нашей игры. Мы не хотим, писал я, чтобы хоккей потерял зрительную красоту. Пусть правильно поймут меня, я не против применения силы. Но вряд ли приятно, когда зрителям вместо творческой, высокотемповой, комбинационной игры преподносят неприкрытую потасовку, постоянное стремление игроков к столкновениям. Ведь это выхолащивает тактическое и техническое содержание хоккея.

В качестве положительного примера я приводил Николая Сологубова. Он часто искусно пользовался силовыми приемами. Но у него не было никогда и капли желания сделать противнику больно. Его единственная цель — отбор шайбы, начало контратаки. Действия такого хоккеиста выглядят всегда не только смелыми и мужественными, но и доставляют большое эстетическое наслаждение. Точно такую же игру показывали Свен Юханссон, Владимир Забродский и многие другие выдающиеся мастера европейского хоккея.

Отнюдь не только для воспоминаний вытащил я на свет уже желтеющую газету со старой анкетой. К сожа-

лению, за последнее время некоторые наши игроки и даже команды в целом начали уж слишком откровенно копировать худшие стороны канадского хоккея — его известную прямолинейность и чрезмерное увлечение грубой силой. Я глубоко убежден, мы не должны, ни в коем случае не должны идти по этой дороге. Мы должны очень бережно хранить и умножать сугубо национальные традиции и черты в хоккее с шайбой. Что это за черты? Я отвечу на этот вопрос несколько позже.

...24 февраля 1957 года. Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина залит ослепительным светом. Трибуны заполнены до отказа. Празднично убраны ярусы, повсюду алеют флаги стран — участниц соревнований. А вот и сборные команды медленно, под звуки торжественного марша выкатываются на лед. Австрия, Германская Демократическая Республика, Польша, Финляндия, Чехословакия, Швеция, Япония... Семнадцать тысяч зрителей восторженно приветствуют рыцарей клюшки и шайбы, собравшихся сюда, чтобы в честной борьбе решить извечный спор: кто же сегодня сильнейший?

Задумывались ли вы когда-нибудь над вопросом: что влечет спортсменов друг к другу, что заставляет их не считаться с расстоянием, преодолевать многие тысячи километров по земле, воде и воздуху? Некоторые могут ответить: жажда победы и славы. Но разве, если рассуждать серьезно, могла рассчитывать на победу и славу команда Японии? Нет. Стремление лучше узнать друг друга, поучиться друг у друга, подружиться прежде всего ведет спортсменов в разные страны.

Но вернемся в переполненный зал Дворца спорта. Вот уже команды выстроились на центре ледяного поля. Юные москвичи преподносят каждому из участников маленькие букетики живых цветов. И председатель Федерации хоккея, обращаясь к спортсменам, говорит:

— Пусть каждый из вас примет эти скромные цветы как искренний привет москвичей и всего советского народа. Пусть напомнят они вам о весеннем солнце. И пусть ваш сугубо зимний чемпионат будет по-весеннему светлым и радостным.

Первая встреча у нас — с Японией. Конечно, спортсменам из страны Восходящего солнца еще трудно играть с олимпийским чемпионом. Но вызывают чувство

200

восхищения их энтузиазм, их хорошая спортивная злость, их готовность, несмотря на все возрастающий счет, сражаться до последней минуты, до финального свистка.

Наши ребята, верные себе, играют в полную силу. Иначе мы не можем — это будет неуважением к противнику. Все устают. Но в перерыве Николай Пучков, Евгений Бабич, Константин Локтев и другие члены сборной шли в раздевалку к японским спортсменам. Через переводчика они объясняли им наиболее характерные ошибки, давали советы, как играть лучше.

— Спасибо, большое спасибо, русские друзья,— слышали мы в ответ, и это, пожалуй, было самой большой, самой радостной наградой.

Дружба, зародившаяся в ходе первого официального матча на первенство мира, росла и крепла с каждым днем. По просьбе японских хоккеистов мы провели с ними несколько совместных тренировок.

В один из последних дней чемпионата японская команда встретилась с национальной сборной Австрии, также имевшей до этого лишь поражения. Два аутсайдера. Встреча их вызвала необычайно большой интерес. Причем ни у кого, разумеется, не было сомнений, что победят австрийцы. На их стороне были гораздо больший опыт, лучшая техника, наконец, глубокие национальные традиции в развитии зимних видов спорта.

Но все пошло вопреки предсказаниям. На сверкающем льду московского Дворца спорта развернулась такая увлекательная, такая захватывающая, такая принципиальная борьба, что аж дух захватило.

— Думал, скучно будет, да вижу: скучать некогда,— сказал мой сосед по трибуне, наблюдая за ходом сражения и потирая от удовольствия руки.

Да, скучать некогда было. Матч получился интересным и острым. Об этом можно судить и по результату — 3:3! Участники «сражения» сами, видимо, получили от него большое удовольствие. Они крепко пожали друг другу руки. А тренер японцев заявил корреспонденту московского радио:

— Ради одной этой встречи стоило проделать столь долгий путь.

Так вот, оказывается, что еще влечет всех нас — жажда интересной борьбы, жажда спортивных сражений, в

которых нужно проявить все свои способности, всю силу воли и мастерства, чтобы добыть победу.

Когда судья матча дал свисток, разрешающий участникам покинуть поле, японские спортсмены отправились не в раздевалку, а к трибуне, где сидели, наблюдая за ними, игроки советской команды. Они обняли нас и отдали на память клюшки, испещренные иероглифами. Переводчик перевел их значение: «На добрую память нашим русским учителям от благодарных учеников». Этот подарок я бережно сохраняю до сих пор.

Перед тем как перейти к описанию решающих встреч XXIII первенства мира, я должен отметить, что оно озаглавлено крупным и до некоторой степени сенсационным успехом хоккеистов Финляндии. Их выступление на чемпионате 1955 года оказалось очень неудачным: последнее, девятое, место при семи поражениях. В олимпийском турнире финны не выступали. Не удивительно, что и накануне московских соревнований их шансы оценивались отнюдь не высоко.

Но уже в первый день чемпионата гости из страны Суоми показали, что не тратили времени зря. Они победили сильную команду Польши со счетом 5:3, в следующем туре повторили этот результат против команды ГДР. Одним словом, в тот раз команда Финляндии заняла общее четвертое место. В последующие годы она неизменно подтверждала этот свой успех. Мне хотелось бы сказать попутно, что игра финских хоккеистов мне всегда нравилась и что если они серьезно поработают над скоростью, то могут добиться значительно большего.

Итак, московский турнир имел чрезвычайно много локальных интересов, принципиальных, а поэтому интересных, волнующих встреч. И все же я не погрешу против истины, если скажу, что основное внимание было обращено к встречам трех общепризнанных фаворитов. Первыми из этой тройцы турнирный жребий свел национальные сборные Чехословакии и Швеции.

Этот матч, свидетелем которого я был от начала до конца, запомнился навсегда. Запомнился мне своей хрестоматийной поучительностью, резким различием в решении тех задач, которые поставили перед собой команды в соревновании.

Интерес к этому состязанию был настолько велик, что его пришлось перенести из зала Дворца на Большую ар-

ну Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Так, впервые ее вместительные трибуны заполнили поклонники зимних видов спорта. Несколько десятков тысяч москвичей пришли на состязание. Это было лучшим свидетельством того, каким все возрастающим успехом пользуется игра у советских людей.

Матч оправдал возлагавшиеся на него надежды. Уже счет по периодам — 0:0; 1:0; 1:0 — говорит о том, какой напряженной и яростной была борьба на льду, как до последнего момента нельзя было определить ее исход.

Как же сложился поединок этих двух замечательных коллективов? В первом периоде мы почти не видели лидера шведской команды Свена Юханссона. Он, как и все его товарищи по команде, вел незаметную черновую работу, играя в необычной для себя роли подыгрывающего и часто оставаясь во второй линии.

— Сдает «Тумба», — сказал Алексей Гурышев, когда команды ушли на перерыв.

— Обожди хоронить его, — ответил ему Евгений Бабич — Будь я на месте чехов, я бы ему не поверил.

Да, Евгений был прав. Такого хоккеиста, игрока экстра-класса, надо всегда иметь в виду, всегда зорко стеречь. Чехи забыли об этом. Свен усыпил их бдительность. И им пришлось дорого заплатить за это.

Только прозвучала сирена, известившая о начале второго периода, как зрители и, разумеется, участники происходящего поединка увидели на льду преображенного Юханссона. Теперь это был именно тот самый неповторимый «Тумба», слава о ком пронеслась по многим странам мира. Демонстрируя отточенное индивидуальное мастерство, великолепное искусство владения клюшкой, он неудержимо рвался вперед. Он играл смело, предельно самоотверженно. Чехов явно обескуражило такое перевоплощение. Они стали подлаживать к нему своих сильнейших защитников, но это натаскивание скорее пораждало нервозность, нежели служило сдерживанию лучшего игрока Швеции.

Воодушевленные игрой своего лидера, шведские хоккеисты неустанно набирали скорость атак. Чехи ответили тем же. Порой трудно было уследить за тем, что делается на поле. И вот в этом вихре Свен Юханссон, овладевший шайбой в средней зоне, сумел на предельной скорости обойти двух защитников и редким по красоте броском

забросить первую, и по существу решающую, шайбу. Товарищи бросились к нему, выражая свое восхищение поднятыми вверх клюшками и похлопыванием по спине. Ничего не поделаешь, в хоккейной амуниции не очень-то пообнимаешься. А мы отбивали ладони, от души приветствуя то подлинное искусство игры, которое только что было продемонстрировано на поле.

Третий период, пожалуй, описать невозможно. Он был весь насыщен борьбой, острыми ситуациями, непрекращающимися бросками — всем, чем так богата и прекрасна эта игра. Это был поединок равных. И все-таки за пятьдесят секунд до финального свистка шведы провели еще одну шайбу, выиграв этот невиданный по напряжению матч — 2:0.

— Да, повезло,— сказал кто-то у судейского стола.

Непосвященному действительно могло показаться, что в этом состязании, в этом матче равных возможностей, победа пришла как случай, как удача. На самом деле — и мы это отчетливо видели — шведы переиграли своих соперников тактически, переиграли очень умно, избрав правильный, четкий план сражения. Именно в этом смысле матч и явился хрестоматийным. Он показал, как исключительно важно все предвидеть, все продумать.

Я позволю себе занять внимание читателя и привести график игры шведов. **Первый период** — посвящен целиком обороне, четкому сдерживанию неуклонно рвущегося вперед противника. **Второй период** — строго расчленен на этапы. Вначале, минут десять, шведы продолжают оборонительные действия, вызывая своих соперников на продолжение штурма, изматывая их. Затем следует взрыв, команда решительно устремляется вперед, проводя целую серию, я бы сказал, целую бурю, атак. Именно в этот момент растерявшиеся от неожиданности чехословацкие спортсмены и пропустили первую шайбу, ставшую для них роковой. **Третий период** — вначале, до смены ворот, шведы продолжают яростный натиск, не позволяя сопернику наладить планомерное наступление. Последние десять минут — северяне организуют стройную оборону на рубеже своей синей линии и периодически проводят контратаки, не позволяя чехам уделять все внимание наступлению.

Таким образом, сборная Швеции продемонстрировала в этом состязании удивительную тактическую гиб-

кость, умение по несколько раз в течение матча менять рисунок и характер ведения игры с учетом конкретно складывающейся на поле обстановки.

Чехословацкая сборная тоже показала себя в этом поединке, с самой лучшей стороны. Ее сильными сторонами были, как всегда, предельно скоростные действия в атаке, точность розыгрыша шайбы при любом темпе. Однако на этот раз мы увидели и ряд недостатков. О них нельзя не сказать, потому что многие команды допускали их и могут — но не должны! — допускать впредь. Что же это за недостатки? Во-первых, чрезмерное увлечение атакой в ущерб неприкосновенности собственных ворот, недолюбливание нападающими силового единоборства — и как следствие проигрыш сражений с защитой противника. И, наконец, отсутствие нужного спокойствия, что, в конце концов, погубило наших друзей в том матче и может погубить всегда любую, даже самую сильную, команду. Спокойствие и уверенность — неocenимое богатство спортсмена.

Перед игрой сборной СССР с Чехословакией у меня в результате полученной при столкновении в одном из состязаний травмы было предгангренозное состояние ноги. Врачи объявили безапелляционный свой приговор: играть нельзя! Из-за травмы не смог продолжать игры Евгений Бабиц. Таким образом, по существу целая тройка была «вынута» из команды перед двумя решающими матчами.

И все-таки в душе мы все надеялись на успех. Надеялись, что молодежь сумеет с честью выдержать выпавшие на ее долю испытания.

Однако не все получается так, как думается. Уже встреча со сборной Чехословакии показала это. Нам, сидевшим на скамье для запасных, пришлось изрядно поволноваться. Первый период не дал результата, хотя молодежная тройка Александров — Локтев — Черепанов имела хорошие возможности открыть счет. Подвела, как это часто бывает, нервозность, спешка.

Обе команды атаковали очень остро и демонстрировали красивый, содержательный хоккей. Счет открыли наши гости. Прекрасно выполненная комбинация Грабовский — Пантучек завершилась взятием ворот. А через несколько минут судьи удаляют одного из наших игроков. На поле четыре советских хоккеиста против

пяти чехов. Создалось угрожающее положение. Вторая шайба в таком состоянии нервов могла оказаться решающей.

Тут-то и выручил товарищей ветеран сборной заслуженный мастер спорта Николай Сологубов. Перехватив шайбу в своей зоне, он героически — иначе это не назовешь — пошел вперед, на большой скорости обошел нескольких игроков, не потеряв шайбы, прошел через всю площадку, с олимпийским спокойствием выманил на себя вратаря и сквитал счет. Другого такого примера из своей богатой хоккейной практики я не помню!

Когда счет 1:1, а впереди всего один период и матч решает судьбу чемпионата или, во всяком случае, в значительной степени влияет на нее, можно не сомневаться, что третий период будет очень острым. Так оно, конечно, и вышло. Обе команды играли превосходно, но повели опять чехи. На этот раз шайбу в наши ворота провел нападающий Зденек Покорный. После этого соперники ушли в оборону, и нашим ребятам досталась нелегкая задача — отыгрываться. В такие минуты кажется, что время идет вдвое быстрее. Его оставалось совсем немного, когда Хлыстов сумел обойти, двух защитников, точно выдать шайбу Алексею Гурьшеву, и тот своим коронным, огромной силы ударом-шелчком послал ее в ворота. 2:2. Так и закончился этот напряженнейший поединок.

Теперь все зависело от встречи Швеция — СССР. Она состоялась в мягкий, спокойный вечер 4 марта. Не только Южная, но Западная и Восточная трибуны Большой спортивной арены были заполнены зрителями. Еще бы, ведь встречались сильнейшие команды континента, встречались в споре за звание чемпиона мира и Европы.

К великому сожалению, наша сборная провела это ответственнейшее состязание явно ниже своих возможностей. Даже учитывая, что это был год смены поколений. Даже учитывая, что выбыла из боя одна из троек.

Мы могли и должны были сыграть лучше. Могли — об этом красноречиво говорит сам ход матча, развитие событий в нем, его внутренняя логика.

Известно, что команды вступали в бой не в одинаковых условиях. Шведских спортсменов, имевших на своем счету только победы, вполне устраивала ничья. Нам

для достижения первого места нужна была победа, и только победа.

Может быть, сознание трудности этой задачи и предопределило начало состязания. Наша команда повела борьбу в явно не свойственной ей манере. Неизвестно, откуда появились робость, неуверенность, удивительная медлительность при розыгрыше шайбы. Шведы, разумеется, не замедлили воспользоваться такой любезностью. В самом деле, когда тебя не атакуют, остается один «выход» — атаковать самому. Так и поступили наши соперники. Дважды их нападающие произвели удачные броски. Две шайбы были в наших воротах. Закончился первый период.

В раздевалке — тягостное молчание. Аркадий Иванович Чернышев спокойным, размеренным голосом объясняет ребятам ошибки, требует:

— Нужно играть быстрее, во много раз быстрее. Нужно, наконец, сбросить с себя оцепенение.

Но непонятная скованная игра продолжается. Только исключительно мужественные, самоотверженные действия защиты спасают нашу команду от новых неприятностей. На 12-й минуте шайба, брошенная шведскими нападающими, трижды подряд попадает в штангу. Трижды замирает — и облегченно вздыхает стадион.

Когда-то я читал, что некоторые виды болезней лечат сильными электрическими зарядами. Может быть, именно эти три шайбы, одна за другой ударившиеся о стойку наших ворот, и явились пробуждающим электрическим ударом. Потому что буквально через мгновение мы увидели, что на поле произошло чудо.

Начала на этот раз молодежная тройка. Александров, Локтев и Черепанов, вышедшие на лед, вдруг рванулись вперед с такой скоростью, с такой неожиданной яростью, что явно озадачили противников. Одна волна атаки, другая, третья... Вот Черепанов стремительно входит в зону, обыгрывает одного из защитников, передает шайбу Александрову, и тот с лёту забивает красивый гол. 1:2!

Этот успех, успех, пришедший в результате изящной, стремительной, безукоризненно исполненной комбинации, зажег искру вдохновения в сердцах моих товарищей. И то, что последовало в заключительные семь минут второго периода, можно с полным основанием на-

звать чудесным игровым этюдом. На поле взметнулся настоящий вихрь атак. Шведы растерялись. Наш темп им оказался явно не под силу. Чем яростнее натиск советских хоккеистов, тем все беспорядочнее, все неорганизованнее отбиваются они. «Только бы удержать счет, только бы устоять» — эта мысль сквозит теперь в каждом их действии, в каждом поступке на поле.

Но устоять не удастся. На 17-й минуте вышедший вперед Иван Трегубов редким по красоте и силе броском издалека сравнивает счет. Еще через две минуты Николай Хлыстов в острейшей схватке у ворот проталкивает шайбу мимо шведского вратаря. 3:2! Трибуны гудят как разбуженный улей, пятьдесят тысяч голосов, сливаясь в один, требуют:

— Еще шайбу! Еще шайбу!

Секундная стрелка начинает свой последний оборот во втором периоде. Остается всего пятьдесят секунд игры. И тут повторил свой подвиг Николай Сологубов. Он вновь замечательно прошел вдоль всего поля и четко забил четвертый гол. Красный свет над воротами шведов вспыхнул за пять секунд до перерыва.

Ликованию не было границ ни на трибунах, ни в раздевалке нашей сборной. Никто не сомневался в том, что игра уже сделана, что противник морально и физически подавлен. И если три удара в нашу штангу при счете 0:2 явились, выражаясь языком медиков, сильно-возбуждающим средством для нашей команды, то волна радостных возгласов, преждевременных восторгов, никому не нужных обменов сладостными воспоминаниями о прошедшем периоде усыпила наших ребят.

Среди многих тысяч людей, находящихся на стадионе в период ответственных матчей, есть группа, которая не имеет права думать об окончательном итоге состязания до тех пор, пока оно не кончено. Пусть счет неизмеримо высок, пусть он в вашу пользу — твердите себе об одном: надо продолжать играть, играть с полным напряжением сил, играть и забивать еще. Пусть вы проигрываете, пусть в сетке побывало уже несколько голов — твердите себе об одном: надо продолжать играть, еще ничего не потеряно! В этом — азбука спорта, в этом — одно из его философских начал. Увы, в тот раз об этом забыли даже такие опытные мастера, как игроки сборной страны.

Когда начался третий период, я внимательно следил за шведскими хоккеистами. Их действия отличала огромная настороженность. Они явно ожидали нового штурма, они подготвились к обороне, к удержанию счета, чтобы не проиграть еще крупней. Но, увы, штурма не последовало. Наша команда вновь резко сбавила темп и потеряла инициативу. Шведы изредка, но остро контратакуют. Счет становится 4:3, а затем и 4:4. Драгоценное преимущество, добытое дорогой ценой, растаяло. Последние минуты шведы умышленно тянут время, дважды судьи делают им предупреждение.

За две минуты до конца наши тренеры идут ва-банк. Они заменяют вратаря шестым полевым игроком. Но к этому команда еще не была тогда готова. Игроки не идут вперед, а все время оглядываются на пустые ворота. К тому же для нас далеко не безразличен исход встречи: в случае проигрыша сборной СССР серебряные медали получают спортсмены Чехословакии. И Николай Пучков вновь возвращается на свое место.

Вот и финальный свисток. Шведы не скрывают своего восторга. Они в порыве нахлынувшей радости ломают клюшки, целуют друг друга, подбрасывают в воздух своего капитана и несомненного лидера Свена Юханссона. А наши ребята стоят опустив головы и ждут, когда схлынет эта первая волна ликования, чтобы можно было подойти и поздравить с заслуженной победой своих соперников по матчу, своих больших друзей по спорту.

Потом была церемония награждения, и я вместе со всей командой стоял в торжественном строю, получая серебряную медаль за второе место на чемпионате мира. Я стоял, и непонятная тоска сдавливала сердце. Может быть, оно, сердце, уже знало, что это последняя страница моей биографии в большом спорте.

Да, это была последняя страница. Годы взяли свое. Я поступил в институт физической культуры и недавно окончил его, работал вместе с Григорием Ивановичем Федотовым тренером армейской футбольной команды, а сейчас работаю с ребятами школьного возраста... Но навсегда в памяти сердца остались дни, проведенные на футбольных и хоккейных полях. Неповторимые, полные страсти, радости и большого человеческого счастья дни.

И чем дальше уходили они в прошлое, тем все больше и больше хотелось мне поведать об этих днях нашей

талантливой молодежи, нашему юношеству, нашей смене — тем, кто продолжает и умножает сегодня на зеленых и ледяных полях наши традиции.

И вот мечта осуществлена, книга окончена. Я перелистываю написанные страницы, и чувство беспокойства не покидает меня. Сумел ли я рассказать обо всем, о чем хотел, сумел ли передать хотя бы крупицу нашего опыта, все ли высказал?

Все ли? Нет, еще не все. На правах ветерана, человека, всем сердцем болеющего за честь и славу советского спорта, я начал эту книгу с раздумий о причинах неудач нашего футбола. С тех пор, как была написана первая глава, утекло немало воды. Немало авторов в различных газетах и журналах солидаризировались с мнениями, высказанными мной в главе «Почему?» Но от этого ее смысл не изменился, а ее значение не пропало. Я думаю, что вопросы, поднятые в ней, будут актуальны еще долгое время.

О футболе мне бы хотелось сказать еще только одно. Вникая в сущность причин, мешающих нам добиться еще больших успехов в развитии этой прекрасной игры, мы очень много говорим о тактике, календаре, международных встречах и других не менее важных вещах, которые, несомненно, каждая в отдельности и все вместе взятые, имеют большое значение. Но, говоря обо всех этих в сущности высоких материях, мы иногда — я имею в виду наших критиков, нашу прессу, нашу общественность, наконец, наших руководителей — забываем об азбуке, об основе, о фундаменте — о непрерывном, неутомимом тренировочном труде. В 1962 году мне пришлось провести довольно продолжительное время среди некоторых команд класса «Б». Не буду называть их — это не имеет никакого значения. Не имеет потому, что явления, с которыми я там встретился, увы, пока еще являются «достоянием» не только этих коллективов.

А встретился я вот с чем. Тренировки в командах налажены не систематически. Некоторые игроки позволяют себе и вовсе пропускать их. А те, кто выходит на поле, действуют так, будто отбывают тяжелую повинность. И, что самое страшное, с этим мирятся руководители команд, мирятся тренеры.

Наблюдая такие картины, я буквально схватился за голову. Я вспомнил еще раз нашу команду ЦДКА. Ни-

кто не сочтет меня хвастуном, если я скажу, что в ее составе были куда более подготовленные в техническом и тактическом отношении игроки, чем, скажем, сегодня у калининской «Волги». Но все они без исключения — я уже писал это — изо дня в день, очень последовательно и трудолюбиво работали над повышением своего мастерства. Именно труд, упорный и вдохновенный, не прекращающийся ни на один день, рождал для нашего футбола таких корифеев, как Федотов и Пономарев, Гринин и Трофимов, Николаев и Дементьев, Петров и Савдунин, Башашкин и Крижевский, Никаноров и Хомич...

Эту неугасимую, ни с чем не сравнимую любовь старшего поколения к большому тренировочному труду, к непрестанному восхождению по лестнице футбольного мастерства нужно беречь, как славную традицию. Без этого ни о каком движении вперед нечего и думать.

Я начал эту книгу с вопроса, обращенного в сторону большого футбола «Почему?» Почему мы не можем взойти на самые гордые вершины мирового футбола? В хоккее мы уже добирались до этих высот. Но не слишком ли долго там пребывают другие? Ведь после 1956 года нам лишь раз удалось подняться на самую высшую ступеньку пьедестала почета. Этот вопрос тоже занимает умы. Он волнует нас, тех, на чью долю в 1954 году выпала честь дебютировать на арене мирового хоккея, и дебютировать успешно.

Несомненно, хоккеем во всех странах сделал огромный скачок вперед по сравнению с тем временем. Но сделан Этот скачок и у нас. Почему же мы начали терять прежние позиции и то и дело уступать командам, побороть которые в недавние времена было нам под силу? (Успех в последнем чемпионате мира еще надо закрепить.)

Я думаю, одна из причин такого положения кроется в том, что мы, как ни горько об этом говорить сегодня, предали забвению некоторые сугубо национальные черты нашего хоккея, черты чрезвычайно важные, дававшие нам ряд неоспоримых преимуществ в борьбе с самыми сильными и опытными соперниками.

Вспомним теперь уже далекий 1948 год, когда мы впервые попробовали свои силы в матче с сильнейшей чехословацкой командой ЛТЦ. Чехи уже были к этому времени чемпионами мира и Европы, мы — зелеными новичками. Но наши строгие учителя увидели в совет-

ской команде нечто такое, чему, оказывается, можно было и позавидовать. «Русская сборная,— заявил в интервью корреспонденту чехословацкого радио капитан национальной команды Владимир Забродский,— имеет уже сейчас неоспоримое преимущество над всеми любительскими, а может быть, и не только любительскими, командами мира по одному пункту хоккейного закона о победах. Этот пункт — скорость».

Да, скорость была неизменным и действенным нашим оружием, причем оружием такой силы, которого не было у противников. Оно помогало нам сражаться на равных с сильнейшими даже тогда, когда мы не знали всех тонкостей техники новой для нас игры и не имели достаточных навыков ведения силовой борьбы. Мы превосходили в скорости все, абсолютно все команды, с которыми лично мне приходилось встречаться. Это неоценимое качество дал нам русский хоккей, в который с раннего детства мы все с удовольствием играли.

То, что это именно так, можно подтвердить на целом ряде примеров. Приведу лишь два. Все любители спорта отлично знают Вениамина Александрова. Это игрок, обладающий богатейшим техническим арсеналом, но, когда я смотрю за его игрой, я невольно прихожу к выводу, что он оказывается бессильным решить на поле ряд задач, которые были с руки Евгению Бабичу или Виктору Шувалову. Его подводит «тихоходность», вернее, скорость, ничем не отличающаяся от скорости канадских, чехословацких, шведских и иных спортсменов.

А вот еще один пример. Юрий Копылов — тоже всем вам достаточно хорошо известное имя. Он, как и Александров, вырос в хоккее с шайбой и стал большим мастером этой игры. Совсем недавно мы — армейские ветераны — пригласили его сыграть в товарищеском матче в русский хоккей. И, поверьте, я не узнал этого большого мастера. Он буквально не мог двигаться за остальными. Явно не хватило скоростной выносливости.

Я думаю, что именно этот случай лучше всего и яснее всего дает нам возможность ответить на волнующий вопрос: куда исчезла наша скорость, почему прекратилось наше преобладание в этой области? Начав тренироваться только на площадях игрового поля для хоккея с шайбой, заперев молодежь в узких коробках, ограниченных высоким бортом, мы обокрали сами себя. Есть ли вы-

ход из создавшегося положения? Есть ли способ вернуть растраченное, потерянное богатство? Да, есть.

Я думаю, что нужно вновь, как это и было раньше, вводить в программу каждого тренировочного занятия специальные скоростные упражнения, взятые у футбола, на земле, т. е. в летний и осенний периоды, с последующим переносом занятий на большие площадки льда.

Во-вторых, на мой взгляд, командам по хоккею с шайбой необходимо проводить ряд занятий на большой площади, лучше всего на игровых полях для русского хоккея. Причем эти занятия должны носить плановый, систематический, хорошо продуманный характер. Только тогда они смогут принести большую пользу.

В-третьих, следует немедленно, хотя бы в какой-то мере, вернуться к тому, с чего мы все начали: осуществлять пополнение наших ведущих команд за счет русского хоккея. В десятках и сотнях наших городов и сел эта игра, к счастью, еще до сих пор пользуется большой, заслуженной популярностью. И почти в каждой из многочисленных команд можно встретить одного-двух, а то и больше парней, отличающихся особенно быстрым бегом и хорошей техникой владения клюшкой. Если к этим двум драгоценным качествам можно прибавить еще одно—юность, нужно всеми силами постараться увлечь его хоккеем с шайбой. Почти наверняка он станет и здесь — разумеется, после соответствующего перучивания — большим мастером. Мы можем и мы должны вернуть себе оружие высокой скорости, оно поможет нам в грядущих спортивных битвах.

Несмотря на то, что наш хоккей в общем и целом сделал за последнее время решительные шаги вперед, вырос и окреп, мне, внимательно наблюдающему за его развитием, хочется, а вернее, просто необходимо отметить, что и в технике ведения игры мы предали забвению ряд навыков, способов, приемов, которые выгодно отличали нас от спортсменов других стран.

Взять, например, владение шайбой. Игра представителей моего поколения была характерна в этом отношении применением широких обманных движений вправо, влево, вперед, назад, что, по свидетельству многих специалистов, чрезвычайно затрудняло оборонительные действия противника. Помню, защитник чехословацкой сборной Вацлав Бубник говорил мне:

— Никак не привыкну к этим чудесным широким уходам ваших нападающих, хотя выступаю против советских хоккеистов уже далеко не первый год. Все дело в том, что вы ведете и обводите не так, как все.

Не так, как все! Что может быть для спортсмена выше этой похвалы?! К сожалению, мы не захотели отнестись бережно и к этому достоянию, пошли по пути копирования западных команд, стали все чаще и чаще переходить на ведение шайбы способом мелкой «рубки», что является очень привычным для защитников всех западных команд. Следовательно, и здесь отступление от национальных традиций является шагом назад, шагом отнюдь не в нашу пользу. Над этим стоит поразмыслить игрокам наших ведущих команд и их тренерам.

Несомненно одним из замечательнейших качеств нашего хоккея в недалеком прошлом была исключительно высокая точность передач на предельных скоростях. Это позволяло нашим тройкам проводить интересные многоходовые комбинации, быстро проходить оборонительные рубежи противника, затруднять его защитные действия. По-видимому, к нам, старшему поколению, эта точность также перешла от русского хоккея. Но она отнюдь не врожденное качество. Точность передач вырабатывается напряженным повседневым трудом, специальными упражнениями, взаимопроверкой игроков.

Если кто-либо из читателей возьмет на себя труд просмотреть газетные отчеты о матчах нашей сборной в шестидесятых годах, о чемпионатах страны этого же периода, то перед фразой «удар по воротам» вы часто найдете слова «неожиданный», «молниеносный», «кинжальный» и т. д. Вот, например, как писала в отчете о матче ЦДКА— ВВС газета «Труд»: «Армейцы так стремительно разыграли начало и Евгений Бабич так искусно, так совершенно незаметно для противника, и для зрителей, и даже для своих партнеров произвел удар, что все поняли, что гол забит, лишь тогда, когда над воротами соперников вспыхнула красная лампочка»...

Стоит задуматься над этой извлеченной из архива заметкой. Искусство неожиданного, скрытого броска тоже было нашим достоянием. И действительно, болельщик порой не замечал, как шайба влетала в сетку. А сейчас иногда бывает, уже трибуны кричат, видя, что хоккеист находится на отличной позиции:

— Бей! Ну бей же! — А он все медлит и медлит с броском.

Почему? Значит, на это не было обращено должного внимания в ходе учебы, не уделено необходимого времени и труда, настойчивости и терпения совершенствованию бросков по воротам в условиях, максимально приближенных к боевым.

Из нашего арсенала исчез целый ряд ценнейших тактических ходов и способов ведения атаки, которые в прошлом, как правило, оказывали неоценимую услугу. Я, например, за последнее время ни разу не видел в игре даже лучших наших команд комбинацию с оставлением шайбы друг другу. А ведь это, если хотите, по существу единственно правильный метод ведения игры, когда противник навязывает силовую борьбу. Нашей тройке именно путем, оставления шайбы не раз удавалось нанести решающий удар по сильнейшим защитным линиям. Конечно, и это все требовало труда. На тренировках мы по 100—200 раз повторяли это «оставление». Но, друзья, ведь недаром же говорится: «тяжело в учении — легко в бою». Это старое суворовское правило очень хорошо подходит к нам, спортсменам.

Я мог бы еще долго говорить о национальных чертах в хоккее с шайбой, которые сами же мы забыли. Но это потребовало бы очень много времени, может быть, даже отдельной книги. Важно, в конце концов, сейчас не то, сколько пунктов ты перечислишь. Важно обратить на это внимание. Важно, чтобы над этим задумалась наша общественность.

Последняя страница. Последнее слово. Что же сказать в нем? Вероятно, самое главное, самое важное.

Да, самое главное. Перефразируя известные слова, я бы выразил это главное так: Родина, партия, Советское правительство дали нам, спортсменам, все, лишив только одного: права плохо играть. По стадионам мира мы должны высоко и гордо пронести знамя нашего спорта — спорта страны, строящей коммунизм.

СОДЕРЖАНИЕ

Почему?	3
Мальчишки	13
Новый игрок	26
Открытие футбольной Англии. . .	40
Родились ли мы удачливыми? . . .	70
Незабываемые встречи	83
Зимние страсти	101
Олимпийский камень	118
Не так страшен черт	141
Падения и взлеты	167
Москва — спортивная столица мира	192

Всеволод Михайлович Бобров **САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЧ**

Редактор А. П. Нолле
Художественный редактор Е. М. Галинский
Художник М. З. Шлосберг
Технический редактор М. Н. Манина
Корректоры В. А. Гейшин и З. Самылина

Изд. № 2344. Сдано в набор 11.И.1963 г. Подписано к печати 8.VIII 1963г. А06499. Формат 84x108 ¹/₃₂ Объем 3,38 бум. л., 11,07 усл. печ. л. 6,75 физ. печ. л. 11,3 уч.-изд. л. Тираж 90 000 экз. Цена 34 коп. Заказ 2373.

Издательство «Физкультура и спорт», Москва, М. Гнездниковский пер., 3.

Воронеж. типогр. изд-ва «Коммуна»,
пр. Революции, 39